

С БЕРЕГОВ ДНЕПРА
(Очерки Запорожья)

Путевые записки и исследования

I.

«Степи зеленіють:
Діди лежать, а над ними
Могили синіють.
Та що із того, що високі?
Ніхто їх не знає».
Шевченко.

Судьба Муравского шляха. - Новые владельцы степи, сменившие помещиков. - Современная сценка на заоранной дороге. - Попутное село Ново-Гупаловка. - История заселения. - Статистика. - Воспоминания стариков о привольной степи. - Название запорожских урочищ, степи и связанные с ними предания. - Случаи находок. - Рассказы и легенды о запорожских кладах

От Александровска до д. Софиевки по рельсовому пути всего одна станция. В открытой широкой степи почтовая бричка заменила душный вагон и мы очутились на большой проезжей дороге. Эта историческая дорога в XVII веке составляла ветвь *Муравского шляха*, в XVIII и первой половине нынешнего века слыла под именем *Чумацкой* и *Крымской**, теперь, с проведением «чугунки», с исчезновением чумачества, она сократила вчетверо свою ширину и, утратив первые имена, названа «*Большою и Битою*». Тянулась некогда эта дорога из далекой России через Украину и Запорожские Вольности*, тянулась через Самарь, Московку до Конских¹ Вод и здесь, у государственной слободы Консководовки, ныне Григорьевки (гр. Канкрина), соединившись с *Крымскою* дорогою правого берега Днепра, пролегающею через *Кичкаский перевоз** и Александровскую крепость, тянулась *Дикой степью* до самой *Перекопской башты**.

Много раз в жизни случалось колесить по этой дороге, но вспомним последнюю поездку. Это было в 1882 году, в лучшую пору мая, когда наливалась рожь, зеленели «ярыны»², когда на сенокосах там и сям рядами строились косари, блестели косы, раздавались звуки «мантачки»*, когда на стороне гребцов звучала мелодия родной песни. Это было в цветущую пору весны, когда степь юга представляет поэтическую картину жизни и разнообразия.

Скоро оставили за собою перекресток *Донского шляха*, оставили чугунку, скоро миновали д. Софиевку на балке *Вильной* и через

---

¹Реки: первая в Новомосковском уезде, последние две – в Александровском Екатеринославской губернии.

²Хлеба весеннего посева.

полчаса очутились на кряже степи. Я велел остановить лошадей и взял бинокль. Чудная панорама! Сколько деревень, усадеб, хуторов в этой бесконечной широкой степи!... Сколько балок, могил, могилок! А далеко - далеко, на целинной степи какая масса холмиков - их тысячами не сочтешь. Ведь это родина сурков¹, лет 50 назад исчезнувших бесследно! Но это там, а здесь, на пахоте? Здесь и следов их нет, здесь даже курганы растасканы плугами. О, время, люди! Но странная вещь: давно-ли здесь стало столько селиться? Несколько лет перед этим мы знали помещичьи деревушки *Нестелея*, *Миргородскаго**, знали да и теперь пред нами в вербах хутор Николая Сергеевича *Белого** - этого маститого потомка запорожцев². Откуда-же

---

¹ Местное название – бабак.

² 70-ти летний здоровый рослый старик Белый, внук «войска черноморского полкового ассаула» Федора Белого. Последний оставил потомству следующие интересные документы: 1) «лист, выданный ему в 1778 г., за подписом генерал-поручика, расположенного в Новороссийской губ., по правую сторону Днепра, корпуса, Петра Текелия* о том, что он служил в войске запорожском с 1751 г. по день падения Сечи в 1775 г., служил и позже, был в походах, сражениях и награжден полковым хорунжим»; 2) аттестат от 24-го мая 1782 г. за подписом генерал-поручика губернатора Воронежск. и Харьковск. Василия Алексеевича Черткова* в том, что «полковник ассаул, Федор Белый, в бытность его в Азовской губернии губернатором поручаемы ему по земству дела исполнял радетельно, при том никаких предосудительных пороков, как в сходство имянного о разрушении бывшей Сечи Запорожской манифеста с прочими старшинами бывшего Коша Запорожскаго, в буйстве не участвовал»; 3) паспорт, выданный с 9 октября 1792 по 30 мая 1793 г. за подписом черноморского казачьего войска войскового судьи полковника оттоманской гребной флотилии командира и кавалера Антона Головатаго, из которого видно, что «оного войска полковой ассаул армии поруч. Ф. Белый был отпущен в дом его, состоящий Новомосковского уезда, в с. Губинихе, для выводу оттоль наново пожалованную тому войску в острове Фанагорийском землю, его семейства и имущества»; 4) посемейный список, из коего видно, что Ф. Белый был женат на дочери бывшего запорожск. войска полковника Шеремета - Варваре Игнатьевне и имел сына Сергея; 5) патент государственной Военной коллегии о переименовании Белого из полковых ассаулов в армейские поручики (1792, ав. 24) и 6) похвальный лист за подписью ген. аншефа и кавалера графа Суворова-Рымнинского 1794 г., апреля 30 «в ознаменование за оказанные Ф. Белым отличные подвиги и храбрость при взятии приступом крепости города Измаила в 11 день декабря 1790 года, как монаршого благоволения, так и пожалованного ему преимущества уменьшении 3 лет из срочного времени к получению военного ордена. (Архив предводителя дворянства Александровского уезда. Дело о родословной Белого).

это взяли красный кирпич, черепичные крыши в степи? Откуда эти высокие, черные трубы паровых мельниц, каких-то заводов? Ведь это земледельческая, соломенная южно-русская степь!

– Нет, барин, не русская – немецкая степь! – обозвался ямщик. Тут жили помещики, а теперь немцы, Вон то *Лен*, это *Мартенс*, там *Винц*, *Янцен*, есть еще *Якуб Франц* – пропасть их... Живут кто лет десять, кто меньше, а смотри как разбогатели, устроились. А вон, вон, смотрите направо, что там?

Вижу те же немецкие хутора, могилы, а вон далеко, на лугу, машут косари, вон один клепают косу, вон в беспорядке девушки-гребцы.

А, вижу, это не более 2-х верст, на повозке сидит крестьянин, лошади стоят, к нему верхами скачут два немца, вот уже около повозки. Слезли с лошадей и размахивают руками. Вот и крестьянин поднимает руки, указывает куда-то в сторону, описывает как будто бы круги. О, крестьянин уже слез с повозки. Что же далее! Далее – о ужас!... - крестьянина бьют нагайками, и как беспощадно... Картина меняется: один толкает крестьянина, толкает лошадей, а другой возится около заднего колеса повозки. Что же это он делает? А, вижу - рубит топором спицы... Бедный крестьянин! За что такая бессердечная расправа?

– А видите ли, за что, здесь дорога существует *старинная*, по ней деды и отцы наши ездили от села к селу, потому ближе; проходили когда-то и царские войска, а теперь, когда земля досталась немцам, дорога *заорана*, а кто проедет, – бьют, рубят колеса. Недавно вез я станового в *Сергеевский* хутор к *Белому*. Везу объездной дорогой, а он и говорит: «Сюда вези, куда ты?». Нет, говорю, тут дорога заорана немцами - бьют проезжих. «Дурак!», - говорит, - «Вези сюда, на четыре версты ближе». Я повез. Выехало два «ката» верхами, посмотрели, что становой и подались обратно. Становой засмеялся и говорит: «Будем же возвращаться этой самой дорогой, только не спускай¹ немцам...». Я отвез и возвращаюсь. Было уже темно. Съехал на эту самую дорогу, когда скачут те же самые немцы верхами. Я по лошадям, а они за мною. Наконец догнали.

- Кто велел, сякой такой здесь ездить? Вот там твоя дорога, - да с нагайками ко мне!

У меня кнут длинный.

- Становой, - говорю, - да кнутом того, кнутом другого, кнутом по лошадям и ускакал.

– Но, ведь это дорога битая?

---

¹Не делай уступки.

– Разумеется, битая. Они переорали, перекопали ровчаками, а по сторонам дороги нивы; кто едет, тот объезжает ровчаки и сворачивает прямо в пшеницу. Если один – бьют, рубят колеса, если много – накладывают немцам. Вот, как видите, каждый день... У одного, говорят, все рыло сполосовано батогами¹, а лезет... Должно быть, за это ему хозяин большое жалованье кладет...

Мимо нас большой партией прошли косари полтавцы*, а за ними четыре повозки; они направились тою же «старинною» заоранною дорогою.

– Фюф! Фюф! Эй, вы, со-ко-ли-ки!

Скоро, незаметно подъехали мы к селу *Ново-Гупаловке*. Тут, у самого села черепичные крыши – опять те же немцы. Но остановим внимание на этом попутном селе.

Ново Гупаловка официально и *Вольная Гупаловка*, *Вербова* в народе, село государственных крестьян. Сравнительно село недавнее, тем не менее, оно интересно в историко-статистическом отношении, богато преданиями.

Село расположено на балке и речке *Вербовой*, тянущейся с востока на юго-запад и впадающей в р. *Вильну* – небольшой приток Днепра.

Улиц всего одна, служащая протяжением большой «битовой» дороги в Крым; переулков девять: *Дворецкого*, *Мыщенка*, *Евтушенкив*, *Олейныка*, *Клименкив*, *Слипкив*, *Хливецкого*, *Фесунив* и *Гидип* – названы по именам старых поселенцев. Село делится на два кутка «*Собакарипка*»* и «*Расся*»* – первый назван по преобладающей фамилии Собакариив, второй – именем нескольких семейств переселенцев-великороссов. В селе церковь, школа, общественное управление. Население – малороссы, великороссов мало. Дворов 126, душ муж. пола 681, жен. 673, обоего пола 1354 души². Опрятные белые хаты села прячутся в зеленых вишневых садках; в огородах стожки хлеба, сена – видно довольство хлебопашцев. При скудости воды в речке, во многих дворах бросаются в глаза колодцы с нависшими «журавлями».

Основано село в 1819 г. на «кише» незадолго перед этим выселившихся старых запорожских казаков и их потомков. Прежде чем говорить о «Вольной Гупаловке», скажем несколько слов о бывшем здесь запорожском селище.

---

¹ Кнутами.

² Сведения относятся ко времени составления очерка в 1880 г.

По словам церковной летописи¹, здесь, после 1770 г., при урочище *Вербова балка*, поселились семейные запорожцы: Петр Никифорович *Соха*, Гаврило Артемьевич *Зайченко*, Афанасий Степанович *Радочинский*, Степан Филиппович *Самойленко* и затем, впоследствии, к ним присоединились регистратор Марко *Пилипенко*, Карпо *Ганжа*, Василь *Бондаренко*, Гордий *Троцкий*, Иван *Линенко* и Алексей *Маменко*. Из семейств этих 8-ми фамилий составила́сь целая слободка, не принадлежавшая в течение нескольких лет ни к какому церковному приходу. В 1807 г. по «Исповедной росписи с. Петровское (Свистуново) Петропавловской церкви», здесь насчитываем 17 дворов, 22 семьи в числе 87 душ муж. и 74 жен. пола. В росписи, после нескольких перечисленных деревень прихода, находим такой заголовок: «*Слободы Вербовой*, живущие в оной *дворяне* и их домашние». Под домашними роспись разумеет не только семейства домохозяев, но и «сусідів», «челядників» пастухов, рабочих, которых показано почти половина. После 1809 г. эти семейства, за исключением двух, оставили «урочище при балке Вербовой» и переселились «на казенную оброчную землю по левую сторону течения вершины речки Большой Терсы»². В 1814 г., утвердившись на новом месте, они изъявляют желание быть прихожанами к церкви помещика тит. советн. Степана *Алексеева* в дер. Новоселице^{3*}. В списке церковного дела они обозначены так: «Называвшиеся дворянами до ревизии (1811 г.), нынешние казенные поселяне».

По ревизской сказке* 1816 г.⁴ при «*Овраге Вербовом*» мы находим только 2 семьи «из дворян казаков» - Гаврила Артемова *Зайченко* 71 г. и Дениса Никитича *Зайченко* 69 л., в числе 13 душ муж. и 12 женск. пола. Наконец, в 1819 г., в урочище «при балке Вербовой» являются новые поселенцы из Новомосковского уезда сел. *Гупаловки*, на р. Орели. В «списке вновь причислявшихся поселенцев» за этот год мы находим:

---

¹ Заметим, что в настоящем и дальнейших очерках при описании сел, мы, помимо рассказов стариков, будем пользоваться сведениями старейшего церковного архива при Александровском Покровском соборе. В архиве этом находятся дела бывших духовных правлений - Павловского, Мариупольского, Павлоградского, Новомосковского с 1772 по 1808 г. и Александровского после этого года. В связи с церковною летописью, в архиве имеются почти все исторические и статистические данные о селах и деревнях, состоящих в пределах нынешних Александровского и Мариупольского уездов*.

² Верст на 70 южнее в степь, вблизи нынешнего села Рождественки Александровского уезда.

³ Ныне село Новоселка графа Крейца. Церкви уже нет.

⁴ Архив Александровского уездного казначейства.

	семья	душ. муж.	жен. пола
Поселян –	31	97	77
Казаков –	11	27	32
Итого	42 с.	124 д.м.п.	103 жен.

В сказках, следующих по порядку ревизий 8, 9 и 10 находим данные уже не об «Овраге Вербовом», но о казенном селе *Ново-Гупаловке* (фамилии Зайченко уже более не встречаем).

По 8-й ревизии (1835 г.) поселян и казаков 42 сем. – 201 м. и 165 ж. п. По 9-й ревизии (1850 г.) государ. крест. 43 семьи – 184 м. и 163 женск. п. и по 10-й ревизии 1858 г. государ. крест. 159 семей – 329 м. и 316 ж. пола.

Затем, в 1860 годах, по рассказам крестьян, причисления были из великорусских губ. и потому в 1883 г., как мы сказали выше, население возросло до 1354 душ обоего пола.

Но возвратимся к показаниям сказок.

В ревизии 1850 г. в 1-й графе сказки находим ссылку, что в 1843 г. в Ново-Гупаловку переселилось из Полтавской губ. 12 семейств, в числе 45 душ обоего пола; были затем переселения к 1847 году; видим также много родившихся за 15 лет в промежутке между 1835 и 1850 годами. Чем же объяснить уменьшение наличного населения по сказке 9 ревизии. На этот вопрос отвечает нам 2-я графа той же сказки, говорящая об убыли. Эта графа поражает нас отметками о смертности в 1849 году, т. е. за год до 9-й ревизии. 1849 г. – это один из печальных годов в исторической летописи села, это год *цинги*, или, говоря словами народа, год повальной «*черной болезни*», «*черной смерти*». Насколько сильна была смертность точнее и ярче скажут цифры. В 1849 г. числилось 67 дворов, столько же семейств, до 550 душ об. пола. Из этого числа вымерло до 200 душ, вымерло поголовно 24 семьи, опустело, заросло бурьяном 24 двора.

Подробности об этом ужасном «черном годе» передадим в своем месте, теперь же коснемся интересной истории заселения Ново-Гупаловки по рассказам старцев Прокофия Легезы (76 лет), Ивана Лenea (77), Евтихия Дворецкого (90 лет) и многих других.

На месте настоящего села, на балке Вербовой, первые поселенцы застали всего три хаты. Затем, вблизи, на балке Якимовой, застали еще свежие следы пепелища «змандрувавших» запорожских казаков. Эта степь, по словам глубокого старца Легезы, была «гулящая, вольная», на ней мог жить только бесстрашный казак, сжившийся с диким зверем. Степь, куда не глянешь, была целинная, поросшая ковылой в рост человека. Множество по степи зеленело кустарников терна, множество

«кишіло звіря и птиці Божої». Во множестве водились волки, лисицы, зайцы, бабаки и дикие козы. Незадолго перед этим, говорят, водились и дикие лошади (тарпаны¹)*. Они несколько меньше обыкновенной крестьянской, масти мышастой² с черной полосой на спине и очень быстры, встречались, небольшими табунами. По речкам водились «віднихи»³ и бобры. Сусликов было мало; они расплодились, когда на-селился край, и стали много сеять хлеба. Из болотных, лесных, степ-ных птиц много было таких, какие теперь совсем вывелись, как напри-мер огари, бакланы, тетерваки; много было уток, лысок, куликов, аи-стов, дрохв, «хохітви»⁴, куропадок, диких голубей.

Теперь, говорят старики, другое время, другой свет настал; много кой чего уменьшилось, многое совсем перевелось.

Балка Вербовая теперь неузнаваема. Прежде по ней протекала уз-кая, но глубокая рыбная речка; по берегам ее росли кудрявые вербы, густая лоза, очерет. Чтобы поймать карасей, линов, раков, бабы не за-думываясь брали рядна⁵, запаски и налавливали столько, сколько не наловишь теперь неводом в Днепре.

Новые поселенцы мало сеяли хлеба, больше «нагуливали»⁶ скот и чумаковали. «Тогда более всего знали дороги в Крым по соль и на Дон за рыбой». Привольно было в степи! Весною, где схотел, там и коси сколько душе угодно. Да и косили сено только про случай лихой зимы. Скот, бывало, пасется до самого «Великого дня», до новой зеленой травы. Одна беда, много зверя было, волки «шкодили»⁷. Теперь пастух один для целого стада, а тогда пастухов насчитывали десятками, с де-сятками собак.

В народной памяти прекрасно сохранились запорожские названия окрестных урочищ, могил, балок, названий, связанных с интересными рассказами, преданиями и легендами прошлого. Приведем некоторые из этих урочищ.

Балки:

Вербова – названа по обилию верб в старину.

---

¹ Виправлено автором з «тарпоны».

² Серой.

³ Речная выдра.

⁴ Стрепет.

⁵ Простыня грубой ткани; дерюга.

⁶ Откармливали.

⁷ Делали убыток, вредили.

Терновата – в старину вся поросшая была терном. В этой балке водились *полозы*¹ и ее всегда обминали пастухи. Большой и опасный, говорят, этот змей-полоз. Тут также часто были волки, наводили страх на окрестности.

Бузиновата – росло много бузины. Около этой балки городок², обнесенный валом. В городке³, как раз посредине, видны следы ям – это место казацких землянок. Несколько десятков лет тому назад при раскопке одной из ям найдены ружейные кремни, кинжалы, заржавленные остатки ружей и *булава* с железным держак (рукояткой). Булава, говорят, весила до 30 фунтов. Находка досталась в руки бывшего помещика Камышинского, который, по слухам, булаву отправил «в казну».

Терса. Давно когда-то, при весеннем разливе вод, в балке отмыло землянку-кузницу. В кузнице оказались все кузнечные принадлежности и много ржавого железа. Кузница, полагают, принадлежала обитавшим здесь запорожцам.

Кринична. Есть криницы (ключи). Когда-то крестьянин копал криницу и выкопал клад - много больших медных гривен.

Якимова. Жил здесь запорожец Яким хутором, а потом была целая запорожская слобода. Следы пепелища и теперь заметны. Вблизи есть *городище*⁴*. В народе держатся слухи о зарытых здеськладах.

Попова. В старину, когда при обилии трав, бурьяна, стада зимовались большею частью в степи, стужей загнало отару поповых овец в балку, и она здесь погибла; с тех пор и балка получила название Поповой.

Могилы:

Гостра - высокая и острая. Там зарыт запорожский клад.

Рясни – несколько.

Баба. Стояло когда-то на ней огромное каменное изваяние – *баба*. Говорят старики, на могиле иногда появляется чабан с дудкой. Поиграет, попляшет на могиле и исчезнет. Там клад.

Батрачка. На степи владельца Дьякова. В старину там жили и скрывались беглые батраки.

Раскопана. Изрыта кладоискателями.

---

¹ Исчезнувшая змея из семейства удавов. Очевидцы старики длину полоза определяют до 2 сажень, толщины в добрую крокву. О случаях нападения полоза приведем рассказ в одной из следующих глав.

² Укрепление. Выправлено автором з «гардок».

³ Выправлено автором з «гардок».

⁴ Укрепление.

Вовча. По народной легенде здесь зарыт сказочный *железный волк*. В той части могилы, где зарыта голова волка, есть криница, из нее течет вода в подставленное корыто. Крестьяне пьют и поют скот.

В старину, по рассказам, бывали частые случаи находить клады.

Раз, говорят, чабан пас овец в степи. Смотрит – провалилась овца, образовалась яма. Он вытащил овцу и сообщил хозяину. Ночью хозяин открыл клад, быстро разбогател и купил землю.

Другой случай. Выехал крестьянин с двумя наемными погонщиками орать. Долго орали целину¹, как вдруг лемиш наскочил на большой медный казан² и волю стали. Крестьянин крикнул на погоничей: „Випрягайте, хлопці, скоріше волів, та гоніть пасти!” Хлопці погналі. Хозяин припрятал казан на воз, потребовал пару волов, уехал в село и возвратился не скоро. Разбогател также и зажил большим хозяйством.

Много находили, и теперь еще находят, таких остатков старины, как стрелы, ружья и проч. Недавно на земле *Рудницыной* крестьянин выорал ствол кремennого запорожского ружья.

Много также легенд сообщают старики о кладах существующих, но не дающихся³ при несоблюдении той или другой обрядности, при неумении подойти к кладу. Приведем несколько таких рассказов.

Есть запорожский клад на могиле *Гострой*. Ночью, когда издали глянешь на могилу, – блестит огонь, а днем на ней показывается железная дверь. Когда подойдем – ничего нет. Давно, очень давно шла раз через могилу девочка, провалилась и очутилась в глубоком подземелье. Осматривается она по сторонам и видит, стоят бочонки с деньгами, а около них сидит старый, весь белый как снег дед. Дед и говорит девочке: «Смотри, сколько тут денег! Все их возьмишь⁴ себе, пойді только скажи отцу пусть пригласит священника, людей, пусть заберут всю церковную утварь и идуť сюда служить обедню». Выпустил старик девочку из подземельного леха⁵, и та ушла. Отец девочки, священник и люди собрались, взяли хоругви, кресты, иконы, свечи, кадилицу и пошли в степь. Дед отворил железную дверь, вышел навстречу и попросил в лех. Когда все уже вошли, он спросил: «Все ли забрали из церкви?». «Все», - ответили. «А щипцы тушить свечи взяли»? «Нет, забыли». Деду только этого было и нужно. Он быстро захлопнул дверь и вышел на свет Божий! Люди, священник, деньги до сих пор там.

---

¹ Новь.

² Котел.

³ Виправлено автором з «дающих».

⁴ Виправлено автором з «возьмете».

⁵ Погреб, подвал.

Клад был заклыйтый запорожцами на сто лет, и деду долго оставалось бы ожидать своего конца, если бы не выручили люди. (*Логвин-Несват*).

II.

Каменные бабы и их происхождение по верованиям народа. – Знахари, силачи и долговечные люди в старину. – Запорожская сторожа. – Песня про руйнование Сечи. – Воспоминания стариков; холодная зима; драная зима; неурожайные годы; холерные и цинготные годы. – История церкви в Гупаловке. – Запорожский жертвенник

Между селом Жебуневым (Славгород)* и Ново-Гупаловкой была высокая могила, но теперь стала ниже – сорана. Вот что об ней рассказывают. Когда еще в Гупаловке не было церкви, люди приписаны были приходом в слободу Жебуневу¹. Шел раз человек и нес свяченую пасху. Дело было на рассвете. Сошел на могилу и провалился. Видит он бочонок с деньгами, а около них усатый, с закрученною за ухо чуприною запорожец. «Ну, чего ради праздника желаешь», – обозвался запорожец, – «водки или денег»? Давай чарку водки. Запорожец поднес. «Ну, счастье твое, – говорит, – что догадался, а то был бы ты на моем месте». Говорят, что дед состарился в могиле. Его запорожское товариство оставило вместе с деньгами и заклало на сто лет. Срок уже вышел, но никто только не заберет этих денег. Дверь в этот лех открывается через каждые 40 лет (*Логвин-Несват*).

Был еще случай на одной могиле. Взошел на нее человек, присел и хотел понюхать табаку. Только что «труснул» с рожка, а *оно* его и пхнуло с могилы. Он в другой раз – тоже, в третий раз взошел и начал сквернословить; *оно* его так «пхнуло», что он и рожок с табаком затерял. Это «*оно*» и был клад.

По словам рассказчика, клад давался человеку, но ему, всходя на могилу, надо было расстаться с рожком, помолиться, а не ругаться (*Логвин-Несват*).

Был когда-то в селе человек по прозвищу *Беспятый*. Вот какой был с ним случай. В компании двух товарищей пошел он на могилу клад копать. Дело было ночью. Копали, копали и наткнулись на железную дверь! Отворили, вошли и выкресали огня. Смотрят – ворочается дед. Они оттуда без оглядки. Два выбежало скоро, а третий не успел, и старик дверью отсек ему пятку. С тех пор и пошел он жить «Беспатым».

---

¹ С 1823 года; Архив бывшего Александровского духовного правления при Покровском соборе.

Интересны рассказы крестьян о происхождении каменных баб.

Это, говорят, были такие же люди, как и мы, но окаменели. Было это так. Бог создал людей прежде солнца, жили они впотьмах, питались плодами растений. Но вот появилось солнце. Люди переполошились и, чтобы избавиться от солнца, начали всходить на высокие могилы и плевать на него. Бог проклял за это людей, и они где стояли, там и окаменели¹ (*Несват и Пивень*).

Но у этих окаменелых людей, говорят, есть надежда снова преобразиться, сделаться такими же живыми, какими их Бог создал. На эту тему интересный рассказ сообщает нам *Потап Сероух*.

Давно когда-то, по сторонам проезжей дороги, на могилах, стояли каменные бабы. Случилось человеку проезжать верхом мимо этих могил, и захватил его дождь. Он съехал на могилу, сбросил с лошади седло, накрыл половиной его бабу, под другую сам спрятался. Смотрит – с соседней могилы идет баба. Подошла и говорит соседке: «У тебя, сестрица и гость есть»?

Тогда обе бабы начали расспрашивать человека, как и что делается на свете – носят ли на рождественских святках вечерю²; ходят ли в гости кум к куму, кума к куме, брат к брату, сестра к сестре? Поют ли пестухи?

«Все это есть», – ответил человек. Тогда пришедшая баба призадумалась и говорит: «Долго, долго придется нам еще стоять, сестрица». Сказала это и ушла на свою могилу.

Далее, из воспоминаний рассказчиков узнаем, что в старину много было силачей, знахарей, характерников³. Люди лечились сами, лечили скот заговорами и всяким зельем⁴. Часто бывали случаи, что человек жил до ста и за сто лет. Долговечность объясняют тем, что тогда люди лучше почитали Бога, чтити обычаи и язык предков. Говоря о предках, старики чаще всего вспоминают запорожцев, считая себя потомками их. «Эти люди, – говорит дед *Свирид Колесник*, – были сильны и бес-

---

¹ Совершенно сходный вариант нами записан в приднепровском селе Андреевке (Иваненкова), от деда Якова Рыбалки. Эти окаменевшие теперь люди назывались великдонами, говорит Рыбалка. Они имели каменные корыта, доили в них коровье молоко и им питались.

² В малорусских селах сохранился старый обычай носить накануне Рождества вечерю (ужин), т. е. взвар, кутью, пироги к соседям, а чаще к родственникам: бабке, крестным отцу, матери, деду. Носят дети и в обмен получают тот же взвар, кутью, пироги и несут из хаты в хату далее. Детей награждают деньгами, гостинцами.

³ Колдунов.

⁴ Травками.

страшны, они отвоевали землю у турка. Запорожец, бывало, возьмет в зубы мешок в 10 пудов и несет в комору. Хлеба, по его словам, запорожцы не сеяли, да и сеять не хотели, так как турок часто выжигал степи. Кормил их кошевой батько и чумаки. «Тут, - говорит дед, - на каждой большой могиле, у проезжего шляха стояла сторожа. Бывало, сидят запорожцы на могиле и смотрят вокруг. Как только показалась валка¹ чумаков, один из них свиту долой с себя и стелет над дорогой. Поравнявшись с могилой, чумаки останавливаются и кладут на свиту все, что каждый может по своему достатку - сухари, рыбу, сало, соль и едут дальше. Такая сторожа в глухой, дикой степи нередко спасала чумаков от нападения «дикой орды».

Новогупаловцы прекрасно сохранили свой чистый малорусский язык. Много также старинных нравов и обычаев сохранилось в этом степном селе. Парни, девушки поют малорусские песни, хотя, правда, между ними проглядывают и плоды солдатской цивилизации. Старик же всем другим песням предпочитает «старинные, запорожские». Таких песен Ново-Гупаловка вложила в наш портфель несколько.

Вспоминая хорошее прошлое, старики не забыли и «черных» годов, оставивших глубокие следы в памяти. Вот хронология этих несчастных годов.

В 1812 г. (с 12 по 13) говорят, была продолжительная холодная зима. Снегу было «по самые стрихи»² хат, все загоры³, сараи были занесены. Утром, бывало, выйдет хозяин давать корм скоту и едва доберется до загоры. Скот стоит как вкопанный на одном месте, видно только рожки. Много погибло скота, так как лето было неурожайное. Зиму эту называют «лютою» и «хранцузскою»^{*4}.

1821, 23 и 24 годы были также неурожайны. Степь представлялась голою, черною как после пожарища. Лето, и в особенности зима последнего года ознаменована страшным падежом скота. Истребив все запасы сена, соломы, разорив загаты⁵, люди «драли» крыши хат и кормили скот. Но этого корма все-таки не было достаточно, скот гибнул. Люди сдирали кожи и ими крыли хаты. Зима в 1824 на 25 год живет в народной памяти под именем *драной*. Все хаты, все слободы, говорят, погребены были под снегом, люди вылезали в трубы, чтобы увидеть свет Божий. Каганец⁶ горел днем и ночью, у кого было чем светить.

---

¹ Обоз.

² Кровля.

³ Скотный двор.

⁴ По времени войны с французами.

⁵ Огорожа с негодной б. ч. соломы.

⁶ Ночник вроде плошки.

Сообщения между деревнями и селами не было почти три месяца. Весною 1825 года, - как говорят старики, - в крае небывалый разлив. Овраги, балки, реки были переполнены водою; мосты, гати, водяные мельницы снесены водою; сносило деревья с корнями и даже камни. В 1825 году редко где можно было встретить лошадь, корову; скот пригоняли издалека. Беда всему учит, научила она тогда людей запрягать одного вола в воз. Теперь, по словам стариков, мы на правого вола говорим *соб*, на левого - *цабе*¹, а тогда эти слова понимал один вол и сворачивал, куда хозяин скажет.

Такова была *драная* зима 1825 г. с ее последствиями. Заметим к слову, что рассказы о драной зиме почти с теми подробностями, записанными от глубоких старцев в с. Андреевке, Вознесенке (Александровского уезда), в д. Языковой и колонии Остров Хортицкой (Екатеринославского уезда), в с. Подстепном (Мелитопольского уезда, Таврической губернии), а также в г. Александровске от столетнего деда Василия *Нагирного*.

Затем отмечены в народной памяти *голодные* годы 1821, 1833, 34, 47, 48, 49 и 1855 г.² Неурожаи вели за собою падежи скота, болезни и смертность людей. В 1847 и 48 годах холера; в 1849 г. - цинга. Последний год народ иначе и не называет, как *цинготным*. Кстати, здесь место привести рассказ о 1849 годе, имевшем печальные последствия для села Ново-Гупаловки, стариков *Дворецкого*, *Перекреста* и др.

Лето 1849 года, - по их словам, - было сухое, неурожайное; в воздухе носилась «юга»³, солнце жгло немилосердно. У людей не было ни хлеба, ни сена, ни огородины. Наконец «ввалилась» в село «черная болисть» - цинга. Страшная эта болезнь! Ноги корчит, во рту пухнут десны, появляется гнилость, выпадают зубы; человек слабеет, валится с ног, делается черным. За исключением одного крестьянина Якова

---

¹ Словом «соб! и цабе!» крестьяне подгоняют волов. При учащенном употреблении в сторону, например соб! соб! - при желании своротить влево.

² В подтверждение справедливости рассказов, в архиве предводителя дворянства Александровского уезда мы находим связки бумаг в 3 - 4 пуда весом продовольственной комиссии за 1833 и 34 год; находим дела такой же комиссии за 1847, 48, 49 и 55 годы, где подробно изображены все ужасы населения юга России в то время. Наконец, в архиве Александровского собора находим распоряжения местного епархиального архиерея в 1821 г., чтобы молились во избавление «от глада»; в 1824 г. - «чтобы при посещениях Божьих общественными бедствиями отправляемы были в церквах положенные молебствия»; и в 1833 г. «дабы о ниспослании дождя к плодоносию нужного возсылаемы были в церквах молитвы ко Господу.

³ Мгла.

Балабася, в селе все заболели от мала до велика, – началась смертность. Надо хоронить, а тут некому ям копать. Начало начальство посылать людей из села Вознесенки за 30 верст. Приедут, бывало, несколько человек, выкопают одну - две ямы и уйдут тайком без оглядки. «Сумно» было в селе, «смердно»; одновременно пропадал скот и некому было вывозить трупы. Людьями овладел страх. Один *Балабас* не трусил и работал за всех. Запряжет, бывало, лошадь в повозку, закурит люльку¹ и едет от хаты к хате. Подходя к каждой хате, он всегда, бывало, отопрет окно, и спрашивает: «А шо, єсть мертві?». Если мертвец оказывался, он, не вынимая со рта люльки, заворачивал мертвого в рядно, выносил на повозку и ехал далее. Собравши трупов 10 - 12, он отвозил на кладбище, бросал в яму и снова совершал объезд села. Раз, в числе мертвых трупов привез он живую, слабую старуху и хотел бросать в яму, но гробокопатели силою отняли несчастную и та, оправившись, прожила еще несколько лет. *Балабась* умер на Великдень, и народ знаменует этот день днем смерти угодных Богу.

1845 год памятен наводнениями. Предшествовавшая зима 1844 на 45 г. была суровая, снежная. Об этом годе мы будем иметь случай говорить при описании сел, лежащих по Днепру.

Из урожайных годов памятни народу 1850, 51 и 52 гг. Тогда, говорят, много хлеба продавали, много прятали в закромах, коморах и даже, за неимением помещений, в ямах².

Очерк наш вышел бы не полным, если бы мы не сказали несколько слов о церкви. Устроена она в честь святителя Николая (9 мая) в 1865 г. Здание деревянное, архитектуры незатейливой, но в ней хранится редкость, которою так гордятся новогупаловцы – это *запорожский жертвенник*. Достался он следующим, совершенно случайным образом, как передает дед *Карп Слепко* - бывший фундатор³ при постройке церкви с 1862 - 65 г. Когда церковь была совершенно окончена, у общества не хватило средств, чтобы заказать иконостас. Думали, думали старики и порешили - на время купить где-нибудь старый иконостас. Как тут на выручку заезжает в село странствующий маляр Алексей Иванович *Фурганский*. Узнав их нужду, он предложил купить такой иконостас и другие вещи у него. Жил он в

---

¹ Трубка.

² Обычай сохранять зерновой хлеб в ямах существовал у запорожцев. Об этом довольно подробно говорит очевидец Василий Зуев, путешествовавший из Петербурга в Херсон в 1781 - 82 годах. (См. его: Зуев В.* Путешественные записки Василья Зуева от С.Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. — СПб.: Академия наук, 1787. — С. 271, 272). Теперь, как нам известно, в старинных селах Екатеринославского уезда сохраняют в ямах картофель.

³ Строитель, основатель.

г. Екатеринославе и потому фундаторы Василий *Лень* и он, *Слепо*, отправились к нему. Осмотрели, облюбовали и купили за 300 руб. Тут им *Фурганский* рассказал следующую историю иконостаса с принадлежностями к нему. Иконостас и жертвенник, по его словам, составляли некогда собственность Успенской церкви в Екатеринославе-Половице*. Когда там старую Успенскую церковь разобрали и выстроили новую, иконостас, жертвенник, ставники¹ и другие вещи проданы в дер. *Луговую* (Александрополь), Екатеринославского уезда. Там иконы и все остальные вещи были лет тридцать. Затем, когда в д. *Луговой* люди собрались с средствами, договорили *Фурганского* поставить им новый иконостас и жертвенник. *Фурганский* взял не дорого за новый иконостас, но взамен надбавки принял за собою иконостас старый, такие же ставники, жертвенник. Теперь ни старых икон, ни ставников нет в Гупаловке, они заменены новыми, остались только хорошо сохранившийся деревянный «постав»² для иконостаса и жертвенник. На обратной стороне жертвенника изображена славянскими буквами следующая надпись:

«Сей Жертвенник Изделан, коштом Сечи Запорозкой, куреня Щербывевского, козаком Иваном Гергелем слесарскую работою. А малярскою работою коштом куреня Титаревского Иваном Кривим³. 1774 год. Которым да будет Вечная память».

III.

Ночлег на Днепровском острове Дубовом. – с. Петровское. – Пчеловодство теперь и в старину. – Предание о смерти и похоронах запорожца-галдовника по казацкому обычаю. – Клады

Знойный июль - самое несносное время для туриста, самый неблагоприятный месяц для статистика. Но зато какие прекрасные утра, когда пробуждаешься с песней жаворонка; какие чудные ночи, когда проведешь их за рыбной ловлей на Днепре. Одну из таких счастливых ночей мы не можем не отметить в своей хронике. Помним как сегодня, эту роскошную ночь, когда шумел Волниг (порог) и образ луны купался в Днепре, когда «хлопостались» шальные рыбки, тиликал пугливый кулик, – тиликал и при каждом повороте человеческой тени улепетывал на дальний берег.

---

¹ Церковные подсвечники.

² Стена, на которой уставлен иконостас. Доски стены связаны между собою деревянными «тиблями» (задвижки) и здесь не увидите ни одного железного гвоздя. Подобным образом запорожцами устроен в Новомосковске собор, существующий до ныне.

³ Выправлено автором з «Крибим».

В то время, когда мы сидели на скале Дубового острова, рыбаки ломали дрова, разводили огонь, прилаживали котелки. До нашего слуха доносился их тихий говор, а обоняние щекотал дым костра и запах трубки, который так приятен на воздухе. Куда ни глянешь - чудная панорама! По направлению к деревне Временовой стоят плоты, на них мерцают десятки огней, раздаются голоса литвинов. Не поет здесь литвин; он мрачен до самого Кичкаса*. Да и кто бы не посочувствовал ему, когда он несколько смертей видал, да еще и увидит! Ведь еще впереди Волниг, Будыло, Лишний, Вольный с заборами, с опасными подводными скалами. С противоположного берега ложилась на реку тень от нависшей скалы, а в этой тени едва виднелась продолговатая черная полоска, движущаяся по течению реки. Это лодка рыбаков, тихо, безмолвно плывущих за сетью. Минуту спустя, на середине реки показалась одна, за нею другая, третья колоды плота, разбитого грозным «Дедом»*. Спать не хотелось и казалось, просидел бы до рассвета на этой чудной скале, если бы не отвлекли голоса рыбаков, расхваливающих запах и вкус ухи. «Нигде, братцы, не бывает так вкусна уха, как здесь – говорил один. «Нигде, братцы, так не уместна чарка водки, как здесь» – заявлял другой. И тот, и другой были правы. Ужин наш длился добрый час. На сон грядущий закурили кто папироску, кто трубку и растянулись на белом сыпучем песке. После долгого дня усталость взяла свое, глаза слипались, речь тянулась лениво, зевком за зевком – и все уснули. С рассветом следующего дня, переправившись душегубкой через речиче, мы очутились в Петровском-Свистуново. Здесь нас ожидало дело – статистика; будучи предупреждены, что в страдную пору все крестьяне в степи, мы решили созвать пасечников, зная, что пчеловодство ведут исключительно старики.

В то время, когда мы сидели на завалинке крестьянской хаты, подошли два деда, - оба низенькие, оба беловласые, на вид каждому из них можно бы дать лет 80. Мы попросили их присесть. Оказалось, что эти два деда не пасечники, хотя и имели когда-то пчельники, но «с тех пор много ушло воды в Днепре». Завели речь о причинах падения пчеловодства. «Что ж, – заметил сидевший ближе к нам дед, – теперь не то время стало: людно, тесно, степи изораны, цветы вывелись, кустарники вырублены. В старину, бывало, только выйдешь за кряж, глянешь на Таволжану балку – скрозь терны, скрозь пасеки, да еще какие пасеки! А теперь что? Положим, в селе и теперь найдется три-четыре хозяина, имеющие до 5 - 10 ульев, но какие это ульи? Если бы полсотни таких перегнал в один старинный, то, пожалуй, и не наполнил бы. А меду сколько? Да и мед не тот был - густой, светлый, душистый - ешь и хочется. Бывало кому нужно меду – на панихиду ли, больному ли – бежит в пасеку и берет. Теперь фунтами мед поку-

пают, а тогда бывало не так. Бывало придет баба, хлопец или девчонка к пасечнику: «Продай, діду, меду!» – «А скільки пудів?» – «Та не пудів, а мисочку». Пасечник и отвечает: «Мисочку не борню (не жалею), накладу даром, тільки ти поки донесеш, то з'їси, а щоб цього не сталося, сідай на кормлю медом». Нарезет паляниці, наложит в ваганки стильников (соты), угощает, да еще и припрашивает: «Їж, наїдайся скільки зможеш».

– А давно, дед, было такое приволье?

– О, давно! Еще я носил чуприну.

– Когда же это было?

– Когда был хлопцем.

– А разве тогда носили чуприны?

– Носили, да еще какие! Бывало, замотаешь за ухо, да потом за комир (воротник) и заткнешь. Тогда не та мода была: носили чуприну и старые и малые; у старых не такая чуприна была. Бывало совсем голова брита, а чуприна как воловий батог. Покойный батько рассказывал, что у старого Довгого была такая чуприна, что обмотает ее три раза вокруг уха, да потом и за пояс заткнет.

– Кто же такой был Довгий?

– Запорожец. Тогда пасечники были еще из запорожцев.

– А кто же такие были эти запорожцы?

– Запорожцы – это были лыцари, богатыри, да еще какие! И в воде не тонули, и в огне не горели, и пуля их не брала. Теперь нет людей против них. Вот хоть бы и Довгий или Пластун! – настоящие лыцари, настоящие богатыри.

– Где же жили и чем занимались эти богатыри?

– Жили они на балке Таволжаной, что выходит к Днепру; жили в землянках и держали много скота, лошадей; имели пасеки, ловили рыбу. Запорожец Довгий был *галдовник* (колдун), несколько раз умирал, несколько раз оживал - его земля не принимала. Так никто не умирает теперь и избави Бог всякого крещенного от такой смерти.

– А расскажите, деду, что вы знаете о его смерти?

– А вот что. Когда умирал Довгий уже в последний раз, то призвал к себе Пластуна. Долго они разговаривали. Потом Довгий лег да и умер. Пластун и говорит работнику: «Ну, сыну, ложись спать, а я пойду домой, подою коров». Пошел. Работник взял налыгач, привязал мертвого за шею и за ноги к лаве, взял скрипку, сел на пороге и играет. Немного спустя слышит – толчется на лавке. Взглянул – мертвый ворочается. «Товчись, - говорит, – Марку по ярмарку». Да опять за свое, опять играет. Всю ночь он играл, всю ночь толкся мертвый. Вот и третьи петухи запели, вот и светает. Приходит Пластун. «А что, - спрашивает, - не ожил?» – «Нет, черта з два, я его прикрутил к лаве, а то, пожалуй, за-

душил бы и меня». – «Ну, хорошо, что догадался, а я тебе об этом и упомянул сказать». Послал Пластун работника к Днепру: «Пойди, - говорит, - позови человек пять казаков, да похороним покойника». Сошлись казаки, выкопали глубокую яму и начали хоронить. Взяли они мертвого, спустили в яму, а чтобы не ожил, забили осыковый (осоко- ровый) кол в грудь, заклили и засыпали землею. Галдовников не хоронили попы, потому что они знали с нечистым духом.

– Это и все?

– Это вам и все.

– А про Пластуна что расскажете?

– Пластун был тоже казак-силач, имел много худобы (скота) и жил один, как палец, в землянке. Богатый был, говорят.

– Кому же досталось его богатство?

– Скотину люди пожили, а деньги закопал. Тут много кладов закопано запорожцами.

– А находил кто-нибудь клады?

– А разве кто скажет, когда найдет?

Были такие, что забрали и из бедных сделались богатыми; были и такие, что клад в руку не пошел – те перевелись, вымерли.

– Отчего это так, что одному клад в руку пойдет, а другому нет?

– Оттого, что клады бывают заклитые. Здесь много есть кладов, известно где зарыты, а брать страшно.

– А как же вы знаете, в каком месте клады есть?

– Знаем по старинным приметам. Вот хоть бы и на Перуне¹. В лощине, посреди острова есть и теперь куст жостера (крушины). От этого куста надо отступить три шага по течению реки и копать - там есть *калюк* (лодка) денег, и такой каюк, что на нем можно десяти душам переехать Днепр. Гроши прикрыты шкурою. Есть еще клад против Перуна на свистуновской степи. Там есть выбалочок, в нем растут дубы, а возле них куст бузины; под бузиною зарыты четыре козых шкуры с деньгами.

– А в Таволжаной балке нет кладов?

– Есть и там не мало. Если знаете, с Таволжаной балки вытянулась небольшая балочка – Гиливеря. Там жил казак Гиливеря. У вершины балочки есть груша, стоит она сама себе одна. От этой груши отступить пять ступеней вниз к Таволжаной балке и копать. Там есть лех (погреб), а в леху была дорогая одежда, которая истлела от времени, а осталась серебряная и золотая посуда и много денег. Лех и заклитый на сто лет, но время ему уже вышло.

---

¹ Перун – один из живописных островов порожистой части Днепра.

– Откуда же вы, деду, узнали подробности, что там зарыты одежда, посуда, деньги?

– От батька и деда. Про эти клады были писанья, книжки, да генерал Платов отбил у запорожцев*. Эти книжки и до сих пор в Екатеринославе.

– Где же они там находятся?

– В доме Потемки (Потемкина)*, что ли. Они лежат в железном сундуке под двенадцатью замками и их никто не возьмет, потому что все ключи затеряны!

На этом дед закончил свой рассказ и мы распрощались. Солнце подымалось выше и выше; зной усиливался и уже давал себя чувствовать. Я вошел в хату. На столе шумел самовар, хозяйка хлопотала около чашек. Мух целый рой; духота невообразимая. Открыли окна. Напившись чаю и перекинувшись словом с хозяином, я решил обойти всех пасечников, чтобы осязательнее составить себе понятие о пчеловодстве. Хозяин назвал мне две-три фамилии пасечников. Я записал и был уже готов отправиться в путь, как на пороге показался старик, объявивший себя пчеловодом. Старику лет за 50, росту высокого, худощав. Для села Петровского это был «настоящий» пасечник, имел до 20-ти ульев. Я обрадовался его приходу. Занося в бланк результаты пчельного хозяйства, я еще более убедился в плохом состоянии этой отрасли. Причина одна и та же - недостаток медоносных трав, теснота, лесоистребление. Интересный ответ дал мне пасечник на вопрос, что стоит колодка пчел? «Пчел у нас, – говорит он, – редко кто покупает, а попадают сами в улей тому, кому они на руку».

– Как это так?

– Да так. Некоторые имеют по два, три улья и вот, когда хочет узнать, пойдут ли пчелы в руку, вывесит улья на дереве где-нибудь на острове, в балочке. Кому повезет, к тому в улей и летят пчелы.

– Какие же это пчелы?

– Беглые рои, а то бывают и те дички, которые водятся в дуплах.

– А многим попадают пчелы в ульи?

– Нет не многим. Когда-то в старое время ульев вывешивали больше, больше и пчел попадалось, а теперь – нет. Должно быть, скоро забудем даже обычай не только ловить пчел на деревьях, но и плодить их в пасеках.

– А откуда это вы взяли обычай вывешивать ульи на деревьях?

– Это еще от запорожцев.

– С какого года у вас существует пасека?

– Я и родился пасечником. Пчелы были у деда, у батька. У покойного отца было более ста колод, у деда более двухсот. У меня их было

также сто, но теперь «перевелось шило на швайку» и двух десятков не сберешь.

– А в селе много еще пасечников?

– Есть, но какие это пасечники? Колода, две, а пять то и много. Уж если хотите записать всех наших пасечников, то напишите так: «Пять человек держат пчел, но меду не едят, – вот и все».

– Да, это будет самая верная статистика, – заметил грамотный хозяин. Тяжелая истина...

– Были у нас пасеки, да давно, – закончил старик. – Вот на балке Таволжаной там им и счету не было. Но там же и пасечники жили, не чета нам! Там жили запорожцы; были леса, терны, было раздолье! А теперь что? Леса вырублены, степь распахана и проехать негде, а на месте землянок, где жили старые люди, остались глубокие ямы.

IV.

Первая поездка на остров Перун. – Беседы с дедом о запорожской старине и кладах. - Находки

Июль 1882 года. Солнце клонилось к западу. Оставив позади с. Петровское, мы ехали ковылистой степью. Впереди извилистой лентой тянулась синева Днепра; по сторонам – *скирды* сена, могилы, *байраки*¹, балки. На закате знойного дня воздух становился свежее. В голубом небе ни пятнышка, ни тучки. Среди степной тишины и безмолвия звучно заливался жаворонок, сверчали кузнечики.

Дорога тянулась к Днепру. Возница на минуту приостановил лошадей, закурил трубку и снова пустил рысью. Новая местность представляла живой интерес, мы приступили к расспросам, но на этот раз были мало удовлетворены. Возница указал слева *Долгий и Пластунов байраки*, указал четыре *Пластуновы могилы*, справа – балки: *Будыловскую* и *Калиновскую*, байраки *Орлов*, и *Бицулины* (два). О происхождении названий байраков, балок, могил он ничего не знал и, вообще, оказался несведущим.

До того возвышенная, но ровная степь приняла наклонную поверхность. Свежесть дунула в лицо, показался Днепр. Правда это была отдаленная южная часть его, но чем покатее становился склон горы, тем ближе и более раскрывался Днепр взору. Наконец показался остров *Таволжаний*, остров *Перун*, утесы скал, прибрежный лес. Перед закатом солнца Перун представлял собой живописную гранитную громаду, бросавшую черную тень на восточный берег. Мы встали с повозки и начали прислушиваться к дикому говору вод. Вдали грохотал Будыло

---

¹ Малорусское название оврагов, покрытых лесом.

(порог), вблизи шумели заборы, шумел Ревун (камень). Сколько прелести в этом шуме, в этой гамме чарующей природы! При отсутствии вокруг человеческой души, она вам кажется первобытной и необитаемой. Мысль переносит вас в отдаленный доисторический мир, в эпоху скифов, тавров и сарматов*.

Спустившись на песчаный берег, мы любовались живописным видом Перуна. Он казался чем-то диким, фантастическим. От берега остров отстоял в 30 - 40 шагах. Завидев в стороне лодку, мы направились к ней. Лодка оказалась одною из отчаяннейших душегубок. В надежде употребить кол вместо весла, мы принялись отливать воду подвернувшимся куском коры. Медленно подвигалась наша работа. К счастью на выручку подошел лесничий Петровской экономий Афанасий Орленко и предложил свои услуги. Явилось весло, корец, и через несколько минут мы очутились на вершине Перуна. Величественный вид! На севере Днепр, упираясь в горы, исчезал в крутом повороте, терялся из виду; на юге он разливался широкой долиной; один за другим тянулись острова, утопали в зелени окрестные поселки, раскрывалась и синела как море бесконечная степная даль. По направлению к Таволжаному острову, в 10 саженьях шумел, пенился Ревун, а от него, далее, на реку брошена гряда камней – это безыменная забора. Отвесные скалы Перуна покрыты зеленым, нежно бархатистым мхом, а на вершине их жалкая пожелтевшая растительность, да кое-где в ущелье коренились дикие артишоки. Далее к югу остров пересекает овраг; затем снова возвышенность, усыпанная кустарником. В то время, когда мы спускались в овраг, к Перуну причалила лодка, вышел старик. Мы сошлись, поздоровались. Старик принял нас за кладоискателей и разговор зашел о кладах.

– А есть тут, диду, клады?

– Єсть, – заметил он иронически. Ось тут (указывает яму) недавно чоловік закопав гроші й горілку.

– Як це так?

– Та так... Приїхав пан копати клад, потратив гроші на людей, на горілку і з тим поїхав. Кажуть, найшов мідний гудзик (пуговицу).

Ответ понятен. Яма действительно большая, глубокая, камней вынуто масса, а следовательно, потребовались и усилия рабочих, и время.

– А говорят, тут єсть клад?

– Єсть, наховали покійні запорожці, бо ніде було діти... Он на горі, в кущах, там іменно є клад.

– А примета єсть?

– Єсть десь під кущем жостеру... Колись був один кущ, а тепер розрослося його багато. От дивіться на Язиковий острів (Таволжаний) - бачите пісок?

– Бачу.

– Там запорожці сховали багато червонців. Кажуть, понасипали гроші в козині шкури, та й загорнули в пісок.

– И никто до сих пор не открыл?

– Копаив один лоцман, та не судилось викопати - осліп.

– Отчего же он ослеп?

– А ось від чого. Жив він с дідом і той дід був дуже старий. От раз гнав запорожець плоти з Києва і зійшовся з дідом в шинку. Звісно за чаркою - слово по слову и розбалакались про гроші. Запорожець і каже:

– Там, - каже, - на Языковому острові, де було колись *тирло*¹, росте кущ шелюгу, а під ним гроші. Забери їх і поживеш. Я б, - каже, - і сам забрав, так мені не можна - поклявся товариству, щоб без його не брать.

Дід похвалився лоцманові, а той уночі за лопату та туди. Чи копав там, чи ні, а до дому вернувся сліпим. Якби був пішов з дідом, то нічого-б не було, а то Бог покарав.

– А давно это было?

– Ого!.. Це вже давня річ.

Далее дед и Орленко указали мне пещеру, известную под именем «Змиевой». Находится она в скале, направо от русла. Углубление 5 аршин. При входе широка, а затем постепенно суживается. Кроме массы комаров и сумеречных бабочек – ничего в ней не обрели.

– А отчего, диду, пещера названа Змиевою?

– Колись тут жив змій.

– Что-же это такое за змей был?

– Страшенный!.. Було у нього три голови і один хвіст... Він літав і пожирав людей.

– А давно его не стало?

– Цього гаразд не докажу... Мабудь ще тоді, як запорожці воювали нагайву та татарву. Це була земля турецька.

– Откуда-же пришли эти запорожцы воевать татарву?

– И цього не докажу. Розказують тіко, що народ був отчаянный, здоровий. Страху того він і в вічі не бачив. Було з того боку (правого берегу Дніпра) тіко накинє оком татарюгу, тут йому і *гак!* Татарва

---

¹ Место на берегу реки, озера, где в жаркие дни лета стоняют скот.

воювала стрілками, а запорожці кулями (пулями). Колись було багато находимо і куль і стрілок.

– А тепер уже ничего не находите?

– Рідко. Сім год назад на Ненаситці достали дві пушки, а то було колись витягаємо сітками *стволи, списи*. Доставалось сіткам! Було зачепеш на дні каюк з залізом, та й стій, або ріж, або рви.

– Что-же это за железо было?

– Всяке: *стволи, списи, бомби, кулі*. Запорожці, було як йдуть воювать чужеземця, то й ховають своє добро або в пісок, або в воду. Як повертаються живими – візьмуть, як ні – там і остається на віки.

Мы взобрались на возвышенную часть Перуна, поросшую кустарником и обошли остров во всю его длину. Южная часть его заканчивается длинным песчаным откосом. На взгляд, остров занимает пространство до 5 десятин. Самая высокая точка его – скала 98 фут.

Оставив скалу, мы очутились у лодок. Старик оказался «нюхарем» и предложил нам «ріжок».

– Славный, диду, табачек у вас.

– Славний то, славний, та з моди виходе.

– Как так?

– Та так, старі нюхарі переводяться, а молоді за цигарки взялись. У нас у слободі було колись тридцять нюхарів, а тепер і трьох чи знайдеш.

– А трубки у вас курят?

– Мало... Це ще запорозький звичай. Покійний батько розказував, що запорожець було й не ступне й не дихне без люльки; спать ляга – і люлька в зубах. Цигарки появились літ двадцять, або тридцять - як появились оці прокляті сірнички (спички).

– А запорожцы нюхали табак?

– Старі, може і нюхали, а молоді ні: тим було коли й викрисать. Молодим і я курив, а потім як став уже сам хазяйнувати, як став за плугом ходить, – взяв та й покинув, - ріжок лучче.

– Чем же трубка хуже?

– Вгайки¹ багато: полізеш в кишеню, та поки достанеш кисет, та поки накладеш її (люльку) кляту, та поки викрешеш багаття (огонь), та поки насмокчешся її – от і три борозни зорав би. Друге діло ріжок: стук, смик! – утер носа, та й готов.

После этого словоохотливый дед снова повел речь о находках в Днепре. По его словам рыбаки вытаскивали сетями огромные *рога ту-*

---

¹ Потери времени.

ров, рога оленей и янтарь, последний попадает на большом пространстве реки кусками до 10 фунтов. Что янтарь попадает в Днепре – это сообщение деда для нас не было новостью; об этом мы давно слышали от рыбаков вблизи острова Хортицы. Слышали также и от управляющего Петровской экономии (Свистунова) В.А. Сипягина. По рассказам В.А., янтарь находят крестьяне на берегах Днепра и в особенности на левом, начиная от Ненасытецкого порога до Будыльского. Все это наводит на мысль о существовании здесь целой янтарной формации¹.

– А скажите, диду, какого цвета янтарь?

– Жовтого і красноватого.

– Куда же вы сбываете его?

– Як кусок великий, то понесеш в шинок і візьмеш два-три карбованця; як малий, – то діти спалять. Він горить и гар'ю пахне.

Поблагодарив деда за уделенный час, мы сели в лодку и чрез две-три минуты очутились на берегу материка. Дед также помахал веслом через Днепр, откуда приехал. Приближались сумерки и мы направились обратно в с. Петровское.

Следующие три дня мы посвятили исследованию живописных окрестностей Петровского и подробному изучению села. Поездки лодкой и бричкой сопровождались ночевками в степи и на Днепре, при чем неизменными спутниками нашими были деды-рыбаки и деды-пахари.

V.

Остров Дубовый и его описание. – Предание. – С. Петровское-Свистуново и имена запорожцев, положивших начало населению. – Дальнейшая история заселения. – Предание из жизни и нравов запорожских казаков. – Воспоминание о гайдамацкой ватаге. – Степи в старину. – Кутки села. – Церковь и исторические данные об ней. – Старинные шляхи и дороги. – Новейшая история Свистуновской «ранговой» дачи

В 7-ми верстах от порога Ненасытца Днепр круто поворачивает на юго-запад. В этом колене его, слева, выходит устье р. Осокоровки, разделяющей уезды Павлоградский² и Александровский, а далее, по берегу Днепра, тянется село Петровское-Свистуново. Тут же в повороте, под левым берегом, против Петровского, протянулся и остров Дубовый. Настоящее название остров носит с давних пор, о чем свидетель-

¹ Если память не изменяет нам, кажется, громадный кусок янтаря был найден также во время установки кессонов для Екатеринославского ж.-д. моста.

² Выправлено автором з «Новомосковский».

ствуют письменные источники. Так, в «Описании Днепра» от м. Переволочного до Черного моря, составленном в 1697 г., он значится «остр. *Дубович*, над Волнегом»¹; на плане Арапова* за 1780 г.² и в записках Зуева^{3*} – *Дубовой*; в атласе вице-адмирала Пушина^{4*} (1784) – Дубов; затем у Бухтеева⁵, Лерберга^{6*}, на плане в 1800 г. дачи Синельниковой, на плане генерального штаба – *Дубовый*, у Эварницкого – Дубовый, в старину Дубович или Большой Дубовый⁷.

О величине острова находим следующие данные:

	Длина.	Ширина.
На плане Арапова	до 4 в.	до 1/2 в.
На плане Синельникова. (1800)	4	350 с.
На плане Генерального штаба	4	более 1/2 в.
У Бухтеева	4	1/2
У Лерберга с лишком	5	от 200 до 300 с.
У Эварницкого Д.И.	4	1 в.

Восьмидесятилетние старики Петровского – Яков Гаркуша (Мусиенко) и Лукьян Осадчий (Сотченко) свидетельствуют, что остров, сколько они помнят, принадлежит фамилии Синельниковых и Милорадовичей. Официальным подтверждением этому служит план дачи вдовы генерал-майора Авдотьи Васильевны Синельниковой межевания 1800 г., на котором нанесен остров разделенный на две части - от

¹ Описание реки Днепра от м.Переволочного до Черного моря / Сообщил И.Беляев // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т.III. – С.580.

² План этот в 1890-х годах составлял собственность покойного А.И. Егорова в Екатеринославе, а у нас имеется копия с него. Интересующимся ознакомиться с содержанием его рекомендуем статью Егорова «Араповский план» в Екатеринославских губернских ведомостях за 1890 г., №№ 10, 11, 12, 17 и 19.

³ Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева от С.Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году... - С.259.

⁴ Русов А.А. Русские тракты в конце XVII – начале XVIII в. и некоторые данные о Днепре. – К., 1876. – С. 132.

⁵ Бухтеев М. Опыт статистического описания Новороссийского края А. Скальковского // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т.III. – С.491.

⁶ Лерберг А. Исследование, служащее к объяснению древней русской истории. – СПб, 1819. - С. 214.

⁷ Эварницкий Д.И. Запорожье в останках старины и преданиях народа. – СПб.: Изд-во Пантелеева, 1888. – Часть.1. С. 186 – 187.

Ненасытца, несколько большая половина – 194 д. 800 с. принадлежала Синельниковой, а остальная половина – до 145 д. – графу Сергею Петровичу Румянцеву. Первые владельцы острова и прилежащей справа земли, после раздачи Запорожских Вольностей были генерал-майор и кавалер Иван Максимович Синельников и генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский*. Половина острова, принадлежавшая графу Сергею Петровичу Румянцеву-сыну, впоследствии перешла со всею землею и деревнями Вовнигами и Башмачкою во владение Милорадовичей и им принадлежит доныне; другая половина, неизменно во владении рода Синельниковых¹.

В настоящее время на землях Синельниковой и Милорадовичей встречаем многолюдные деревни и села. Не то было сто с лишним лет тому назад. Академик Зуев, путешествуя в 1781 году по пустынной правой стороне Днепра, обрадовался найденной им в степи слободе «Будинке, иначе Башмачкой называемой». Вот что отметил он в дневнике от 30 сентября. «Земля, где стоит сия слобода, в двух избушках состоящая, принадлежит графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому. Сколь ни малы и многолюдны были сии избушки, – ибо в каждой было по 10 человек и по 12 казаков и всех холостых, однако по такой усталости и ненастью рады мы были чрезвычайно, что нашли себе уголок где обсушиться и обогреться. Мы в ее прибыли около полуночи и проводили время до света, кому где попало»².

Через 3 года после Зуева, именно в 1784 году, вице-адмирал Пущин отмечает на дачах бригадира Синельникова, лежащих по обе стороны Днепра, целых 5 слобод, а именно: на правой Синельникова – 12 двор. 26 душ, Николаевка (Никольское на Ненасытце) 10 дв. 35 душ., Войсковая – 15 дв. 60 душ, Алексеевка – 50 дв. 160 душ и на левой Васильевка – 60 дв. 150 душ. На даче графа Румянцева отмечена только приднепровская слобода Волницкая (ныне; Волниги, на пороге этого имени) – 6 двор. 24 души³.

В 1787 году 9 мая Екатерина II, по пути в Херсон, ознаменовала своим посещением слободу Синельникова Николаевку и здесь же, на ее глазах, через порог Ненасытецкий, пропущены «сперва рыбацья лодка, потом большое судно подполковника Фалеева»^{4*}.

---

¹ По сведениям 1882 г.

² Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева... - С. 260.

³ Русов А.А. Русские тракты... - С. 149.

⁴ Журнал Высочайшего путешествия ее величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской в полуденные страны России в 1787 г. – М., 1787. – С. 63.

Из истории прошлого об острове отметим следующее. В зиму 1769 - 1770, во время войны России с Турцией, по повелению главнокомандующего 2-й армией графа Панина*, в отвращение набегов запорожцы держали сторожевую линию по Самаре и Днепру. В расписании урочищ, при которых учреждены были посты, показан и остров Дубовый. В нем в это время военный пост состоял из 200 рядовых пароконных казаков, при полковнике Семене Первом и двух полковых старшинах¹.

Остров Дубовый возвышается на 30 - 50 футов над летним горизонтом Днепра, и по уверению старожилов не покрывается водою при самых высоких разливах. Поверхность северо-восточной половины острова (Синельниковой) представляет большие неровности. Здесь много ям, рвов, бугров; такое состояние поверхности малороссы называют *макортетами*. Почва песчаная. Деревья – осокор и изредка дуб, а равно ивняк. Растут гуще по берегам и редко, в разброс – на середине. Зато обнаженная середина усеяна травами, иногда дает изрядный укос сена и служит пастбищем. На остальной половине (Милорадовича), как свидетельствует Д.И. Эварницкий, был дубовый лес, были и вековые дубы, о которых, правда, упоминает и наш 80-ти летний рассказчик Сотченко. В первой половине 80-х годов (1881 - 1885), в летние знойные дни нам нередко приходилось располагаться под тенью колоссального дуба, стоявшего на границе владельцев острова, встречать подобные дубы неподалеку от хатенки лесного сторожа и в других частях острова. Но это было и отойдет в область преданий. Зима 1885 - 1886 г. была роковою и для вековых гигантов, давших имя острову и для заурядной лесной поросли. В декабре, январе здесь производилась сплошная порубка, а в марте огромная площадь чернела от ярусов колод и хвороста, над которыми хозяйничали евреи.

Из дичи на острове попадаются куропатки, дикие голуби, зайцы, последних в особенности много можно видеть при обнаженной растительности зимою. Затем на реке, речье и на песчаных откосах не мало куликов, уток, а в траве – коростелей (дергачи). Черные бакланы (*Pelicanus carbo*), о которых упоминает далее рассказчик, действительно редки. Нам приходилось видеть их издали и почти на

---

¹ Расписание, в каких местах, для предосторожности от неприятеля из войска Запорожского Низового учреждены посты (1772) / Сообщил Н. Мурзакевич // Записки Одесского общества истории и древностей. - Одесса, 1875. - Т.IX. - С. 209; Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. - Одесса, 1885. - Т.III. - С. 39 - 40.

одних и тех же излюбленных местах ниже Ненасытца, на заборе Скубовой у Дубового острова и на Волнижском пороге. По свидетельству крестьян с. Васильевка* (у Ненасытца слева) здесь они даже зимуют. В январе и феврале, когда река скована льдом, нам лично приходилось видеть их плавающими в ополоньях всего два раза, но между ними заметили норцов и крыжней. Во всяком случае при недостаточности наблюдений, едва ли возможно утверждать, что бакланы принадлежат к числу зимующих у нас водяных птиц. Дикие утки, норцы, дрохвы также зимуют у нас, но по замечанию крестьян они всегда предугадывают теплую зиму. Бакланы прожорливы, питаются рыбой и слишком осторожны. Избирая на реке открытые места, они редко допускают человека на ружейный выстрел. Мясо их невкусно, отдает запахом сырой рыбы. Бакланы, по всему вероятно, принадлежат к фауне Понта*, о чем, впрочем, свидетельствует и Паллас*, что они водятся только на Азовском море и на Босфорском проливе¹.

При летних ночлегах на острове Дубовом, из ночных птиц мы заметили сов и сычей. Звуки пугача (филин), обитателя скал, в это время чаще всего слышны были с противоположной правой стороны Днепра, со скал Монастырка и Голубиной.

При весеннем половодье в апреле и мае на острове Дубовом, в особенности со стороны порога Волнига, нам часто случалось видеть плавающих пацюков. Эта серая водяная крыса живет в норах и дуплах деревьев.

П р е д а н и е

Спрежду Дубовий острів був запорозький, а потім уже цариця Катерина як розділяла землю, дала одну половину Синельнику, а другу Милорадовичу. На Синельника половині росли осоки та бур'яни, бо там багато піску; на половині Милорадовича, що від Вовніга, – був дубовий ліс. Тут такі дуби були, що як не в чотирьох, то і не обнімеш. Плодилися тут дикі кози, а по той бік острова, де забори, там стіко плавало бакланів, що було весь Дніпр чорніє... Як стали рвати каміння в сорокових годах, як стали на порогах гупать порохов мов з пушок – де та і птиця дівалась!...² Бакланів і тепер побачиш, та уже не стіко...

---

¹ Палас П. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочинения на французском языке Петром Паласом и переведенное Иваном Рижским. - СПб., 1795. – С. 62.

² Рассказчик припоминает время расчистки порогов посредством взрыва камней и устройства обходных каналов.

Розказував мій покійний дід, що на Дубовому острові запорожці дуже кохались в бджолах, випасували коней і жили без жінок. Коні у їх були як зміяки, і все було переганяють їх через річище і назад, щоб уміли добре плавати. Запорожці перепливають, було, через увесь Дніпр і як пливуть, то тіко і видно голови козацькі і кінські. За моєї пам'яті жив запорожець Степан Лисий; йому було більше ста год, – то все було розказує про козаків. На Дубовому острові і по балках жили запорожці і гайдамаки; їх жило тут десятка три. Мені й досі в пам'яті, що було згадують Басараба, Сича, Визира, Бицулю, Орла, Гаркушів, Гайдука, Чуприну, Куксу й інших; їх урочища і тепер єсть. Як став Свиштунов* населять Петровку, то деяких запорожців заманув у слободу, а деякі подалися в Туреччину та в Чорноморію. Потомство запорожців і тепер єсть в слободі і все народ здоровий та заможний.

Дубовий острів великий, на йому буде десятин двісті або триста, а довжиною – як наша слобода, – більше трьох верст. Тепер лісу на половині Милорадовича нема – продав жидам на вугілля, а на половині генеральші Синельнички ще трохи маячить осокорини.

*Лукьян Сотченко (Осадчий), 88 лет,
с. Петровское-Свиштунова.
26 сентября 1888 года)*

Возвратимся к селу Петровскому-Свиштунову. Из геометрического специального плана видим, что в 1779 г. действительный тайный советник, сенатор и разных орденов кавалер Петр Семенович *Свиштунов* получил в ранговую дачу 12800 десятин земли, и в том же году им основана слобода Петровская*. Затем в 1784 году, как видно из исповедных росписей Успенской церкви с. Андреевки, к приходу коего первоначально причислена была слобода Петровская, – в ней числилось 37 дворов, 114 душ муж. и 71 женского пола. Перечитывая фамилии тогдашних жителей сл. Петровской, в росписи мы находим интересную справку об именах, летах и семейном состоянии запорожцев, названных рассказчиком Сотченко, а равно и других, увековечивших после себя название урочищ. Вот список их. Женаты: Кузьма *Бессараб*, при нем 5 работников-молодиков; Степан *Сыч*, Грицько *Бизир*, Омелько и Онисько *Гаркуши*, Никифор *Гайдук*, Афанасий *Бицуля*, при нем бездомные Данило *Врытый* и Юрко *Терновский*; холостые, жившие большей частью в товариществе нескольких человек: Степан *Лысый*, Назар *Чупрына*. Андрей *Дон* (73 л.), Федор *Гладкий*, Дорош *Гречка*, Грицько *Круглый*, Степан *Харьковский* (72 л.), Афанасий *Гук*, Грицко и Павло *Сотченко*, Трофим *Дунаец*, Семен *Кукса*, Семен *Натруса*, Га-

расько *Нудьга*, Наум *Заруба*, Павло *Дядько*, Андрий *Чепынога*, Петро и Олекса *Орлы*¹.

По рассказам старцев Сотченко (Осадчего) и Мусиенко (Гаркуши), основание селу положено было запорожцем Бессарабом. Это был богатый казак, жил «в рубленой хате» над речischem, омывающим остров Дубовый, и имел много работников из запорожской сиромы². У него, говорят, по берегу речисца с версту до устья речки Осокоровки тянулись землянки и загоны для рогатого скота, лошадей и челядников. Казак этот до и после раздела Запорожских Вольностей, пока ревизская сказка не отметила его в числе помещичьих крестьян (1782 г.), жил в Петровском. Но узнав это, он, а с ним и другие жившие по урочищам Днепра запорожцы, сбыли «худобу»³ и все нажитое и ушли – кто на Кубань, кто – за Дунай.

Много интересного и легендарного передают старики из жизни и нравов запорожских казаков. Между последними, говорят, были и богатыри, и силачи, и галдовники (колдуны). Казак Лысый, например, отличался необыкновенной силой. Все у него в руках рвалось, ломалось. Раз он караулил бакшу и ночью словил вора, прискакавшего верхом на лошади. Только коснулся, говорят, Лысый к горлянке вора, – у него и духу не стало. Что делать? Усадил он мертвеца на лошадь, привязал к седлу, стегнул по лошади и та прытко понесла «хозяина». Впоследствии обнаружилось, что вор был крепостной помещика Леванидова* из с. Андреевки.

Запорожец Дон жил в Будыльской балке, был таким же богатым, как и Бессараб, но отличался непомерной силой и «галдовством». Бывало, говорят, простелет на воде полсть (войлок), усядется с гостями и «махнет» вниз по течению Днепра. Плывет полсть, а казаки поют, пляшут, да «кружат корцем горилку»... Дон имел племянника, который, после смерти дядьки, женился и перекочевал в с. Петровское. Род Доновских и теперь отличается зажиточностью. После смерти старого Дона, у племянника его, как помнит из детства Сотченко, было много запорожских красной меди котлов, много оружия, седел и другой сбури.

Упомянув о балке Диденковой, что выше порога Волнига, Сотченко, поясняет, что здесь жил гайдамацкий ватажок Диденко, а при нем была и гайдамацкая сторожа – *статцы*. Эти статцы располагаясь вартою на высоких могилах у проезжих дорог, высматривали добычу и

---

¹ Архив Покровского собора в Александровске. 1782 - 1785-ый.

² Бездомных и безродных.

³ Лошади, скот и другие животные.

производили грабежи. В компании с Диденко был и гайдамака Гаркуша, самый отважный «харцизник», «еретик» и «вишальник». Сотченко говорит, что статцы были галдовники, ехидники, брехуны и хвастуны, и что запорожцы к ним относились недружелюбно. За статцами была частая «погоня» и их отсюда «выкурили».

Запорожец Балчан славился длинными усищами, которые «тричі» закручивал за уши и у которого «никогда не выпадала с зубов люлька». Курил заправски и клал за губу «венгеря». Ездил на коне-змие... Это был истый казак, носивший широчайшие штанища и кожаный черес, у «кишені» кисет с тютюном и ложку, а в «холяве» отточенный нож. Балчан оставил по себе урочище – Балчанский байрак, ниже порога Волниги.

После Бессараба, «осадчим» села Петровского был дед нашего рассказчика Сотченко. Говорят Свистунов, бывший в то время Курским губернатором, поощрял разными льготами переселенцев и по началу к панщине не принуждал. «Всяк платил по 40 руб. ассигнациями от венца в год (8 р. 40 к. на серебро) и занимал земли, плодил скота сколько мог». Жилось у него, по словам рассказчика, «как у Бога за дверьми». Более всего к нему, говорят, стекались бурлаки и «утікачі»¹, фамилии которых здесь переименовывались. Сотченко поясняет, что первым переселившимся беглым давались всякие фамилии; затем переселившихся позже называли *Пизняками*, а третьих, – еще позже – *Третьяками*, отсюда пошли и фамилии Позняки и Третьяки.

В помещичьей деревне Литовской, Ахтырского уезда, – передает старик Мусиенко-Гаркуша, – очень плохо жилось крестьянам. Вот один из них, Данилей, и «причвалал» в Петровку. Прослышав об этом, многочисленные кумовья Данилея да и себе «закивали пятками из Литовской». «Дело, - добавляет наш рассказчик, - случилось еще при Екатерине, – говорить об этом можно...». Вот «под правую середу», помещику захотелось пройтись по деревне. Смотрит – на улицах тихо, безлюдно. Заглянул он в одну хату – пусто, в другую – пусто, в третью – пусто и пусто везде, остались одни святые (иконы). Итак чуть не вся слобода «смандровала» в Петровку...

Заговорив о былом, рассказчик припомнил, что в старину степь имела иную картину; она покрыта была непролазными бурьянами да тырсой; было в то время много зверей, птиц и всякой дичи. В особенности много было «тетерваков» (тетерев), которые жили стаями. По словам Мусиенка, тетерва отличались резким криком, который издали можно было принять за скрип несмазанных колес или за «клекот» на-

---

¹ Беглые.

ступающей орды. Таким криком с добавлением «орда іде!» в то время пугали непослушных детей. Было много сурков, но с распашкой полей они «зваловали», а на смену им явились во множестве суслики. В старые годы много бедствий испытывал хлебородный край от саранчи. Иногда она появлялась в таком несметном количестве, что заслоняла солнце, не видно было света Божия...

Село Петровское делится на четыре *кутка*, носящих прозвища с основания его. Первый от р. Осокоровки – *Корявый*. Происхождение названия никому неизвестно. Второй, центральный – *Свистунов*, - по дворищу владельца; третий, восточный – *Жаврин*, – по имени пана Жаври. Старики говорят, что когда-то на правой стороне Днепра жил беспечный помещик Жавра. Усадьба его, деревня пришли в запустение, с хат ветер поносил крыши, дворы были пусты, крестьяне голы и жили милостыней. Деревня в народе получила название «драной». В Петровском в эту пору образовался куток из таких же беспечных крестьян-гультьев и также бедствовавших, почему, по сходству кутка с панской деревней, последний и зажил в народе под именем *Жаврина*. Четвертый куток, – брошенный от степи, обиловавший тырсой, - получил название *Тырсяного*.

Вспоминая детство и молодые годы, Мусиенко и Сотченко говорят, что ветряные мельницы в их слободе завелись только с 50 - 60-х годов; раньше же, бывало, келебердяне¹ спустят через пороги несколько водяных мельниц, заякорятся на речике Днепра или ниже Будыла и работают на всю округность. Такие же мельницы служили и сукновальнями.

Церковь во именование св. апостолов Петра и Павла сооружена в Петровском первым владельцем села генерал-аншефом сенатором и кавалером Петром Семеновичем Свистуновым. Из дел Покровского собора в Александровске узнаем следующие подробности. В 1800 году, поверенный по имени Свистунова, атаман из малороссийских крестьян Кузьма Григорьев Бабыч, испрашивая разрешение на устройство церкви, сообщал Павлоградскому духовному правлению, что для этого имелось в запасе 160 сосновых колод, 500 руб. денег, искуплен круг служебных книг и затем сообщал, что помещик принимает на себя благоустройство храма и полное обеспечение причта. Из дальнейшей переписки следует, что: 1) разрешение на сооружение церкви последовало от преосвященного Афанасия, епископа Новороссийского и Днеп-

---

¹ Жители местечка Келеберды, Кременчугского уезда Полтавской губернии при Днепре.

ровского в 1801 году¹*; 2) церковь окончена сооружением в 1803г.² и 3) освящена при архиепископе Платоне Екатеринославском, Херсонском и Таврическом*, исправляющим благочинническую должность священником Карповым 11 марта 1806 года³. Приход образовался «из села помещ. Свистунова-Петровскаго, имевшего по ревизии 1795 года – 199 д. мужск. пола, дер. помещ. капитана Василия Протопопова – Терновки – 88 д. и дер. статской советницы Мартыновой – Алексеевки – 69 д., итого 356, а с новорожденными (после 1795) – 400, да женск. во всех сих деревнях 349 д.». До построения церкви в Петровском все эти деревни числились то в приходе Успенской церкви с. Андреевки генер.-майора Леванидова, то Христорождественской церкви с. Васильевки, принадлежавшем генеральше Синельниковой⁴. Первым священником села Петровского был Антон Щипченко и ктитор, крестьянин Павел Семенов.

Как видим из «Геометрического специального плана» дачи с. Петровского – Свистунова «межевания учиненного в 1779 году и вновь снятого в 1804 г.», здесь, кроме проселочных, пролегла большая трактовая дорога от Новомосковска через Александровскую крепость в Крым под именем *Чумацкого шляха*. Шлях этот, тянувшийся от Старой Украинской линии через Запорожские Вольности и слывший некогда под именем Муравского (ветка) и Сагайдачного, – со времени войны с Турцией в 1768 - 74 годах носил название также *почтовой дороги*. Этой дорогой по пути в Крым часто передвигались полки с тяжелой артиллерией главнокомандующего 2-й армией кн. В. М. Долгорукого* (1771) и непрерывно тянулись обозы товаров, принятых с судов у Старо-Самарского ретраншемент* и следовавших в обход порогов, до новой перегрузки на суда у крепости Александровской. Товары эти, следуя вниз по течению Днепра через Херсон и Кинбурн, направлялись в города Черного моря⁵. На том же плане отмечено и разветвление описанного Чумацкого шляха, имевшего направление на *Языковскую паромную переправу* через Днепр, ниже порога Будыльского. Здесь, по памяти Мусиенко и Сотченко, со времен Екате-

---

¹ Архив Покровского собора, в деле о сооружении в Петровском церкви. См. указ Новороссийской духовной консистории от 7-го июня 1801 г. за № 1462.

² Там же. Рапорт священника Щипченко Павлоградск. Дух. Правлен от 15 декабря 1805 г.

³ Там же. Рапорт благочинного от 17 марта 1806 г. за № 6.

⁴ Архив Покровского собора. Консисторский указ за № 1462 и др. бумаги,

⁵ У села Федоровки-Языкова, с правой стороны Днепра.

рины и до 1820-х годов ходило 4 парома¹, сновали взад и вперед чумацкие валки и на обеих сторонах Днепра у владельческих кабаков сотнями останавливались подводы на подночевку и попас волов. Чего только не возили чумаки и крамари, – говорит Сотченко! Тут были: красный товар, посуда, соль, рыба, бакалея, фрукты «и все чего только душа бажает (желает)». Отец Сотченко был человек грамотный, служил приказчиком на переправе со стороны Свистунова и здесь то «на перевозе» родился и наш рассказчик Лукьян.

Геометрический план дачи Свистунова, по межеванию 1779 и 1804 гг., представляет редкую полноту. На нем нанесено и названо:

1) *Пороги*: Волнигский и Будыльский.

2) *Острова*: Орлов и Перун.

3) *Байраки* (лесные участки) числом 7: Балчанский, Орлов, Большой Бицулин, Малый Бицулин, Пластунов, Долгий (Довгого) и Таволжанские рассошки.

4) *Балки* (овраги) и *отроги балок* числом 21: Попчина, Середина, Панский Макортет, Филипенкова, Шпакова, Губина, Берестовата, Капустянка, Широкая, Скотовата, Голая, Диденкова, Каменовата, Будилковская, Калиновата, Бузиновата, Фомина, Марченкова, Терновата и самая большая, служившая границей владельцев Свистунова и Леванидова – Таволжанская.

5) *Могилы* числом 79. Названий 25 и 2 безыменных. Расположены то группами или цепью, то попарно, то в одиночку. Имена их: Гуцалка (числом 3), Голая, Евтухова, Великая (1 и около нее 3), Писаревы (2), Матушева (3), Хабулы (2), Пластуновы (4), Разсоховаты (5), Каменоваты (2), Балчанска (3), Большие Бицулины (11), Малые Бицулины (3), Будилковские (4), Орловы (5), Фомины (2), Шмаленные (2), Широкие (3), Чубата, Долгая, Прищева, Рясные (цепью 3), Каменные (3), Дыбины (3), Терноватые (цепью 6) и без имени – 2.

По рассказам Сотченка и Мусиенка в 1830-х и 40-х годах на могилах Гуцалки, Великой, Голой, Рясных и Долгой, расположенных по сторонам *Чумацкого шляха*, стояли каменные бабы, но потом расхищены.

В настоящее время одни из могил распаханы, другие – раскопаны или изуродованы кладоискателями².

---

¹ Два парома принадлежали помещику Языкову, а после Слепушину и два – Свистунову (*Пояснение рассказчиков*).

² В последнее время, при распахке Рясных могил, расположенных цепью (могильный вал), крестьяне в числе других камней нашли две каменные бабы (разбиты), такие же – черепаху, лягушку и свинью (боров). Изваяния – лягушка пошла на фундамент ветряной мельницы, черепаха уничтожена детьми, а боров приобретен нами для Екатеринославского музея.

6) *Дороги* – проселочные и трактовые. Последние нами описаны (Чумацкие).

7) *Хутора* - Будиловский¹, Дубовский, Терноватый, Таволжанский, Сергиевский.

и 8) *Постоялый* двор на р. Отлогой-Осокоровке, хата на рыбной ловле у Волнижского порога и хата лесничего у острова Перуна.

В 1860-х годах дача Свистунова за долг банку перешла Александровскому купцу Захарину; от последнего в 70-х годах также за банковый долг – компании харьковских купцов – Петренко, Коренева и Велитченко, а в 80-х – частями распродана товариществам сторонних крестьян и немцев. По сведениям 1882 года, на долю крестьян с. Петровского по дарственной записи досталось по 1 дес. на душу, всего 513 д. При таком недостатке, крестьяне арендуют землю на стороне. За исключением немногих, крестьяне бедны и обездолжены.

VI.

Пороги Вильный, Будыльский и лежащие по пути плавания балки. – Деревни Языкова, Августиновка. – Первые владельцы. – Путь Екаторины II (предание). – Балки Трутова, Канцерская, Квитина. – Печатные дубы. – Могилы. – О-ва Рыбальский и Червоный. – Камни «Службы». – Старинный Языковский перевоз. – О-ва Орлов, Перун, Таволжаный и предания об них. – О-в Белый. – Интересные окрестности. – Смерть галдовника Аврама (предание). – О-в Аврамов и д. Аврамовка. Первые владельцы деревни. – О-ва Сторожевой, Клубуковский и Логоватый. Предания об них. – Игнатьевка и первые владельцы деревни. – О-в Бобров или Рыбальский

Следуя лодкой вниз по течению из с. Петровского и минув о-в Дубовый, мы очутились в дикой безлюдной части Днепра. И правый и левый берега здесь пересекают степные овраги с зеленою зарослью, на пути чернеют издали камни, заборы, у берегов – поросшие седым лишпаем, зеленым мхом скалы. Едем около часа. Над головой, в голубой выси неба парят орлы, снуют, кигикают чайки (пигалицы), стрелой то опускаются в реку, то поднимаются рыболовы-крячки. Впереди шумит *Волниг*, клокочут, брызжут его белые волны.

Здесь, на виду порога, хорошенький домик – *экономическая рыбальня*. Через полчаса с возвышенной скалы мы любовались картиной вечно клокочущих лав этого шумного, второго после Ненасытца, грозного порога.

---

¹ Впоследствии хутор Надеждинский с «винницей» (винокурня). Пепелище хутора, винницы и теперь заметно. *Я.Н.*

На рыбальне оказалось около 10 человек «вовнижан»¹, которые ловят и пользуются рыбой с части. В апреле, по преимуществу, ловят осетров, а в остальное время – сельдей, последних тут же и солят. Заметим к слову, что днепровские сельди жирны и вкусны, но их слишком пересаливают. Это, говорят, «для прочности» и, вероятно, есть основание.

Вслед за Волнигом – менее опасный для судоходства порог Будыло. От Волнига до Будыла около 3-х верст или полчаса плавания вниз по течению. Минув слева живописную лесную, с журчащим ручьем балку *Балчанский байрак* и поравнявшись с балкой Башмачкой справа, мы припомнили первое наше путешествие в 1875 году. Балка Башмачка в то время обиловала лесом смешанных пород, попадались вековые дубы. Теперь склоны ее голы, она опустошена до неузнаваемости. Правда, кое-где на месте леса зеленеет чагарь, но это уже не та картина, - это намек на то, что *было* при бережливых предках, да *былью* поросло... Балка названа по имени запорожца *Башмача*, имевшего здесь зимовник.

Быстро проскочив канал Будыла и оставив позади порог, мы направили лодку ближе к правому берегу. На пути встречается балка *Канцерская*, в былое время еще более лесная, теперь положительно опустошена и прикрывается тем же чагарником.

Через час плавания лодка причалила к берегу у деревни Языковой, официально – Федоровки. Это старинная деревня, а еще более стародавнее «кишло» хозяйевитых запорожских казаков-сидней, работавших на Сечи. В богатой угодьями и живописной окрестности Днепра казаки «сидели» зимовниками. Тут, вспоминают старики, что ни балка, что ни байрак – то и казак; тут много потомков запорожцев, почему все имена урочищ закреплены так прочно и свято.

После раздела запорожских вольностей, земля, при настоящей деревне, досталась в ранговую дачу Федору *Языкову*. По смерти последнего, овдовевшая жена его Августина около 1796 г. вышла замуж за графа Сиверса; около 1800 – покупкою досталась Федору Алекс. *Ушакову*. После Ушакова крестьяне называют владельцем своим генерала *Слепушкина*, а от последнего имение перешло зятю его, графу *Коскуль*. При последнем, как выражаются старики, «крестьяне получили волю и остались голи», так как земля, торгованная ими, продана немцам.

К слову заметим, что Языков основал две, близко одна от другой расположенные по Днепру деревни: Федоровку – по своему имени и

---

¹ Жители д. Волниг, в народе – Вовниг, с противоположной стороны Днепра, тут же на пороге.

Августиновку, по имени жены. Первая, как видим из дел Покровского собора в Александровске, основана около 1780 года, вторая – позднее. Достойно внимания, что официальные названия ни Федоровки, ни Августиновки не прижились в народе и обе деревни слывут под именами *Языковой* и *Смольщи*. О происхождении последнего названия старики дали нам следующее объяснение: Жена Языкова «Устя» (Августина) купила 80 семейств крестьян у гетмана графа Разумовского в Прилукском уезде Полтавской губернии деревне *Смольщи*. Переселившись на Днепр, крестьяне закрепили за новой деревней имя родного гнезда и пошла «Устиновка» (Августиновка) жить под именем Смольщи.

Деревня Языкова расположена на гористом склоне к Днепру, пересекаемом оврагами.

В сравнительно небольшой деревне, с населением до 200 дворов, до 1500 душ, находится волостное правление, сельская начальная школа, несколько лавчонок, живет земский фельдшер. Население – малороссы, из которых некоторые называют себя потомками запорожских казаков. Здесь уцелели старинные обычаи, язык и, за редким исключением, наряды. Помимо хлебопашества и рыбной ловли, как главных источников жизни, в значительном ходу ткачество, давно оставленное в других деревнях и селах. Наибольший интерес, однако, представляют старики, хорошо знающие Днепр с его окрестностями и сохранившие предание о временах Екатерины и Запорожья.

89-ти-летний Трофим Ковбаса и 94-х-летний Михаил Кнырик передают, что в то время, когда они были еще хлопцами, много жило очевидцев, много ходило в народе рассказов и вспоминали о проезде Екатерины II в мае 1787 года.

Рассказы передаются с большими подробностями.

По словам дедов, в Половице, что ныне Екатеринослав, стоял большой каменный маяк-миля. От этого маяка ехала Екатерина *столбовой* дорогой на могилы *Близнецы*, стоящие на Лощманско-Каменской степи. Не доезжая до этих могил $\frac{1}{2}$ версты, над дорогой стояла также миля¹, а на ней написаны были какие то слова или год. Далее дорога шла через р. *Суру* и степь села Волоского*. В 10-ти верстах – опять миля, отсюда дорога направлялась степью д. Звонецкой генерала Синельникова и опять миля за *Майоровою* могилою. Проехав до поворота в с. Николаевку того же Синельникова, царица оставила столбовую дорогу и направилась к порогу Ненасытцу. Здесь она остановилась в доме Синельникова, обедала, а после с балкона, обращенного к Днепру, наблюдала за переправой своей флотилии. Суда следовали на значи-

---

¹ По рассказам других, эта миля стоит и до сих пор.

тельном одно от другого расстоянии. Когда погрузилась в волны порога первая галера, Екатерина, по рассказам Кнырика, закрыла лицо платком. Все умолкло. Окружавшая свита напряженно следила за движением галеры. Когда галера благополучно миновала порог, свита подняла «ура»! Затем, когда переправлялись другие галеры, Екатерина смотрела на них в подзорную трубу.

Как известно, провожавшие галеры лоцман Полторацкий в награду получил дворянство и землю¹. Вот что по этому поводу рассказывает дед Кнырик.

Судна царицы сопровождал через пороги лоцман Кузьмич, а лоцманский атаман Полторацкий получил награду. О Кузьмиче не было доложено царице. Кузьмич был отважный лоцман и лучше всех атаманов знал пороги; один только грех за ним водился – запивал². Когда галеры миновали пороги и остановились на Кичкасе, Полторацкий поставил Кузьмичу магарыч – и это вся шата.

Обозрев Ненасытец, из Николаевки Екатерину снова сопровождали столбовой дорогой. На пути она проехала глубокую и лесную в то время балку *Башмачку*. Далее, сделав 5 - 6 верст и оставив позади себя вершину другой лесной балки *Канцерки*, царский поезд следовал по большой *Крымской* дороге. Тут у огромной степной могилы *Галаганки* стоял маяк, и дорога разветвлялась на Никополь и Александровскую крепость через Кичкасскую паромную переправу на Днепре. От Галаганки Екатерина направилась по дороге в Кичкас, где, по словам наших рассказчиков, она осведомлялась о благополучии своих галер³. На Кичкасе стоял такой же большой маяк как и в Половице. Далее царица проследовала в дер. Потемкина – Хортицу, а оттуда в Никополь и далее до Херсона.

В связи с этим рассказом деды сообщили другие, не лишённые интереса сведения об урочищах описываемой местности.

Ниже порога Будыла – Трутова балка, – жил запорожец Трут. Это был «сидень», в запорожские дела (военные) «не вкидался», а вел хлебопашество, работая на войско. В лесной балке его, говорят, была кры-

---

¹ Между Каменкой и Старыми Кайдаками, на крутой балке Сажанке, до сих пор уцелел хуторок, бывший Полторацкого. Хуторок крайне беден. Земля, говорят, дана была Полторацкому овражистая и неудобная.

² На этот счет, как сообщал нам в свое время Каменский лоцман Осип Омельченко, не лучший был и атаман Полторацкий.

³ В печатных источниках мы этого не находим, да и неправдоподобно, чтобы суда, – имея впереди 4 порога и 60-ти верстное расстояние, могли с такой быстротой добраться до Кичкаса, с какою, по более прямому пути, возможно было доскакать царице на лошадях. *Я.Н.*

ница, которая притягивала дождевые тучи и грозу. Тогда здесь много было разбитых грозой дубов, а в настоящее время уцелел только один вековой дуб.

Ниже Трутовой, на балке *Канцеровой*, жил Канцера-казак, а с ним и другие запорожцы. В балке есть «течія» (ключ), и когда-то росли дубы в обхват 3 - 4 человека.

Под слободой Языковой жил запорожец Квита, по нем прозвана и балка. Квита, также был «сидень», имел 3 сыновей, но последние, после разорения Сечи, бросили отца и «подалися» за Кубань. При устье Квитиной балки, под самым Днестром, стоял дуб в обхват 4-х человек, а на нем приложено было 24 больших запорожских печати. Такой толщины и с такими же печатями были еще дубы - один между д. Языковой и Смольщой в саду Слепушкина, другой - на острове Таволжаном, а третий в степи, на балке запорожца Рябого. Под этими дубами, по преданию, запорожцы в 1762 г. присягали на верность Екатерине II.

При рытье колодцев и погребов крестьяне д. Языково нередко наталкивались на следы погребальных ям. В одном месте отрыли, говорят, кости человека, а между ними 16 бронзовых стрел; в другом - отрыли скелет, в головах которого стояла «тыква» с водкой, а с правого боку - «люлька», «тютюн», кресало и кремь. Водку выпили, а все остальное затеряно.

Недалеко от села старики указали нам могилы - Бицулину, Вышерину, Сыдорову, Великую, Острую и несколько безыменных. Сохранилось предание, что в одной из безыменных могил сокрыт клад. Кто не пробовал копать - клад не дается: то появляется сразу целая «стая» волков, безмолвно «клаца» зубами, то взвывается на дыбы и ревет медведь, то льется через голову вода. После многих попыток, крестьяне бросили копать, так как клад, говорят, заклятый и место «нечистое».

От дер. Языковой и степи, возвратимся снова к описанию островов, лежащих здесь у обоих берегов Днестра.

Острова *Рыбальский* и *Червоный* или, как его еще называют - *Красный* - иногда служат пристанищем для рыбаков. Об этих небольших островках, у берега д. Языковой о камнях «*Службы*» сведений, кроме приведенных названий на карте генерального штаба и у Эварницкого (Запор., I, 188), ни в одном из других печатных источников мы не находим. Что касается переправы здесь через Днестр, то историческую давность ее подтверждают Ляссота и Боплан*. У первого читаем: «Переправившись через десятый порог, *Будильский*, мы остановились на левой татарской стороне и там позавтракали (1594 г. 7 июня). В настоящее время тут главная переправа даже за остров Таволжан-

ский, так как Днепр в этом месте не разветвляется и не очень широк. Там мы видели большое число маленьких татарских лодок из плетеного хвороста, обтянутых свежей кожей»¹. Боплан, инженер польской службы XVII века, о переправе говорит коротко: «На всем пространстве 13 порогов, татары могут переплывать через Днепр в одном только месте, между 10 – Будиловым и 11 – Таволжаным, где берега отлоги»².

К сведениям Ляссоты и Боплана считаем не лишним заметить, что правый берег Днепра от порога Будыла на протяжении 2 ½ верст (до нынешней дер. Языковой) большею частью высок, скалист и крутой, при чем часто перерезан балками и не везде доступен для подъездов; левый – наоборот – на большом пространстве представляет песчаную пологость. Таким образом, место древней татарской и запорожской переправы можно предположить ниже Служб в том самом месте, где рассказчики указывают *Языковский перевоз*³. Затем место переправы *вплавь* на лошадях удобнее предположить с правого берега на левый – сначала через речиче на остров Таволжаний, а затем с Таволжаного, между скалами его *Голубиной* и *Щуковатой* через Днепр. В этом месте хотя течение и быстрое, но берега правый (острова Таволжаного) и левый, выше острова Перуна, более доступны и ширина реки не превышает 200 сажень. Об островах Рыбальском⁴, Червоном, о камнях «Служб» старожилы передают следующее:

1. Ці островки стоять поруч один побіля другого, під Язиківським берегом. Оцей що ближче до берега, звемо – Рибальський, а зараз за ним – Червоний. На Рибальському пісок і колись росла осоковина, а на Червоному – один червоний камінь. В сімдесят сьомім (1877) годі Рибальський був весь у воді, а Червоний затоплює пошти ізо-году і тоді звемо заборою. Лоцмани бояться Червоного, бо бистря так і спиха на його пливти, як на тому Бистрику, що під Оврамівським берегом⁵. На Рибальському в піску, після сорок п'ятого году, находили запорозькі шаблі і багато кісток: все людські голови. Островок був чималий і височенький до сорок п'ятого году.

Ще нижче, під Язиківським берегом два каменя – *Служби*. Давно, не за моєї пам'яті так прозвано їх і не знаю за що. Веселе місто колись було, пониже Службів тут був Язиківській перевіз на той бік. Ще як

¹ Лассота Э. Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. / Пер. и примеч. Ф. Бруна. - СПб., 1873. – С. 29.

² Боплан Г. Описание Украины. - С. 22.

³ См. впереди предание.

⁴ Выправлено автором з «Рыбал».

⁵ См. остров Белый.

жили пани – на цім боці наш Сліпушка, а на тім Свистунов, – було у кожного по два порони і на кожний становили по дванадцять чумацьких возів. Порони нашого пана і тепер в пам'яті – були зелені. Стіко того чумака переїздило – Боже мій!... Тоді Великий шлях лежав від Самари¹ через Свистунівський степ і тут розходився на Олександрівськ і далі на Перекоп і на Язиківський перевіз, а потім на поштовий шлях, що йде з губернії². Тоді було чумацькі валки становляться від двора Сліпушки, де скали та аж до слободи Язикової, а вище Службів, на бугрі стояв шинок. У Сліпушки була своя винниця³ і горілки стіко хоч, добра і дешева. Порони плавали на Свистунівський берег і вигружались повище Орлового острівка, біля урочища *Криничуватого*; там, на тім боці, стояла хата і жив лоцман Микита Товстик. Це був чоловік старий, ще запорозького коліна⁴, він отаманував на похоронах. Тоді добре було чумакові: за перевіз пани брали гривню (3 к.) од воза і пари волів, а пасли даром. На Свистунівським степу, де розходився шлях, жив дід куренем; було хто їде, то він и присоглаша на Язиківський перевіз: там, - каже, - паші вволю и перевіз дешевий. Язиківський перевіз був старинний. Покійний Щерба і Товстик було розказують, що тут ще запорожці переправлялись пороном, а вище Перуна на Таволжаний острів було перепливають кіньми. Отчаянний народ був!... У двадцять п'ятому (1825) годі була драна зима, а після того підряд три годи була велика вода. Як повирізала кручі, так шо и пороном не пристанеш – перевівся і перевіз: всяк, хто-б не їхав – поверта на Кічкас.

*Михаил Антонович Кнырик,
92 л., д. Языкова Екатеринославского уезда,
26 января 1886 г.*

II. Еще о Языковском перевозе и старом чумацком шляхе

Нижче⁵ Службів і вище острова Таволжаного був колись старий перевіз. Це ще було літ 70 назад за панів Сліпушки і Свистунова, поки вони жили собі союзно. На слободу Язикову тоді лежав великий чумацький шлях; він повертав сюди з великого шляху, що йшов колись на степ пана Захарина із Половиці, де тепер город Катеринослав. З Половиці повертав він на Язикову *Шмаленой* могили як поминуть Рябу могилку, де Підгородянська пошта. Було як перевезуть чумака на

---

¹ Новомосковск Екатеринославской губернии.

² Из Екатеринослава.

³ Винокуренный завод.

⁴ Виправлено автором з «кошна».

⁵ Виправлено автором з «Низ».

той бік, то він і поверта куди йому треба: або на Самарь, або на Оріхов в Перекіп, Керч, Крим, або в Марнапол, на Дін. На наш перевіз чумак було йде більше порожнім, або везе сушені яблука, груші, а відтіля вертається з рибою і сіллю. Язиківський перевіз був дуже старинний. Колись було, старі люди розказують, що тут ще перевозились гайдамацькі ватажки і запорожці. Це Бог зна колишнє діло... Перевіз був би може Бог зна доки, та перевів його наш пан Сліпушка. То було бере гроші по десять копійок з воза за перевіз, а пасли волів даром, а то як стало велике здирство і за перевіз і за попас – Свистунов розсердився і попродав порони на Кічкас: «Хай, - каже, - сам обіжа людей, а я не хочу». Подержав перевіз Сліпушка годів зо-три сам, баче, що чумак повернув на Кічкас, він тоді годі і порони держать.

*Дед Трофим Ковбаса 88 лет,
д. Языкова, Екат. у., 6 июня 1886 года.*

На левой стороне, у Свистуновского берега следует о-в *Орлов*.

Остров этот при длине 360 саж., шириною от 35 до 50, заключает в себе 6 дес. 533 кв. саж. Высота при летнем уровне Днепра от 15 до 25 футов. По рассказам стариков с. Августиновки (Курта, Винниченко) в 1845 и 1877 годах о-в был затоплен.

Почва песчаная. В северной части его (голова) – скалы и камни, южная (прихвостье) заканчивается песчаным откосом.

Справа в реке, против южного конца о-ва камень *Крячинный* или *Крячок*. Летом на нем постоянно усаживаются крячки, отсюда и название. При весеннем поднятии вод, Крячок погружается и на языке местных жителей получает название *Крячиной заборы*. Растительность о-ва бедна. При экскурсии 12 апреля 1890 года мы видели несколько молодых деревьев дуба, осока (чернага) и вербы; из кустарников – крушина (жостер), бересклет (бруслина¹), шелюг и дрок (зиновать); травянистых: тюльпан, будра, пидби́ль, седум, воробьиный щавель и в сухом виде нехвороща, царский скипетр и гребенчатый пырей. От материка о-в отделяется речисцем, шириною при весеннем поднятии вод сажень до 70. Против о-ва на материке крутой, каменистый, поросший кустарником склон. Здесь масса черных змей и огромных желтобрюхов. Против южного конца о-ва (прихвист'я) – устье балки Орловой. Балка видимо изобиловала дубовым лесом, о чем свидетельствуют уцелевшие деревья, кустарники и много пней.

Название о-ва под настоящим именем Орлова мы встречаем на плане Днепра 1780 г., составленном землемером Араповым. На плане,

---

¹ Виправлено автором з «брусника».

правда, загадочная надпись – «Олавр», но это очевидная описка лица, копировавшего план.

О-в Орлов с 1779 по 1860-тые годы принадлежал фамилии Свистуновых; затем, вместе с землей (12 т. десят.) переходил к русским купцам (Захарин, Коренев, Петренко) и наконец в 1887 году очутился в руках немцев. Надо думать, если остров среди рыбаков не утратил настоящего своего названия, то скоро примет придаточное «Немецкий».

П р е д а н и е

На острівку, під Свистуновським берегом, що супротив Таволжаного острова був колись рибальський кіш запорожця Орла. Тут він просушував свої мережі и кодоли, тут, з бурлаками і прокалатав він свій вік. З берегу, супротив прихвістя острівка протяглась лісна балочка – то Орлів байрак. Старі язиківські люди Товстокорий, Недвига і Олійник розказували, що в цій балці стояла і хата Орлова, де жив зимою. На острівочку¹ був колись гарний² ліс, та сплюндрували – остався один чагарь.

*Дед Алексей Коганович Курта, 76-ти лет,
с. Смольца (Августиновка) Екатеринославского уезда.*

На той же левой стороне Днепра непосредственно за Орловым, на разстоянии 2 верст следует остров *Перун*. Рыбаки ставят ударение на букве *е* и произносят Перун.

Ляссота, Боплан не упоминают о Перуне; *Лерберг* называет его Перновым³, однако в преданиях допетровской летописи мы находим ясный намек на существование в отдаленные времена острова под этим именем. Так, Иннокентий Гизель в статье *Синописа** о принятии русскими крещения при Владимире (988 г.) и истреблении кумиров повествует:

«Первейшего бога или идола Перуна повеле к конскому хвосту привязати и влещи в Днепр, приставив двенадесать паличников, да биют его палицами, не яко чувственное древо, но да поругают бесу, иже чрез него народ человеческий прельщаше; привлеکش же его ко берегу ввергоша в Днепр. И заповеда Владимир, да нигде не припустят

---

¹ Выправлено автором з «островочку».

² Выправлено автором з «горный».

³ Лерберг А. Исследование, служащее к объяснению древней русской истории. – СПб, 1819. - С.274.

его ко берегу, дондеже минет пороги: ниже же порогов изверже его ветер под едину гору велику, яже и донныне *Перун-гора* нарицается»¹.

Если в порожистой части Днепра действительно существовала Перунова гора, то легко предположить о существовании ее на месте нынешнего возвышенного и скалистого острова, который в то время примыкал к материку. На такое предположение нас наводит овраг, перерезывающий северный конец о-ва, который при осмотре местности можно принять за извилистое устье Таволжаной или, пожалуй, Железной балки.

Береговые жители, как мы сказали выше, называют о-в *Пруновый* *Прун*, *Прунов*; на плане дачи помещика Иваненко (1893) *Перунов*; на плане Днепра Арапова (1780 г.) он нанесен без названия; Чужбинский* называет *Змеиной скалой*, под именем *Змеиной скалы* видим его на топографической карте генерального штаба (ряд XXXVII, лист 13). На последней, заметим к слову, он нанесен несколько ниже места занимаемого им в натуре, если сопоставить к нему устье балки Таволжаной.

Пользуясь масштабом карты генерального штаба, длину Перуна можно определить несколько более полуверсты; на экономическом плане Иваненко – длина его 296, ширина 80 сажен, площадь – до 7 десятин³; по произведенному нами измерению в 1890 году, протяжение скалистой части острова – 189, песчаной, с низменной косой – 103, всего 292 саж.; ширина северного конца, вдоль оврага у подошвы скалы 66, середины – 59, песчаного «прохвистья» (хвост о-ва, песчаный откос) – 37 с. При полном испаде вод, высота северной скалы – этой живописной части о-ва – 98 футов, средней части – до 50-60 ф. В порожистой части Днепра Перун принадлежит к числу довольно возвышенных островов, он выше Стрельчьей скалы у Лахани, но не может сравниться с соседним, чрез речку лежащим островом Таволжаным, подымающимся до 150 – 200 ф., или Хортицким – до 300 футов. На Перуне, как мы сказали впереди, самую высокую точку – 98 ф. занимает северная скала ее – *голова*; на Таволжаном, напротив же Перуна, скала заборы⁴ *Щуковатой*

¹ Синописис, 4 изд. стр. 151 и 7 изд. стр. 70, 71.

² Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. — СПб., 1861. — Часть 1. — С. 116.

³ Собственно во владении Иваненко 4 д. 2302 саж., остальная часть острова, принадлежавшая помещику Свистунову, теперь поступила во владение немцев (1890).

⁴ Выправлено автором з «забор».

подымается до 100 ф., а несколько ниже по течению – Старый до 120 футов.

Старики рассказчики указывают на Перуне *пещеру Змия*, которую можно видеть в июле - августе при низком уровне Днепра. Ход в пещеру с реки (с запада). Длина ее 7 ½, ширина от 1 до 1 ¼ и высота до 1 ½ аршина. Пещера заканчивается узким, подымающимся вверх скалы ущельем.

Менее всего остается сказать о флоре и фауне о-ва. Летом ущелья скалы представляют обиталища для массы скворцов и галок, звучно оглашающих окрестности при появлении человека. Зато здесь полное отсутствие зверей и певчих птиц. Оно и понятно: до 1882¹ г. остров с южной части покрыт был тенистыми деревьями и кустарниками, теперь он обнажен до неузнаваемости, на нем бродит скот. Не то говорит нам память 80 - 90 летних старцев. Здесь, по рассказам Кнырика и Курты², лет 70 тому назад был густой лес, росли вековые дубы, водились орлы и филины; здесь же когда-то жили и запорожцы вместе с оленями и вепрями.

Против средней части Перуна, в 16 саженьях шумит камень *Ревун* или *Сукновальня*. При измерении зимою (3 декабря 1890 г.) верхушки этой подводной скалы, она подымалась на 5 футов над уровнем Днепра, причем длина (протяжение впоперек реки) – 6 саж. 2 арш., ширина 5 саж., в окружности 18 саж. По рассказам стариков с. Августиновки, в тихую летнюю ночь, перед переменной погоды шум Ревуна переходит в глухой стон, иногда в оглушительный рев, в шум со звоном и в это время он слышен далеко - далеко.

Летом, когда взглянуть на его белые, вечно клокочущие волны, – он представляет стадо скачущих барашков, руна подбрасываемой шерсти. Старик Курта говорит: «Ревун кипит, наче у валушах сукво перевертається». Отсюда – «Ревун» и «Сукновальня».

На карте генерального штаба камень-забора отмечен «Реун».

О Перуне сохранилось много преданий, из числа которых передаем наиболее интересные.

П р е д а н и е

А.

Колись, кажуть, змії був на небі і літав по всьому світу; його всі боялись, а інші і кланялись йому. Як узнав Бог, що йому поклоняються, взяв и пооднімав крильця; він упав з неба в Дніпро і поплив. Ідолопоклонці бігли берегом и кричали: «Перуне, Перуне припливи до

---

¹ Виправлено автором з «1822».

² Виправлено автором з «Курта».

берега»! Приплив він до острова і показаласть йому глибока нора; він туди і пропав. Від того часу прозвано і острів Перуновим.

*Дед Тимиш Драгань 93 лет,
д. Аврамовка, Екатерин. у., 11 Апреля 1890 г.*

Б.

Кажуть що Перунового острівка тут не було, а приплив на йому змії відкільсь з гори¹. Як плив він, тоді-б то кажуть, одним боком бігли ідолопоклонці і викликали на берег, а другим вийшли назустріч православні і почали молебствовать і заклинять. Де стояли наші з корогвами, туди він підплив і став. Змієва нора збоку от Дніпра; вона, кажуть, була дуже глибока та після того, як змії згинув, скеля зійшлася щільно і нори нема. Будь-то так було, а чи правда цьому – не знаю.

*Дид Олексій Курта, 76 лет,
с. Смольща, Екат. у., 12 Апреля 1890 г.*

Совершенно в такой-же редакции повторил предание другой старик д. Смольщи² Ермолай Винниченко.

В.

Нижче трохи Орлового, – острівок Перун. Про цей острів ось що чув я від старих людей. Якийсь-то, кажуть, бог Перун плив Дніпром і його хвилю³ викинуло на острів; тут його заховано, а потім откопано. На йому, кажуть, було золота 3 пуда, а сам зроблений з дерева. Від того і острів став Перун. На Перуні, від Дніпра єсть нора: колись, кажуть, жив там змії і йому носили людей. Нору звали Змієвою.

*Дед Михайло Книрик⁴, 96 лет,
дер. Языково, Екат. у., 3 июня 1886 г.*

Г.

Стіко впам'ятку – острів зветься Перуном.

На йому висока скеля⁵, а в ній від дніпрового ходу – скута⁶. До Христового рожденія, кажуть, жив там змії; він гарбав під себе жінок і дівок, а мужей пожирав. Як Христос народився – змія прокляв, а потім

---

¹ С верховьев реки.

² Виправлено автором з «Смольщи».

³ Волною.

⁴ Виправлено автором з «Кнофик».

⁵ Виправлено автором з «скала».

⁶ Нора, пещера.

звоював його якийсь богатир. У змія було, кажуть, три голови і крила. Він як летить – освіщає весь світ, а огонь так і палає.

На Перуні єсть клад. Як був ще я парубком, у нас в слободі жив такий старий дід, що аж мохом поріс; йому було більше ста год, а звали Степаном Лисим. Це чоловік був ще запорожського звання. Він все було розказує про клад на Перуні, тіко, казав, його страшно брать – заклятий. Про приміту казав так: від голови єсть лощина, а в лощині кущ жостеру, отступи від того куща три ступні на полудень і копай – там запорожці сховали каюк грошей і прикрили шкурою. Каюк, казав, такий, що чоловік десять переїде через Дніпро.

*Дед Лукьян Сотченко, 88 л.,
с. Петровское-Свистуново, 13 января 1885 г.*

Справа у берега с. Августиновки (Смольци) лежит большой возвышенный и скалистый остров Таволжаный.

Правобережные жители Августиновки, Языковой называют его *Таволжаным* и *Тивилжаным* чаще; *Волжаным* и *Вильжаным* реже; левобережные свистуновцы и иваненковцы – *Языковым*¹ а иные, помоложе – *Немецким*². В печатных источниках название Таволжаного, в разных, правда, изменениях произношения, остров носит с XVI века. Ляссота в 1594 году называет его Towal-Zani (в переводе Бруна – Таволжанский)³, Боплан в XVII веке – Tawozany (в переводе Устрялова назван Таволжаном)⁴, в последующих затем исторических сочинениях и картах – Вильшанный⁵, Таволшанский⁶, Таволжанский⁷ (Бухтеев и на плане генерального штаба), Тавалжинской (план Арапова), Товальжонской (Атлас Днепра вице-адм. Пущина 1784 - 86 г.), Таволжанка⁸.

Запорожские казаки, а после них поднепровские малороссы некоторым местным островам дали название по имени той или иной преобладающей растительности. Много дуба – остров *Дубовый*, много

¹ Виправлено автором з «Языковой».

² Виправлено автором з «Немецкий».

³ Ляссота Э. Путевые записки Эриха Ляссоты... - С. 29.

⁴ Боплан Г. Описание Украины. - С. 23.

⁵ Зуев В. Путешественные записки Василья Зуева... - С. 259.

⁶ Лерберг А. Исследование, служащее к объяснению древней русской истории. – СПб, 1819. - С.310.

⁷ Бухтеев М. Опыт статистического описания Новороссийского края А. Скальковского // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т.III. – С.491.

⁸ Эварницкий Д.И. Запорожье в останках старины и преданиях народа... - С. 188.

винограда, вербы, таволги – Виноградный, Вербовый, Таволжанный. Названий Дубовского, Виноградского, Вербовского, Таволжанского на языке малоросса не услышите. Поэтому правильное название острова по малорусски будет *Таволжанный* – поросший таволгой. Под этим названием мы встречаем остров только в «Описании реки Днепра от местечка Переволочного до Черного моря», составленном в 1697 г.¹ (Зап. Одес. Общ. Истор. и Др., III, 580), на плане генерального межевания Фед. Ал. Ушакова за 1800 г., у Павловича² и у Чужбинского³.

По Боплану, этот большой остров в длину имеет всего 2000, в ширину 150 шагов. Иначе, принимая размер шага за аршин, длина 1 верста 166 сажень или около этого. По Лербергу – длина с лишком 3 версты, ширина от 100 до 200 саж.; по Бухтееву – 3 версты при ширине в ½ версты (т. е. 375 саж.); по Эварницкому – 2 версты в длину и от 10 саж. до 1 версты в ширину; по Егорову, определяющему величину по плану Арапова, длина до 4, ширина до 1 версты, по плану владельца Ушакова 1800 г. – 3 верст. 200 саж. при ширине 480 саж., по плану генерального штаба, если взять во внимание изгибы острова, – длина более 3, ширина раздвинувшейся середины его 1 верст. Более точное определение длины находим у Лерберга, ширины – у Эварницкого, длины и ширины у Егорова (Екатер. Губ. Вед. 1890 г. №12), Ушакова и на плане генерального штаба.

Площадь острова, по плану владения Ушакова 1800 г., – 221 дес. 1920 кв. саж., по заверению стариков Федора Кнырика и Алексея Курта – 322 дес. Затем высота при летнем горизонте вод северной половины – до 200, южной, ниже балки Долгой – до 120 футов. Преобладающая почва – песчаный чернозем.

Природа острова разнообразна. Обширная, возвышенная середина его представляет характер нетронутой плугом, первобытной днепровской степи. Тут и по склонам обильно кустится таволга (*Spargacia crenata* L., местное – ракета), от которой получили название остров и тянувшаяся к Днепру с левого берега живописная балка Таволжаная; тут же, изредка, как признаки исчезнувшего леса, на старых пнях кустятся дуб, клен, вяз, боярышник, да там и сям в

---

¹ Описание реки Днепра от м.Перевалочного до Черного моря / Сообщил И.Беляев // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т.III. – С.580.

² Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния / Сост. В. Павлович. - СПб., 1862. – С. 33.

³ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию... - С. 116.

разброску дикие молодые груши. Как помнят старожилы, лес здесь был в 1860-х годах, и последним из туристов видел его Чужбинский. Насколько привлекателен весною, настолько жалок бывает этот обезлесенный остров в знойную пору лета. В конце февраля, иногда позже – в марте, не успеет сойти снег, вы уже любуетесь белорозовыми цветами сироток (*Bulbocodium ruthenicum*), крокусов (*Crocus reticutus*), в апреле и мае – белыми, фиолетовыми, синими, желтыми, пурпуровыми цветами хохлатки (*Corydalis Marschalliana*), пролесков (*Sulla azurea*), фиалки (*Viola odorata*), ирисов (*Iris pumila*), лютика (*Banunculus* - несколько видов), тюльпана (*Tulipa sylvestris*), сон-травы (*Pulsatilla patens* Mill), барвинка (*Vinca minor*) и др. В особенности здесь много травы *Кузьмича* (*Ephedra vulgaris*), которую так усердно рекламируют самарские знахари.

В северной – *голове*, значительное пространство завалено глыбами обнаженных камней, в продольной восточной, более возвышенной части, чередуются одна за другою огромные, живописно повисшие в Днепр скалы, в продольной западной, к речису – камни и скалы, в южной *прохвистьи* – сыпучий песок. Остров имеет и свои урочища. Назовем их, руководствуясь рассказами знатока местности рыбака Олексы Курты. По восточному берегу ниже первой от головы безымянной скалы следует *Липын берег*. «Тут, за панського уряду» росли роскошные липы, «техкали соловьи и свистали иволги». Со скалы, обратно на север, на Днепре видно два камня – это *Кабаны* или камни *Черевка*. Первое название получили по сходству с плавающими черными кабанами, второе от имени лоцмана Черевка, потерпевшего здесь крушение. Далее на небольшом расстоянии одна за другою три безымянные скалы. На Днепре, недалеко от берега острова, между первой и второй от севера скалами – камень *Таран*, который Курта назвал заборой. Тут разбил барку лоцман Таран. Еще далее большая *Голубиная* скала возвышается на 72 фута. Здесь, говорит Курта, еще в годы его детства, водилось множество диких голубей.

Ниже Голубиной, поперек острова, тянется балка Долгая. Здесь, на огромном пространстве, вы видите пни и одни пни, как показатели бывшего здесь непролазного леса!.. На балке, ближе к речису у д. Августиновки, сохранилось озерцо, над ним хатка сторожа – чередника, а возле, как бы для картины, уцелело несколько дубов и груш. «Эти деревья, - говорит Курта, - оставлены немцами на память». Еще далее, чрез балочку, у восточного берега следует большая скала – *забора Щуковатая*; высота ее до 100 ф. «Тут, - говорят рыбаки, – играет много щук». Вслед за Щуковатой – небольшая *Вовча скала*: «плодились вблизи нее волки в скотах (норах), а за нею, немного далее

– самая высокая скала на Таволжаном – *Старая забора*. Подъем последней до 120 ф. Все три названные скалы, следуя с севера на юг, повисли в Днепр и расположены против о-ва Перуна, прислонившегося к левому берегу. Отсюда, с более возвышенной точки, Перун не так красив, не так величествен как с левого берега, но с пустынной дикой скалы его беспрерывно доносится птичий крик и гам. От Щуковатой, по направлению к Старой заборе, в четыре ряда тянутся ямы, числом 20. Тут, по словам старожилов Михаила Кнырика, Курты, Винниченко и др., было главное «осідлище» запорожских казаков. Ямы эти – признаки землянок, по словам тех же стариков были обнесены когда-то каменной «загатой» (забор), следы которой от Щуковатой видны и теперь.

Скалы забор Щуковатой и Старой – самые высокие точки южной окраины Таволжаного. С первой виден южный конец с. Августиновки – мельницы и верхушка церкви. С последней взор ваш охватывает большую половину села, пред вами во все стороны открываются богатые окрестности Днепра и степи.

После Старой заборы, на расстоянии версты, скалистый восточный берег переходит в песчаный; отсюда южная часть о-ва во всю длину и ширь заканчивается белым, далеко выступающим в Днепр песчаным откосом, известным здесь под именем прохвистья. Здесь, кое-где, видны следы кострищ (*печища*), во множестве разбросаны черепья амфор и др. глиняной посуды, имевшей, видимо, самую разнообразную орнаментиву; масса кремневых осколков попадает в обломках и целыми – кремневые ножи, такие же и бронзовые наконечники стрел, ружейные кремни и самодельные запорожские пули¹. Перечислив находки на поверхности острова, не можем не упомянуть здесь рассказов о находках в Днепре, начиная от порога Волнига до конца острова Таволжаного. По словам Кнырика, Винниченко, Курты и др., рыбакам нередко приходилось доставать со дна реки янтарь в кусках до фунта и более, ветвистые рога оленей, ружейные стволы и даже пушки. Последние более 30 лет тому назад найдены на Волниге.

Из памятников старины на о-ве отметим две небольшие могилы: первая на северной окраине (против южного конца острова Орлового) имеет в окружности 70, через верх 24 шага, другая, поменьше, в южном конце; последняя обложена диким гранитом.

Справа от материка остров разделяет речье шириною при зимнем горизонте вод – от 80 до 100 саж., весеннем – от 120 до 140. Речье

---

¹ Многие из перечисленных находок нами переданы в свое время проф. В.Б. Антоновичу.

это, по местному чаще «ричка», почти на всем протяжении загромождено камнями и скалистыми островками. При весеннем разливе через эти преграды вода переваливается волнами с шумом и пеной, и в это время значительное протяжение речиса у северного конца острова представляет вид бушующего порога. В большую воду, по рассказам местных жителей, речисом проходят плоты. В 1886 году их прошло около 10-ти, в 1888 – еще более. Эту каменную гряду местные жители, без всякого придаточного имени называют прямо *порижок*. Ляссота и Боплан в этом месте отмечают 11 порог «Таволжанский» и «Таволжан»; в «Древней Российской гидрографии» 12-й Таволжанной (1680 г. «по сказке Запорожских Черкас»), в «Описании реки Днепра от м. Переволочного до Черного моря», составленном в 1697 году – 10 й порог Таволжный¹; Зуев, после «Будинского» порога говорит: «Далее плавание по реке уже можно считать безопасным, потому что если и есть где пороги, так как у острова Вильшанного, то они простираются не далее как от берега до сего острова, а по другую оную сторону чисто»². Лерберг, говоря о том, что между правым берегом и островом «русло реки наполнено скалами», не указывает здесь порога, а ошибочно представляет его у левого берега между островами Таволжаным и Перуном. Несомненно, за порог он принял здесь забору *Ревуна*.

При полном испаде вод в июле, августе через речисе свободно переходят на остров Таволжаный по камням и в брод. На протяжении речиса, в некоторых местах, остаются «ковбани» и «ямы», и здесь население Августиновки, Языковой и даже более далеких деревень – Широкой и Лукашевой, мочат лен и прядиво (пенька). Вода в эту пору цветет и загнивается, рыбадохнет, и чистый здоровый воздух побережья делается нестерпимо тяжелым и смрадным. Несмотря однако на то, что население любит днепровскую воду, что от порчи питьевой воды развиваются падежи и эпидемии, на это явление никто не обращает должного внимания³.

На правом берегу материка, против северного конца острова Таволжаного на довольно значительном пространстве серою массою разбросаны гранитные скалы. Со стороны дер. Языковой крестьяне указывают место бывшей некогда владельческой усадьбы, вспоминают о великолелии графского дома, о роскошном саде с озером, о росших

---

¹ Описание реки Днепра от м.Перевалочного до Черного моря / Сообщил И.Беляев // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т.III. – С.580.

² Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева... - С. 259.

³ Сведения записаны в 1890 году.

здесь «запорожских» дубах в обхват 4-х человек; с юга над речищем на всем его протяжении расположено село Августиновка-Смольща. Об острове Таволжаном записано нами три предания.

А.

Таволжаний острів супротив слободи Смольщі. Колись на йому жили запорожці, а тепер zostались одні ями, де були землянки¹. За панського уряду на острові був великий ліс и добрі сінокоси; було під інший год накосяємо добрых чотири, а то і п'ять скирд сіна; було на йому, на балці Довгій, і два озера рибних. Ліс вирубали німці, а як стало уже голо на острові, то одно озеро зовсім висохло, а друге осталося, тіко обміліло і риба вивелася.

Як був я молодим, тоді ще по балках багато людей жило запорозького звання. Жили такі діди, шо йому сто год і більше, а він ще чує, баче і рибу лове, а як під чаркою – то і потанцює.

Як збереться, було, два або три діда до купи, то тіко у їх і балачки, шо про старі вжитки; багато розказували і про клади. Один дід казав: «Найди, сину, на Товильжаному острові ліщину² - вона тіко одна і осталась, а під нею копай і найдеш восьмивідерне барило з золотом. Копать, каже, буде твердо, бо те місто затоптано кіньми». «Ви-б, - кажу, - діду, самі взяли, як би справді гроші були!» «Ні, каже, сину, мені не можна: вони закляті на мою голову. Було тут дванадцять козаків, а я тринадцятий жив у їх за кухаря. Як виходили вони в Польщу, гроші закопали і заклали на голови. Довго я ждав, а як почув, шо їм голови знято, пристав до другого товариства і грав конем³, аж поки Катерина не одняла рушниці і ратища.

Дед Михаил Антонович Кнырик, 92 л.

Слобода Языкова Екатеринославского уезда, 3 июня, 1886 г.

Б.

Острів Тавільжаний звуть ще Язиковим, бо він колись був пана Язикова. На острові от Дніпра, супротив другого острівка Перуна, шо під лівим боком, єсть піски: ми звемо *тирло*, бо там, як б'є муха (оводи) влітку, стоїть череда, на піску росте шелюг, а біля його десь запорожці положили клад в чотирьох козиних шкурах і заклали. Один лоцман став копать, та й осліп: врем'я не вийшло.

Дед Якуштенко, 65 л.

д. Августиновка Екатеринославского уезда, 18 июля, 1882 г.

---

¹ Виправлено автором з «зимлянки».

² Орешина.

³ Казаковал.

В.

Тут де Смольща і на Таволжаному острові жили все запорожці. Старі люди було розказують, що спрежду козаки жили не так як ми, а все хуторами. Роскіш була велика!... Таволжаний острів був дуже лісний, звіра, птиці плодилась нечислена сила! Ще за моєї пам'яті було як вийдеш в гущину, то так і полохаються пугачі. Страшна птиця! Вони плодились по скелях. Оце, було, як підлізеш до гнізда, він витріще очі і клаца ротом: от-от плигне межі-очі! Найбільше їх було на Перуні та на Таволжаному. На дубах плодилось багато орлів. Було як заглянеш в гніздо, – чого тіко там нема: і щуки, і головні, і оврахи, і качки. Так цілком і лежать про запас! Цих ще страшніше драть, ніж пугачів. Колись орел зробив чоловіка калікою. Зимою, в ожеледицю, обмерз він і сів на дуба. Чоловікові прийшлося іти побіля дуба. Орел хотів злетіть, та й упав. Той хотів взять. Шо ж ви думаєте? Орел як запустив йому кігті в стегна¹, – він там і сів. Прибігло чотири чоловіка, та і ті-б не отчепили, якби не догадались поодрізувать кігтів. Їй Богу правда! Орлів, кажуть, гріх драть. На Таволжаному ліс був кругом острова, а найбільший по балці Довгій; в цій балці, в лісі були і озера. Тепер в голові Таволжаного саме каміння, а до сорок п'ятого году і там був ліс, та ще яка здорова дубота! Їй Богу правда! А на середині – кущі глоду і груші, а між ними, щогоду родила така трава, шо було накосюємо шість-сім великих панських скирд сіна. А ракити тієї, зиноваті росло – страшенна сила! Перевелось! Тепер ціле літо і щогоду пасеться німецька череда та коні. От що!

Алексей Кононович Курта, 76 лет.
д. Августиновка (Смольща), 11 апреля 1890 г.

Остров *Белый* следует за Таволжаным на расстоянии версты по течению. Всем ближайшим побережным жителям он известен под настоящим именем; лоцманы-судопроводчики и старожилы деревень Языковой и Августиновки называют его *Орлиным*; на топографической карте генерального штаба острову дано название «*Орлиная Стрелица*». В атласе Пущина 1784 года и у Бухтеева² в списке островов по порядку за Таволжаным также следует Белый, за ним – *Капра*³, *Быстрик*. На плане Днепра Арапова между двумя оставленными без названий островами, положение которых можно

¹ Ляшки.

² Бухтеев М. Опыт статистического описания Новороссийского края А. Скальковского // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т. III. – С. 491.

³ Выправлено автором з «Капр».

принять за Белый и Капро, переименованные впоследствии *Аврамовым и Начетным*, стоит надпись «о. Быстрик». Надпись эту следует отнести к известной исстари заборе «Быстрик», лежащей не выше острова Капро (Аврамова), как ошибочно он означен на карте, а на ½ версты ниже последнего.

Остров Белый принадлежит землевладельцу Александровского уезда *Иваненко*. Длина его по Бухтееву 2/5, ширина 1/10 версты¹; по Эварницкому – 200 и 50 саж.². Точная длина острова в настоящее время, при летнем уровне вод, близко подходит к показанию Бухтеева и Эварницкого – именно 214 саж., ширина от 33 (середина) до 40 (голова) сажень. Наибольшая высота северной половины до 50 и южной до 35 футов. В 1845 году, по рассказам августиновских старожилов Винниченко и Курты, остров Белый покрыт был водою за исключением «макушки головы» (скалы). Площадь острова – 2 дес. 1242 саж.³ Остров Белый покрыт сыпучим песком и беден растительностью: кроме божьего дерева*, травы пидбинь, осоки, седума и немногих других поверхность его в разброску поросла наносным осокорняком (*Populus nigra*), лозой и шелюгой, а в апреле иногда встречаются во множестве сморчки.

Против о-ва Белого широкое обнаженное пространство левого берега покрыто песком. Местность тем интересна, что здесь, на каждом шагу попадаются живые следы стоянки древнего человека в виде кострищ, черепьев, горшков и амфор, осколков кремней, наконечников бронзовых стрел, зеленых бус и проч. Затем над одним из оврагов, выходящих к Днепру, против южного конца острова Белого там и сям виднеются песчаные, обложенные камнями, небольшие могильники. Около могильников попадаются обугленные кости, клыки диких кабанов и черепья.

На острове Белом стоял когда-то рыбачьим кошем запорожец *Байдужий*, передавший свое имя балке, тянущейся к Днепру с правого берега. Как о Байдужем так и о соседе его «галдовнике» Авраме нами записано следующее предание:

«Білим зведено острів стіко зазнаю. Може того таке йому прозвання, що⁴ на ньому пісок тіко і біліє. Чи росло коли на ньому велике дерево,

¹ Бухтеев М. Опыт статистического описания Новороссийского края А. Скальковского // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т. III. – С. 491.

² Эварницкий Д. И. Запорожье в останках старины и преданиях народа... - С. 192.

³ Экономич. план дачи Иваненко.

⁴ Выправлено автором з «то».

чи ні – не чув, а кущі лози росли і в старину як тепер. Це невеличкий острівко. Колись, кажуть, на ньому було становище запорожця Байдужого. Байдужий з молоду був гайдамака, а як зостарився – зробився сиднем і в балочці, що супротив острова¹ дожив віку. Байдужий розказував людям, як помирав його товариш Оврам, що жив біля нього в Оврамовій балці. Оврам був превеликий галдун, з молоду мав багато товариства, а на старість жив тіко з молодиком – бурлакою. Перед тим уже як йому помирать, звелів він бурлаці наварить три казани яловичини. Той зварив. «Тепер, - каже, - біжи, поклич Байдужого». Чи полінувався бурлака, чи так може чого, – не пішов. Умер той Оврам. Опівночі лежить той бурлака і кадить люлькою, а біля нього здоровий чорний собака. Чує, – коли той собака гр-р-р. Оце перестане, та уп'ять – гр-р-р., а шерсть на ньому так і найжачиться. Тоді бурлака гульк на мертвяка, коли той піднімається, піднімається... Собака до нього – і счепились... Той бурлака з хати та до Байдужого... Так і так, - каже діду, – Оврам умер і такий-то случай... Розказав. Прийшли вранці, дивляться - мертвий лежить, яловичина виїдена, собака розірвана і скрізь стопцьовано. – «Е, тут, - каже Байдужий, - добіса чортів вечеряло»... Викопали яму, поклали Оврама і забили в груди осиковий кілок.

*Тымиш Драган, 92 лет. д. Аврамовка, Ек. у.,
11 апреля 1890 г.*

Небольшой островок *Аврамов* с севера скалист, с юга вдоль реки бросает длинный, постепенно понижающийся узкий песчаный откос. При среднем половодье большая часть его скрывается под водой, хотя в старину, говорят, когда на нем росли деревья, он был гораздо выше. Кроме густой лозы и некоторых трав никакой другой растительности на нем мы не нашли. В 60 - 70-х годах, как передают лоцманы Денис Павловский и Омелько Визир, на нем росли одни «кучерявые» вербы.

Первый владелец деревни Аврамовки, к которой принадлежит и остров – был *Набадиев*, а после, долгое время, майор *Коростовцев*. Старожилы хотя не помнят этого владельца, но много передают о его жестокостях, а вместе и о его трагической кончине... В 1797 г. слобода Коростовцева носила название *Набадевой-Аврамовки*; в ней числилось в это время 89 муж. и 25 душ. женского пола крестьян². После Коростовцева, по рассказам стариков, именем владел

¹ С правого берега Днепра.

² Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии. Церкви и приходы прошедшего XVIII столетия. - Екатеринослав: Тип. Чаусского, 1880. - Вып. I. – С. 167, 168.

родственник его *Мальченко*, а за смертю – оно перешло *Пехотинскому*. В настоящее время земля продана б. ч. немцам, а крестьяне очутились при одной десятине «на ревизскую душу». Эта жалкая деревушка отличается от других соседних поразительной бедностью.

Приводимые ниже варианты преданий значительно дополняют наше исследование об острове Аврамовом и деревне Аврамовке.

А.

Острівок Оврамів або Нещотного під правим боком Дніпра, трохи нижче Оврамової балки. В балці, як я казав¹, жив запорожець Оврам, а на острівку він рибалив. Після Оврама прийшов з гетьманщини козак Нещотний і на острівку поставив шинок; в ньому все було товчуться литвинці з плотів. Це було літ сімдесят назад або й більше, поки пан Коростявець не закріпостив того козака Нещотного. Острівок не більше займа, як одну десятину. В голові його скеля, далі росте лоза, а прохвіст'я – пісок. Колись росли верби, та сплюндровано.

Трохи нижче Оврамового, серед Дніпра, острівок *Сторожевий*. На ньому колись збиралась запорозька сторожа; це ще було кажуть тоді, як турецька границя лежала по Дніпру. Ще наші діди подейкували, що на острівку єсть клад - гроші і оружје всяке. В сорок п'ятім годі (1845), за великої води одмило в піску два пістолі і кинжал. Тоді люди були панські і віддали панам. Оружје, кажуть, запорозьке. Як я зазнаю, – Сторожевий острівок був чималий, на ньому росли товстючі дуби, осокори високі, верби і всякий чагар. Як сунула в сорок п'ятому годі вода, – розмила і острів, повивертала і ліс з корінням. Такої великої води не було, та мабуть і не буде. І на цьому острівку в голові – скеля, а прихвист'я – пісок. Як буває весною середня вода – острівок видно, а як велика – затопляє увесь зі скелею.

*Дед Тимош Драган, 92-х лет,
дер. Аврамовка, Екатеринослав. у., 11 апреля 1890 г.*

В.

Наша слобода Оврамівка, а трохи вище на Дніпрі, під нашим таки берегом, – Оврамів острівок. І слободу і острівок прозвано по козакові Оврамові; колись був він запорозький сидень і жив ще трохи вище слободи і острівка, в балочці. Ця балочка – теж Оврамова.

Острівок, що серед Дніпра – то Сторожовий, стіко зазнаю. Він колись був довгий і широченький, і на ньому був ліс, було до пропасті

---

¹ См. предыдущую статью – Остров Белый.

звіра і птиці. Прозвище йому йде ще от запорожців, бо на ньому стояла козацька сторожа, щоб не було обіди від турка. В сорок п'ятому годі острів підрізала вода і повалила дерево. Після цієї води люди находили там шаблі, козацькі пістолі і ще шось – забув.

*дед Яков Ткаченко, 70 лет.
та же дер. Аврамовка, 2 июня 1886 г.*

Остров Сторожевой среди Днепра против дер. Аврамовки справа; с 50-х годов он носит еще название *Спорного*, по тяжбе владельцев Пехотинского – правой стороны и Иваненко – левой. Спор, однако, выиграл последний. Длина рва 170 саж., ширина от 15 до 20 - 30, высота до 40 футов. По плану дачи Иваненко съемки 1843 г, остров занимает 1 дес. 444 кв. саж. Меру эту, правда, нельзя принять за постоянную, так как Днепр ежегодно то урезывает, то снова раздвигает его песчаные берега и откосы. Почва песчаная; здесь кустится осокорняк, да кое-где по краям верба, лоза – вот и вся древесная растительность.

Под именем Сторожевого, остров встречаем на плане Днепра Арапова 1780 года. На этом плане он нанесен неверно, именно – ближе к правому берегу, тогда как настоящее положение его – середина реки. «Деревянная» краска указывает на принадлежность его к «Новороссийской» губернии. Под именем Сторожевого он значится также на современной топографической карте генерального штаба (Екатеринослав. губ., ряд XXVII, лист 13). *Д. И. Эварницкий* называет остров «Сторожев» (Запорожье, I, 192); *А.И. Егоров*, прилагая масштаб Араповского плана (Екатеринослав. губ. ведом. 1890 г., № 12), определяет длину острова до 1 ½ версты, при ширине, заметим от себя, по тому же масштабу – 139 саж. Из этого можно заключить, что сто лет тому назад остров Сторожевой был довольно значительный, что, впрочем, подтверждается рассказами старожил.

На плане Арапова против северного конца Сторожевого, у самого левого берега, отмечен островок «Песковатый». Теперь нет его, и из старожил никто не помнит. Само название, впрочем, говорит, что этот островок принадлежал к числу наносных. Такие песчаные островки в этой части реки, как и ниже Кичкаса, нередко то появляются, то исчезают, и у рыбаков носят название *кос* и *просередов*.

Острова Клобуковский и Лозоватый следуют один за другим у правого берега Днепра. Первый получил прозвище по имени запорожца Грицька Клобука, зарегистрированная в исповедных росписях Успенской церкви с. Андреевки (через Днепр, Алекс. у.) за 1782 год. На острове этом, говорит предание, было «осідлище запорожця Клобука».

Против северного конца Клобуковского острова – усадьба земле-

владелицы М.П. Алеевой*, ниже – деревня Игнатьевка, переименованная Ново-Александровкой.

92-х летний дед соседней дер. Аврамовки (Пехотинской) Тимош Драган, называет Клобуковский остров также *Дубовым* и *Виноградным*; в Игнатьевке же, благодаря тому, что коренные жители расселились по другим деревням, – новые поселенцы, купившие помещичью землю, называют его попросту *Великим*, в отличие от соседнего *Малого* (Лозоватаго). В атласе Арапова съемки 1780 года он значится – «о. Клобуков». На плане дачи владельца Гижицкого 1800 г. – *Виноградный*, по Бухтееву¹ – Клобуков, на карте генерального штаба – Клобуковский. А.И. Егоров, пользовавшийся масштабом плана Арапова, сравнивает его с предыдущим Сторожевым – длиной 1 1/2 версты, Бухтеев – длина 1 1/4, ширина 1/4 вер. По промеру, сделанному нами 22 февраля 1891 г., протяжение Клобукова – 420 саж., ширина – от 25 до 42 саж., высота – до 30 фут. От берега северная часть отстоит на 15, южная на 30 саж. Затем площадь острова, по сведениям Екатеринославского лесоохранительного комитета 6 дес.², по личному нашему измерению 6 д. 300 с.

Благодаря бережливому отношению владельцев, а затем надзору Лесоохран. комит., остров сохранил прекрасную растительность. Из древесных пород в преобладающем количестве растет дуб, затем черный тополь, вяз и в южной окраине частая лоза. Из исчезнувших растений старожилы вспоминают о винограде (диком) и хмеле.

Летом Клобуков остров любимое место рыбаков. Здесь, в тенистом лозняке ютятся курень, где их «пристанище» и «кош».

Живописная скала Загбея, упоминаемая в приводимом ниже рассказе Драгана, – с правого берега против усадьбы г-жи Алеевой с одной стороны, и северного конца острова Клобукова с другой. Ниже этой скалы, ниже острова Клобукова, устьем к Днепру вышла балка *Каблукова*, которая на плане Гижицкого за 1800 г. отмечена «Овр. Каблуков». Затем камни *Красулины* находятся справа от главного судового хода реки, при начале острова Клобукова. При переправе через пороги на плоту, каменный лоцман Денис Павловский против северного конца острова указал нам четыре камня, из которых один большой, и пояснил, что их остерегаются лоцманы при высоком уровне

---

¹ Бухтеев М. Опыт статистического описания Новороссийского края А. Скальковского // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т. III. – С. 491.

² Екатеринославские губернские ведомости. – 1890. - № 49.

Днепра. Не менее опасны, по его же словам, и лежащие против острова Лозоватого камни *Сковороды*.

Остров Лозоватый - под этим именем отмечен на карте генерального штаба, - на плане Арапова вовсе не значится; Бухтеев о нем не упоминает также, между тем, на плане дачи Гижицкого, межевания 1800 г. мы видим его на своем месте. Можно, впрочем, соглашаясь с Д.И. Эварницким, предположить, что Лозоватый в свое время составлял продолжение Клобукова¹. Длина острова 173, ширина 19 саж., вышина до 25 ф., площадь, по сведениям Екатеринославск. лесоохранит. комит., - 2 дес.², по нашему измерению 1 д. 887 с., от правого берега отстоит на 70 саж. На нем растут - дуб, осокор, верба, а затем роскошно окаймляет его зеленая лоза. Отсюда и название - *Лозоватый*.

По разделе Запорожских Вольностей, побережная земля с островами Клобуковым и Лозоватым дарована полковнику Ивану *Реку**. В 1784 году здесь была первая слобода Ивановка - 5 дворов, 10 душ жителей³. Затем вскоре земля перешла полковнику Игнатию Ивановичу *Гижицкому*, который переименовал Ивановку в Игнатьевку. В 1893 г. в последней числилось до 50 дворов поселян; в 1797 г. «коштом» Гижицкого устроена церковь во имя пророка Илии; населения в это время числилось 116 д. муж. и 109 женск. пола⁴. В 1800 году, при 5417 десят. земли, числилось 41 двор - 135 м. 153 ж. пола помещ. крестьян.

Из последних, после Гижицкого, владельцем Игнатьевки были, насколько помнят крестьяне, Бырдин и Алеев.

В окружности деревня известна под тремя названиями - Игнатьевка, Бердиновой и Ново-Александровки.

Из истории островов и ближайших урочищ нами записан следующий рассказ:

«Версти за півтори або дві нижче Оврамового и Сторожевого, під слободою Бердиковою, зеленіє острів *Дубовий*. Старі люди спрежуду ще звали його *Виноградним* і *Клубуківським*, бо тут колись ріс виноград і було осідлище запорожця *Клубука*. Далі, як добре кийком кинуть з Дубового, - менший, зелений острів, - *Лозоватий*.

На Дубовому жили, кажуть, запорозькі рибалки Каблук, Клубук, Красульки и Чепинога. Біля острова, від судового ходу єсть камінь, котрий лоцмани і тепер звать *Красульчиним*. Клубуковський острів

¹ Запорожье.

² Екатеринославские губернские ведомости. - 1890. - № 49. Назван Малым островом.

³ Русов А.А. Русские тракты... - С. 149.

⁴ Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии... - Вып. I. - С. 167, 168.

великий: буде на ньому десятин сім, або і всіх десять. Дубовим прозвано уже за панського уряду, як перевівся виноград.

Супротив острова, на березі, є урочище *Загбєєва скеля*, там жив запорожець Загбей, був багатий, галдовитий і до пропасти грошей закопав біля скали.

Нижче¹ Загбєєвої скали з берега потяглась в степ баличка *Каблуківська*; тут, кажуть, було осідлище козака Каблуки, бо по ньому іноді старі люди звали і острів – *Каблуківським*, або *Клубуківським*².

Лозоватий – це зовсім малий острів, гляди, чи буде і десятина; він низький і на ньому щогоду росте добра лоза.

*Дед Тимош Драган, 92-х лет,
дер. Аврамовка, Екат. у., 11 апреля 1890 г.*

Бобров или Рыбальский

Небольшой Рыбальский островок у левого берега Днепра, несколько выше большого острова Кухарского и против острова Виноградного, лежащего у правого берега. На плане Арапова 1780 г. он назван *Кучугурным*, как можно полагать по имени песчаного побережья *Кучугуры*, отличающегося неровностью (песчаные бугры, кучугуры); на плане дачи Иваненко – *Рыбальский*, на карте генерального штаба «о. *Орлиный*». Площадь острова по плану Иваненко, съемки 1843 г. – 2 дес. 2302 саж; затем длина его 260, наибольшая ширина 50 саж., высота над уровнем Днепра – от 25 до 35 фут. В голове скала, в прохвосте – длинный песчаный откос; почва на возвышенной поверхности супесчаная.

Растительность дуб, черный тополь, редко верба и часто лоза, окаймляющая остров. На этом острове нам нередко приходилось встречать «низовых» рыбаков из г. Александровска, подгородного села Вознесеньки и др., снимающих рыбную ловлю на откуп.

Предание

За запорожців, на цім острівку, кажуть, водились бобри, від того його спрєжду і прозвано *Бобровим*, як перевелись бобри і став острів становищем рибалок – таке йому і прозвище дано: *Рибальський*, то й *Рибальський*.

---

¹ Виправлено автором з «Низ».

² В исповедных росписях с. Андреевки, на левой стороне Днепра в числе прихожан 1782 г. встречали имена Михаила Федорова Каблука, Григория Семеновича Клубука, Андрия Чепыноги и Саввы Афанасьевича Красулька. В 1791 году последнему отмечено 76 лет. (Архив Покровского собора в Александровске).

На ньому кожного літа стоять рибалки кошем: там в курені і днюють и ночують, як той казав, – от льоду до льоду.

Дед Яков Рыбалка, 75 лет. Андреевка.

VII.

Следы первой по времени слободы Андреевки и усадьба Александрия. – с. Андреевка и ее живописная природа. – Владельцы. – Урочища и находки древностей. – История заселения села. – Церковь и ее старина. – Предания о кладах. – Ночлег на острове Лозоватом. – Воспоминания рыбака о старине

Еще в начале 1880 годов на песчаных кучугурах против острова Рыбальского, и далее по берегу Днепра к югу, заметны были следы первой по времен владельческой слободы Андреевки с церковью. Место последней нам указывали против северного конца острова Кухарева, где, на изрытой поверхности лежало несколько камней. Затем в версте от Днепра, под гору, живописно раскинулся лес *Круглик*¹, – место старинного владельческого сада с липовой аллеей. По уверению старожилов, *Круглик*² – урочище запорожское, где много сокрыто кладов. Рассказчик наш, старик Яков Рыбалка, всегда отзывался об нем как о загадочном таинственном кутке. Как-то в ночь против Великого дня он, в компании пяти охотников, пробовал подойти к месту клада, но попытка не увенчалась успехом. В то время, по его рассказам, когда на поверхности земли начали вспыхивать огоньки, какая-то неведомая сила отогнала охотников камнями.

В 1890-х годах, на берегу Днепра, близ скалы *Клубучки* и несколько выше пепелища первой слободы Андреевки возникла новая красивая помещичья усадьба А.А. Иваненко - Александрия. И в усадьбе, и в ближайшем *Круглике*³ заботливою рукою владельца разведен плодовый сад с большою площадью виноградника. Помимо этого, на прилегающих к Дакару песчаных равнинах сделана попытка разведения сосны и корзиночных лоз. А.А. Иваненко, обладая 9800 десят. земли принадлежит к крупным землевладельцам уезда, имение отличается благоустройством и в довершение всего хутор его соединен телефонной сетью.

Южнее, в 2-х верстах, расположено село Андреевка, где, над⁴ устьем балки Лишней, слева, и речищем Днепра утопает в зелени вторая

¹ Выправлено автором з «Круглив».

² Выправлено автором з «Круглив».

³ Выправлено автором з «Круглик».

⁴ Слово вставлене автором.

усадьба с домом и церковью М.А. Иваненко - старшего брата предшествовавшего. Счастливое местоположение занимает эта усадьба по живописному характеру местности! Тут как бы нарочито собралась во едино дикая, разнообразная природа с ее холмами, причудливыми скалами, тенистым лесом, шумящей рекой. Заслуживает внимания и балка Лишняя. Значительная часть ее покрыта лесом и кустарниками. В долине ее, обилующей ключами, образовалась реченка, окаймленная очеретом, а левый склон облесен молодыми, стройными соснами. Далее в степь широкий низ балки образует роскошную леваду. Здесь, при тучной почве и обилии влаги, хорошо культивируются огородные овощи. При выходе балки в Днепр вы встречаете вековые дубы, какие редки в обезлесенном поднепровьи, стройные тополи и много красивых лип.

Да, богаты окрестности Андреевки, но в каком убогом виде бросаются в глаза эти беленькие, то растянутые в линию, то в беспорядке упирающиеся в склон горы хатенки села!

Село Андреевка расположено над речischem Днепра, отделяющим большой остров Кухарев. Речище это в нескольких местах усеяно камнями, течение быстрое, вода шумит, бурлит и пенится, представляя картину порога в миниатюре. Село начинается вслед за помещицьею усадьбой и церковью, затем пересекают его балка *Сухенькая*, заканчивающаяся глубоким обрывистым оврагом *Еретычным*¹ и заключается балкой Крутенкой. Расположенное на крутом склоне горы, село тянется на протяжении 2 ½ - 3 верст. Лучшее положение занимает южная его половина; здесь, на более отлогой части, дворы расположены в порядке, есть огороды, садики; на остальной половине крестьянские хатенки слишком скучены, местами врезаются в крутизну горы, местами висят над обрывами.

История Андреевки. После падения Запорожской Сечи именно в 1777 году, «Полтавского Пикенерного полка полковник» Андрей Яковлевич *Леванидов* получил в ранговую дачу при Днепре 12000 дес. земли. В эту дачу входила половина Днепра с островами Перуном (часть), Белым, Бобровыми, Кухарским и, в речище небольшим Орловым. Затем в 1782 году приобретено такое же количество десятин земли от соседнего помещика генерал-майора Федора Матвеевича *Толстого* с деревней *Федоровкой*, занимавшей положение при устье речки и балки *Вильной* справа. В Федоровке в то время было уже 31 двор с поселением 70 д. мужск. и 52 женск. всего 122 д. об. пола крестьян, которые в следующем 1783 году выселены в Андреевку, основанную в то

---

¹ Исправлено автором с «Ерепенчая».

время выше по течению Днепра близ¹ балки Лишней, на песчаных кучугурах против острова Бобрового и близ урочища Круглика. Таким образом, уже в 1783 году Леванидов имел 24000 д. земли, 88 дворов, 274 муж., 199 ж. – всего 473 души крестьян. В первые годы хутор, а затем слобода Андреевка в народе носили название Леванидовки. В 1797 году находим далее архивную справку²: имение генерал-поручика и кавалера Андрея Яковлевича Леванидова полностью перешло во владение «господина Малороссийской губернии, повета Переяславского, титулярного советника (в других бумагах «Маршала») Моисея Михайловича *Иваненко*», а в следующем 1798 г. село переведено на левую сторону балки Лишней. Итак, Леванидовка по первому основателю, по его же имени Андреевка – с 1798 года и по настоящее время существует под именем Андреевки-Иваненковой³ на другом месте.

О начале Андреевки, небезынтересные сведения находим также в достойном труде епископа Феодосия.

«Андрей Яковлевич Леванидов и сам лично, и чрез уполномоченных агентов все силы напрягал к тому, чтобы поскорее осадить здесь слободу из семейного народа; но ничего не помогало: несмотря на все житейские удобства, на богатство и плодородность местности, народ избегал дикой и глухой пустыни. Только в Сентябре 1779 года сидевший тут издавна зимовником престарелый запорожец Остап *Велегура*, родич⁴ Леванидову, из Сорочинских и Кобелякских дач перевел сюда несколько семейств свободного народа, осадил им слободу Андреевку и для привлечения семейного народа в оседлости убедил Леванидова немедленно устроить в слободе церковь и пригласить священника. По настоянию Велегуры Леванидов, стоявший в то время с своим полком в Новоселице (Новомосковск), вблизи Самарского монастыря, в начале октября 1779 года, выслал в новоосажденную слободу Андреевку иеромонаха Самарского монастыря для совершения общественных молитвословий и исправления христианских треб в народе и начал заботиться о построении церкви⁵.

Затем далее Феодосий сообщает, что первая церковь Андреевки в честь Успения Божьей Матери, с приделом в честь апостола Андрея Первозванного, заложенная протопопом Тисаревским в 1781 году, в следующем 1782 году была окончена и им же освящена. Через 16 лет,

---

¹ Слово вставлено автором.

² Дела Покровского собора в г. Александровске.

³ Дела того же Собора.

⁴ Выправлено автором з «родня».

⁵ Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии... - Вып. II. – С. 260.

т.е. в 1798 году, новый владелец Иваненко велел перенести «обветшалую и песком засыпанную деревянную церковь на другое место и заново перестроить¹».

Перенос церкви, как мы уже сказали выше, относится ко времени переселения² Андреевки на версту южнее, – с правой стороны балки Лишней на левую, – нынешнее ее местоположение.

К слову заметим, что в 1889 - 90 годах, на месте старой Андреевской церкви, благодаря живому участию С.П., М.А. и А.А. Иваненко, сооружена новая двухпрестольная. От старой церкви остались: антиминс 1784 г. за подписью «Смиренного Никифора. Архиепископа Словенского и Херсонского»; предметы чистого серебра: крест напрестольный с подножием, весом 137 зол., даты 1783 г.; другой крест поменьше, кадило и венцы даты 1781 г. Из сосудов: 3 чаши³ с диском и звездицею того же года. Книги: большое евангелие (московское издание 1779 г.) в массивном серебряном окладе, на обратной стороне которого изображен всадник на коне – с датой 1781 г.; Апостол, изд. Киево-Печерской лавры 1759 г., также в серебряном окладе без даты. Из икон видное место иконостаса занимает древняя копия Богоматери с младенцем в ценной серебряной ризе⁴ с надписью «Истинное изображение чудотворного образа пресвятыя богоматери обретающагося во монастыре, которой именуетца *носомцом* взяли молдавской присланной от благочестивого императора Царгородского андрония полиолога князю аликсандрю господарю молдавскому в лето от сотворения мира 6907 от рождества христово 1399». Затем хранится не мало других, прекрасно выполненных на дереве икон, изъятых из иконостаса.

Все перечисленные предметы составляют ценное приношение первого основателя Андреевки и устроителя храма генерала-поручика Андрея Яковлевича Леванидова, оставившего по себе добрую, неизгладимую память в летописи церкви.

К сказанному припомним еще, что в 1888 году, при существовании старой церкви, на одной из дверей, ведущих в алтарь Успенского престола, была надпись:

«Сей святой храм освятится многим духовенством 1782 года Апреля.... дня. В слободе андреевки господина полковника и ковалера андрея яковлевича леванидова, зделанной со всеми ко оному принадлежащими его собственным коштом».

---

¹ Там же. – С. 264.

² Виправлено автором з «пересечения».

³ Виправлено автором з «ч.».

⁴ Виправлено автором з «ризы».

Затем вторая надпись на северных дверях Андреевского предела:

«Во славу святых единокровных и нераздельных Троицы создася сей святой храм в честь и славу святого апостола Андрея Первозванного. 1782 года Апреля....дня».

Подробному ознакомлению с церковью и ее стариной мы много обязаны молодому, симпатичному священнику, о. Георгию Беззабаве большому любителю и ценителю древностей.

При изучении той или иной местности, нам, на смену архива, всегда являлись деды, эти живые созерцатели прошлого.

В один из майских дней 1883 года экскурсируя по балке Лишней, встретили мы 75 летнего деда Якова Рыбалку.

Много преданий и легенд сложилось в народе о балке Лишней и лучшим, под час забавнейшим повествователем для нас был дед Рыбалка.

По его словам в Лишней «до Христова рождения» жили песоголовцы с одним оком, после их сменили велени-богатыри, затем турки и после их долго жили запорожцы. Тут был густой байрак (ліс), много было казацких землянок и «пропасть» зарыто кладов. Говорить о кладах, – это было излюбленная тема деда. По его сказаниям, клад есть «у панським¹ саду під² гілчастим дубом»; там же «під високою шовковицею», в Лишней «за панським током». О последнем кладе дед пояснил: «В тім місті яма і вона засунулась. Запорожці викопали погріб глибиною в чоловіка, поставили казан з грішми та й засунули землю. Над цими грішми щогоду двічі блищить огонь: проти нового году і Великодня. По словам деда, деньги ежегодно «обновляются через вогонь, перечищаються».

Сам дед не раз пробовал «копать клад».

«З молоду я був великий стрілець³. Тоді звіру, птиці видимо-невидимо було... Проти нового году пішло нас шість душ в Лишню, взяли с собою ружжя й лом. Думка була така: ломом гроші копать, а ружжя держать на всякий случай. Злюча була зима, мороз страшний!... Дійшли до ямки за панським током і поприсідали. На нас були іршані* штани, добрі чоботи, добрі з жіночих запасок онучі – не поміч - мерзнуть ноги. Ну, - кажу, - хлопці – ходімо в берестки, постоїмо там. Пішли... Стоїмо, топцюємось... Дивимось, коли в кущах блись, блись, блись!... Далі уп'ять – блись, блись огонь, – більше десятка раз!... Потім засвітилось, мов каганці. Шо за причина, – думаємо, – горить, ще й до

---

¹ Виправлено автором з «панском».

² Виправлено автором з «под».

³ Охотник.

нас наближається... Як гроші горять, так лущать і на однім місті, а це не те... Сказати би люди з свічками, так чого-ж би вони в таку добу забрались в балку? Хіба мертвяки?... Стоїмо, дивуємось і страх бере... Коли це зразу – плиг, плиг, плиг! Через рівчак та до нас!... Глядь, – аж два-надцять чоловік вовків!... Ми і померли... Почула бісова личина порох, та зразу – верть в бік – так і майнули тернами. От вам і клад на волосок от смерті!... Як би один – можна б стрілять, а то бач он стіко, – і маслачків не осталось би...».

В тот же день свел нас случай с другим 65-ти летним дедом Андреевки - Аврамом Халепою. Второй собеседник сообщил нам, что пересекающая село балка *Еретыча* получила название по имени какого-то запорожца еритика-галдовника. Этот галдовник одним часто бывал «в приводі», на других наводил ужас и делал чудеса. Он заговаривал ружья неприятеля, чтоб не стреляли, пули, чтобы не вредили, оборачивал людей в вовкулаков, песиголовцев, чертей и т. д. Ему вся «нечисть» повиновалась. Далее из рассказов деда узнали мы, что в балках Еретычей и Сухенькой в старину часто находили бронзовые наконечники стрел, длинные кремневые ножи, ручные каменные жернова, такие же молотки и др. вещи – несомненно, орудия каменного века. Находки эти терялись или, изредка, случайно, попадали в руки любителей старины.

Андреевка, с ее окрестными островами, оврагами и могилами представляет обильную почву для научных исследований. В 1880 - 90-х годах, в имении Иваненко нам не раз показывали найденные в окрестностях топор и молот каменного века, кремневые скребки, горшочки, добытые в могилах, кольчугу, две небольшие медные пушки, из коих одна на тачке с деревянными колесами, другая с железными. На обеих пушках – латинская монограмма Андрея Леванидова – А.Л. Кроме того, имеется интересная, красной глины амфора, найденная, говорят, в 1860-х годах в Благовещенском имении Иваненко, Мелитопольского уезда при обвале берегов р. Конки. Вышина амфоры 1 арш. 3 1/2 вершка, глубина 1 арш. 1 1/2 в., объем 1 арш. 13 в., две ручки – каждая дл. 1/4 арш., венчик горлышка немного выщерблен, ширина 1/4 арш., с боку – крестик; вес – ровно 39 фунтов. Таких амфор найдено две, из коих одна оставлена в благовещенском имении.

Как нам известно, часть этих вещей уцелела в бережливых руках М.А. и А.А. Иваненко и надо полагать теперь, в виду предстоящего в 1905 году XIII Археологического съезда в Екатеринославе, вещи эти сделаются достоянием нашего областного музея древностей, имени Поля*.

*Еще одно воспоминание об экскурсии
на острова в окрестностях Андреевки*

Август 1883 года. Солнце клонилось к вечеру. В это время небольшая компания сельских учителей собиралась совершить прогулку по Днепру, примкнули и мы к ней. Лодка, обогнув северный конец острова Кухарева, направилась через Днепр. Место реки предшествует порогу Лишнему, здесь и там показались верхушки подводных скал. С юга шумел порог. Чрез четверть часа мы причалили к описанному нами небольшому острову Лозоватому, справа у деревни Игнатьевки. Весь остров окаймлен зеленым лозняком, порос осиною; северная часть скалиста. Остров оказался обитаемым. Здесь, над крутизной берега в тени лоз, вырос пред нами курень, а около таганка благодуществовал седой рыбак.

- Здорово, деду!
- Здорові були!
- Что, позвольте около вас расположиться?
- Милости просим!

Выбрали местечко, расположились. Кто хлопотал около самовара, кто около костра, кто беспечно напевал «Бьют¹ пороги». Хлебосольный дед достал из «санета» коропа и с разными приправами сварил² такую вкусную, душистую уху, такую кашу, каких не сварят вам ни в одной из лучших поварских!

Мы отправились в курень.

- Что, диду, вы одни здесь и казакуете?
- Ні, вдвох: – товариш поплив десь навідатися у слободу.
- А ловите чем?
- Ловимо сітками, та толку мало.
- Что ж, время такое подскочило или год?
- Годи такі – не ловиться от льоду до льоду. Колись було чи сітку закинеш, чи ятір поставиш, – так сама й налізе, а тепер, Бог³ його зна, чи риба розумна стала, чи її мало, а нас багато.... Воно так і звір, і птиця – як охотників намножилось, так і перевелось все.
- А должно быть, диду, было зверей да птицы много здесь когда-то?
- Багато було за нашої пам'яті, а ще більше за наших дідів. Тут жили запорожці, степи були вольні, слободи де-не-де. Старі люди колись було розказують, що як вийдеш до Дніпра, як глянеш на коси, так і чорніє і біліє птиця. А як пужнеш з рушниці, так похмарніє⁴ від неї, що

---

¹ Исправлено автором з «быть».

² Слово вставлене автором.

³ Исправлено автором з «бог».

⁴ Потемнеет.

й світу божого не видно. А крику того було на косах! І журавлі кричать, і чапля, і чайка, і качка, і кулик, і крячка. А огарів було, а лебедів – видимо-невидимо! А звірю того! Оцих ховрашків тоді не було, а що вовків, що лисиць, що зайців, бабаків, кіз диких – страшно і подумати.

– А куда же девались эти байбаки (сурки), козы?

– Кіз охотники вивели, а бабаки змандрували. Замісто бабаків набігли до нас оврахи.

– Откуда же они появились, и как давно?

– Ішли вони з заходу сонця, і йшла їх така сила, що нігде було и вом проїхать. Дійшли до Дніпра, та¹ так і сунули на той бік. Це було або в сорок третім, або в сорок восьмому годі – забув.

– А диких коней, диду, тут не было?

– Були і коні, були і свині дикі. Це ще за запорожців. Коні ходили по бур'янах табунами; оце було як порозходяться по кущах, то жеребець вибіжить на могилку, та як зарже, як свисне до їх – вони так до купки и сбіжаться.

– А большого росту были эти кони?

– Ні, невеличкі. Так сказати вам, як не збрехати, – як наше лоша – двухлітне². На масть сіренькі, а спинка мышаста.

VIII.

Острова Орловый и Кухарский. – Предания об острове Кухарском. Его урочища. - Воспоминание о населявших остров запорожцах. – Клады. – Скала с надписью 1786 г. - Острова Муравный, Гавиный и Лантухивский. - Растительность. - Предания. – История сельца Виноградовки справа и первые его владельцы. - Порог Гадючий (Вильный)

Против с. Андреевки на Днепре группируются острова Орлов, Кухарский, Муравый и Гавин, все они принадлежат к даче Иваненко.

Местоположение острова Орлова – речине между левым берегом материка и большим островом Кухарским. На всем протяжении по берегу растянулось с. Андреевка с усадьбой владельца. Под настоящим именем остров известен только старожилам, да на плане дачи г-на Иваненко съемки 1843 года; на плане генерального штаба он нанесен без названия; население Андреевки называет его просто – «маленький острівок».

Северная часть его скалистая, остальная песчаная, с крутыми¹ по обеим сторонам берегами. Длина – 202, ширина – 60 саж.; высота ров-

---

¹ Виправлено автором з «то».

² Виправлено автором з «двохлитове».

ной площади – свыше 20 футов. По плану владельца остров занимает 3 д. 1082 кв. саж. На нем уцелело несколько дубов, встречается вяз, татарский клен, крушина, верба, шелюг и по склонам берега – лоза. В апреле и мае остров густо покрыт белыми цветами ромашки.

Остров, по рассказам 70 летнего деда Марка Музыка, назван по имени рыбака Орла, стоявшего здесь кошем чуть не во время Екатерины. Просматривая исповеденные росписи Андреевской церкви за 1783, 84 и последующие годы, мы встречаем в них поселянина Василия Орла с 3-мя сыновьями. «Орлы, – пояснил нам старик² Музыка, – и теперь не перевелись в нашей слободе и живут против Остривка».

Ляссота, Боплан о Кухарском острове не говорят; в «Описании р. Днепра от м. Переволочного до Чорного моря» (1667 г.), вслед за Товолжаным упомянут³ «14-й остров Великий, Личный» (Зап. Од. Общ. истор. и др. III, 580). Думаем не ошибемся, если скажем, что под этими именами кроется нынешний Кухарсий остров, лежащий, с одной стороны, против устья балки *Лишней*, с другой – у *Лишнего* порога. В атласе вице-адм. Пущина (1784 г.), в «Исследованиях» Лерберга, «Очерках» Чужбинского – остров назван по народному произношению *Кухарским*; у Бухтеева, Павловича, Эварницкого, на планах Иваненко и Генерального Штаба – *Кухарев*, на плане Арапова – *Кухарской*. Различную также встречаем и величину острова. Так А.И. Егоров по плану Арапова определяет длину до 2½, ширину до ½ версты. («Екатер. Губ. Вед.» 1890 г. № 12). При длине сравнительно верной, ширина далеко рознится от действительной, главным образом потому, что Арапов нанес его неверно – у него остров продолговат и узок, тогда как в натуре он представляет форму груши. У других авторов и на планах величина определена в следующих цифрах:

У Бухтеева дл. 2 версты, ширина 1 1/5 в.

У Лерберга около 1

У Эварницкого 1 1/2

На карте Ген. штаба 2 1/2 версты, ширина около 1 1/2 в. «плане Иваненко 2 1/2 в. ширина около 1 в. 260 с.

Площадь Кухарского – по измерению в 1833 году – 215 д. 248 саж.; затем высота – до 100 футов.

Более каменистая часть острова, как и везде – голова скалы, камни – это главные устои от напора вод; затем встречаются камни и небольшие скалы на возвышенной середине его, на берегу от порога Лишнего

---

¹ Исправлено автором з «круглыми».

² Исправлено автором з «сторож».

³ Исправлено автором з «упомянутым».

и др. местах. Вообще площадь острова представляет частые неровности - попадаются балочки, бугры, малые и обширные ямы – следы давнишнего обиталища человека, кое-где окопы. Благодаря разумной экономии целого поколения владельцев Иваненко, здесь хорошо уцелел лес преобладающей твердой породы (дуб, вязь, клен и др.). Лесом окаймлен весь остров, лес в разброску и группами занимает середину его. Почва местами песчаный чернозем и супесок. На открытых полянах роскошно растет, волнуется трава попеременно с степным ковылем и при дождливой весне дает богатые сенокосы. Осенью здесь также лучшее пастбище. Если бы мы коснулись флоры острова Кухарского в подробностях, нам пришлось бы повторить перечень растений острова Хортицы; поэтому интересующимся укажем на часть нашего материала в труде профессора А.Н. Бекетова «о Екатеринославской флоре» – (СПб. 1886 г.). Правда на Кухарском мы можем отметить только одно из ранних растений (март) – *Просерень*¹ (*Crocus reticulatus* M a bieb), во множестве покрывающее середину его; на Хортице и в окрестностях села Андреевки этого растения мы не встречаем. Затем в апреле и мае, не везде в поднепровьи встретите такую массу душистых ландышей (*Convallaris majalis*), как на Кухарском. Из зверей встречаются степной суслик, ежи, хорьки, лисицы, зайцы; в старину же, по рассказам дедов, водились сугаки, дикие козы и много других. Из птиц наша фауна лишилась тетеревей, огарей, бакланов; последние, правда, изредка встречаются на порогах, избирая места, менее доступные человеку.

Об острове сохранилось много преданий; приведем наиболее интересные из них.

А.

На цьому острові, як і на Хортицькому, жило, кажуть, стіко запорожців, що аж земля стогнала. Як зігнала їх Катерина на Кубань, то на ньому zostались одні старі діди, – козацькі рибалки. Старі люди колись було споминають запорожців Качкарю, Бабака, Венгеря, Майбороду і багато деяких, що доживали віку на Кухарськім. Качкаря жив в лощині, що від Гавиноного острова, від того урочище і зветься *Качкарино*. У діда, кажуть, багато було худоби всякої і бджоли; кышло, де була хата і тепер знать. Козак Паламарь жив супротив балки Лишньої – і урочище звемо *Паламареве*. Річище, що тече поміж островом і слободою за запорожців звалось *Явтух-річка*. Воно було мале і кажуть влітку козаки переганяли табуни і скот прямо в брід. Потім, якоїсь великої води, розмило його, став глиб великий і скрізь бистря, та забори.

---

¹ Виправлено автором з «Прострен».

Після запорожців багато степу і острова, стіко тут єсть по сей бік, – одрізано Леванидові. Леванидов служив у¹ військові и збирав пікінерів у свій полк. Як почав селить слободу, вистроїв церковку на Кучугурах, біля Круглика, і давай тоді йти до нього люди відо всюди. Він було каже: «Коли не хочете, щоб силою брали вас в пікінери – ідіть селіться в моїй слободі - тут буде вам вільно».

Поки гладив за шерстю – йшли до нього і запорозькі сіроми і рибалки, а як повернув проти шерсті, як об'явив їх панськими, – давай вони тягу куди хто попав. Леванидов був може і добрий пан, тіко сам не жив тут, а все управителі та приказчіки хазяйнували. Дуже, кажуть, приганяли до роботи і катували людей. Оце шо єсть забора через річище на Кухарський острів, – це, кажуть, все люди носили каміння руками. Про давнє врем'я панщини розказували колись діди: «Поведуть, було, - кажуть, - людей під різки - як піднімуть плач, та голос – так аж собаки виють». Били різками і за моєї пам'яті, та слава Богу і Цареві, що це минулось...

Петро Баштанник, 83 лет.

Андреевка, Александр. у., 10 января 1885 г.

Б.

На Кухарськім острові жили запорожці і там багато сховано кладів. Сам я не бачив, а розказував колись старий чоловік: «Іду, каже, з рибальства через острів, – а діло було значить вночі, против нового году, – іду, каже, коли в однім місті свічечка блись, блись! В другім – блись, блись! Потім, каже, як залущать ті свічечки скрізь... Я, каже, злякався, та хрестюсь». Ото, кажу, як би на чие щастя, то і взяв би гроші! Ви знаєте урочище Качкарене? Там колись жив запорожець Качкаря. Поки був молодим, – бігав частенько драть ляхів, мав грошви до пропасти і держав бурлашню; як зостарівсь – остався як палець, його, кажуть, гроші єсть не в однім місті.

Як був ще я погоничем, то всяк звав цей острів Кухарським, а тепер, гляди чи найдеться в слободі п'ять чоловік, щоб так звали - *Великий* острів, – та й тіко... А від чого, ви думаєте прикладено йому прозвище Кухарський? Тут, - покійні діди наші розказували, – побіля рибалок жили запорозькі кухарі, бо кажуть як звідсіль зігнали турка, було тут велике запорозьке становище. Колись на острові і по степу росла трава та комиш в чоловіка заввишки, і коней пасуть було всю зиму. А шо рибі тії було, звіра!...

Впоперек річища, супротив хати Музичиної, попової, від берега, та аж на Кухарський острів лежить самий камінь. Кажуть ще за Левани-

---

¹ Виправлено автором з «и».

дова каміння наносили солдати. Він був якимсь начальником над пікінерами, держав в економії багато солдат і вони носили те каміння с панськими людьми в Дніпро, щоб то по сухому можна було возить сіно з острова. Тут колись стояли і млини водяні. Інші рибалки тепер витягають поміж камінням дубові стовби. Чи гребля вона була, чи Бог його зна що, тіко дуби ті чорні і міцні як креміль. Це мабуть ще Леванідівська памнять, бо за Іваненків тут нічого не було.

На Кухарському, від Дніпра, трохи нижче порога Лишнього і не далеко від канави, – єсть камінь, а на ньому підпись; тіко її ніхто не розбере. Може, кажу і там клад...

*Дед Яков Рыбалка, 75 л.
Андреевка, 1 мая 1886 г.*

В первом варианте рассказчик припоминает имена запорожцев, скитавшихся на острове Кухарском. Имея возможность проверить слова предания по исповедным росписям, мы, в числе прихожан Андреевки, находим следующих лиц:

1. *Качкаря* Онисим Спиридонов упоминается в росписи с начала заведения ее – с 1782 по 1797 год, в последнем году ему значится 65 лет. В первые два года он прописан одиночкой; затем с 1785 года «в товаристве» Лукьяна Семенова *Лукьяновского* - 54-х и Ивана Савина *Мамоны* - 72 лет; в 1790 – в товаристве Петра Моисеева *Бабака* - 59 лет, упоминаемого в предании; с 1793 года в товаристве Ивана *Балашева* - 70 лет и *Бабака* показан «соседом» Ивана *Канивского*; в 1796 в товаристве братьев Усатых – Кузьмы - 78 лет и Мартина - 60 лет; соседями семьи Григория *Кибца* и, наконец, в последнем 1797 г. – один Кочкаря сосед¹ - Григорий *Рыжий*. 2) *Венгер* Михаил Онфиногенов с 1788 по 1796 год, 78 лет, – в товаристве *Попки* Ивана - 59 л., *Чепеля* Данила - 62 лет и др. 3) *Майборода* Федор Семенов, 68 лет, женатый: упомянут в росписи 1788 г. в числе поселян Андреевки.

Помянутого в рассказе *Панамаря* в росписях нет. Кроме того, из старых бессемейных людей Андреевки в росписях упоминается: *Швец* Григорий, 65 л., *Прилипка* Клим - 78, *Сагайдачный* Петр Федоров - 66 (при нем два 15-ти летних работника), *Попка* Григорий - 59 и *Заволока* Михайло - 56 лет.

У запорожцев принято было многим поступающим в «товариство» давать свои прозвища; прозвища эти переходили в регистрацию и потому в числе старых людей Андреевского прихода попадают довольно характерные фамилии. Приведем некоторые, быть может грамот-

---

¹ Исправлено автором з «Кочкарь-сосед».

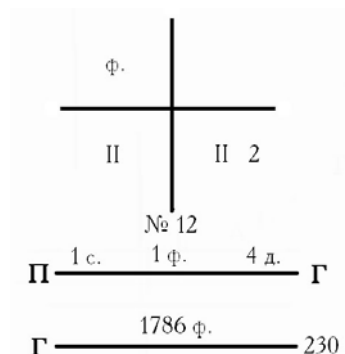
ные потомки села и ближайших деревень правого берега Днепра в числе их найдут своих предков.

Кошевой Петро, *Хоруженко* Онисько, *Музыка* Моисей, *Гаркуша* Семен, *Мамай* Влас, *Танцюра* Мыкита, *Красуля* Савка, *Кравчина* Роман, *Клубук* Григорий, *Бурлай* Григорий, *Орел* Василий, *Ус* Иван, *Очеретяный* Степан, *Рыбалка* Моисей, *Баштанник* Степан, *Чепинога* Андрей, *Каблук* Михайло.

Во втором варианте рассказчик передает, что первый владелец Андреевки Леванидов пользовался услугами солдат по имению. В росписи 1790 года под заголовком «рядовые солдаты» отмечено 10 душ.

Далее из росписей не видно, чтобы сам Леванидов в течение 20-ти летнего владения жил в Андреевке, но имением управляли военные чины. С 1785 - 1790 год «управитель» поручик Матвей Иванов *Трифонов* (99 л.); 1791 - 1792 – премьер-майор Иосиф Трофимович *Трофимов* (61 г.); 1793 и 94 – адъютант Стефан Федорович *Война* (30 л.) и в 1795 г. секунд-майор Григорий Андреев *Петров* - 32 лет*.

Что касается надписи на камне у порога Лишнего, о которой упоминает второй рассказчик, то начертание ее представляется в таком виде:

Как можно предположить, этими знаками изображены – дата измерения фарватера Днепра (11 месяца, 11 дня = 11 ноября), означение порога под № 12, с показанием глубины в судоходной части (1 саж. 1 фут. 4 дюйм.) Знаков «П...Г, после 1786 года Ф и Г – 230» объяснить не беремся. Во всяком случае, 1786 год совпадает со временем подробного исследования Днепра по поручению Потемкина вице-адмиралом Пуциным и составлением атласа реки от Киева до Херсона. Описание атласа Днепра Пуцина вышло в интересном труде А.А. *Русова* «Русские тракты и данные о Днепре*» стр. 121 - 150.

Ближе к южному концу Кухарского реку пересекает порог *Лишний*, а у самого берега этого острова – канал. Затем тут же, в порожиистой части среди Днепра, небольшой скалистый, с песчаным откосом островок *Муравный*. О происхождении названия население не знает; на плане дачи Сидельского за 1806 год назван *Лишним*, по имени порога, у лоцманов нередко – *Чертова Голова*. По данным землевладельца Иваненко, межевания 1843 года, он занимал 1650 саж., в настоящее время (1 июля 1904 г.) при длине в 300 шагов и ширине от 62 до 70 шагов – площадь сократилась до 530 кв. саж. При летнем уровне реки скалистая *голова* его возвышается на 35 - 37 футов. Растительность на скалистой части – тощий осокорняк, шелюг, на песчаной – лозняк и верболоз.

Выпадают годы, говорят старики, когда Муравный и Лантухивский совершенно соединяются между собою песчаной косой, образуя т. о. один длинный остров.

По преданиям, скала Муравного, отстоящая в 100 саженьях от Лантухивского, послужила началом образования последнего. «Это, - говорят, - хвост Муравного». В истории образования песчаных Днепровских островов – вещь правдоподобная, но, судя по давности острова и его растительности, образование это, надо полагать, совершалось веками.

Справа, против песчаного откоса острова Муравного, на реке лежит камень Седой, слева, несколько сзади – камень Копычуватый. Муравный, с окружающими его камнями, служит постоянным пристанищем для рыбаков с удочками. Затем осенью здесь нередко усаживаются целые стаи перелетных птиц.

Вслед за Кухарским, у левого берега Днепра, в конце слободы Андреевки, следует живописный остров *Гавыный*. Название острова с разными изменениями мы встречаем в печатных источниках конца прошлого и начала настоящего века. Так, на плане р. Днепра вице-адмирала Пущина за 1784 - 86 г. он значится *Гавенной*¹, у Лерберга – *Говенной*², у Бухтеева – *Гавань*³; затем у Афанасьева-Чужбинского⁴, Эварницкого⁵, на плане дачи Иваненко – *Гавин*. В произношении ма-

---

¹ Русов А.А. Русские тракты... - С. 132.

² Лерберг А. Исследование, служащее к объяснению древней русской истории. – СПб., 1819. - С. 276.

³ Бухтеев М. Опыт статистического описания Новороссийского края А. Скальковского // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т. III. – С. 491.

⁴ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. – СПб., 1861. – Часть 1. – С. 120.

⁵ Эварницкий Д.И. Запорожье в останках старины и преданиях народа... - С. 193.

лороссов, метко охарактеризовавших название острова, слышите – *Гавыный*, еще правильное Гавыный, служащий обиталищем для гав (ворон) в массовом количестве.

Величина острова представлена так. У Лерберга длина 1 вер., ширина 100 саж., у Бухтеева и Эварницкого 1 1/2 и 1/5, на плане Иваненко, при длине 1 вер. 40 саж. ширина северной части до 154, южной и средней – от 50, 60 до 100 саж.

Вышина гряд его при осеннем горизонте вод 30 - 45 футов; затем вся площадь его, по плану владения Иваненко, занимает 27 дес. 2270 кв. саж.

Передняя, лежащая против течения часть острова усеяна камнями. При весеннем разливе Днепра часть *головы* острова отрезывает узкий пролив, на языке рыбаков – *потяг*. В 1845 году, по рассказам старожилов, большая часть острова была покрыта водою и в это время крестьянами переловлены все дикие козы и зайцы. Сорок пятый год, как передают старожилы, был последним годом существования диких коз на островах Гавином и соседнем Лантухивском.

Состав почвы. На склонах – песок и супесок, на возвышенной лесной гряде – прекрасный чернозем, образовавшийся из листовенного перегноя. Гавыный – один из наиболее красивых и лучших тенистых островов владения Иваненко. Тут вы встретите многолетние, стройные деревья дуба, черного и белого тополя, а также вяз, берест, вербу. Из кустарных, местами представляющих непролазную чащу - терновник, черноклен, крушину, бересклет, а по открытым склонам берега – лозу и шелюг. Дикий, обхватывающий чуть не до вершины высокие деревья виноград и хмель мы встречали в изобилии.

Но странное превращение испытывает дубовый лес в Поднепровьи. В первых - средних числах апреля вы видите его зеленую листву, любуетесь скромными сережками цветов. Через несколько дней зелень редет, лес становится прозрачным и снова принимает обнаженный, зимний вид. Такую роль в судьбе дуба играют гусеницы, бабочки из разряда чешуекрылых *походного листовенника, странствующего или дубового шелкопряда* (*Cnethocampa processinca*¹), одна самка которого кладет от 150 до 200 яиц, дает столько же гусениц. Гусеницы походного листовенника, этого злейшего врага леса, как мы заметили, набрасываются также на листья татарского клена, бересклета, крушины и др. древесных пород и, окончив опустошение в одном месте, быстро переползают в другое. Иногда эти щетинистые гусеницы, покрывая массовым движением огромные участки, наводят ужас на соседние владения. Нам не раз случалось проводить ночи на лесных островах, прихо-

---

¹ Исправлено автором з «processonca».

дилось вслушиваться в адскую работу червя, в этот тихий, но неумолкаемый шум, треск и шелест. В это время сухие листья, трава, дол – все чернеет, покрываясь слоем извержений. В истреблении гусениц лучшую услугу человеку оказывают птицы; но на гусениц дубового шелкопряда и в этой массе друзей не найдете охотников. Правда, в желудке кукушки попадаются эти остистые личинки; говорят, что ими не брезгают и летучие мыши, но тех и других у нас мало и, следовательно, заметного влияния на уменьшение их они оказать не могут.

Второе появление листьев на дубе наблюдается с 10 - 15 мая.

На Гавыном острове также не мало ландышей и затем из трав свойственных лесной и плавенной флоре Поднепровья обильно и в роскошных экземплярах растут будра, авран аптечный, живокость, филонник, бабычник, пидбиль, мыльная трава, материнка, божье дерево, трехцветная фиалка, желтый тюльпан и др. Многие из перечисленных трав имеют применения в народной медицине, ими пользуют знахарки и повитухи.

Начиная с апреля, в продолжение всего лета, на острове увидите представителей чуть не всех птиц нашей фауны. В особенности здесь много соловьев, которые появляются чаще после 10 апреля. Много иволг, скворцов, удонов, кукушек и др., зато мало даже таких зверей, как заяц, лисица.

В мае, при значительном поднятии воды, плоты держатся правого берега и, минуя порог *Лишний*, идут речischem между островом Лантухивским и деревней Привольной (Чернявского). С 1 июня же, и в продолжение всего лета, плоты часто останавливаются на островах Кухарском и Гавыном. На первом, подходя к порогу Лишнему, главная стоянка их в северной половине, на последнем – причаливают ближе к песчаному прохвостью его. Остановки эти являются б. ч. временно, в случай неблагоприятной погоды, крушения и повреждения снастей в пути. Главный ход реки – между островами Гавыным и Лантухивским.

Прошедшая история острова Гавыного коротка. После раздела запорожских вольностей в 1777 году он достался генерал-майору и кавалеру Федору Матвеевичу *Толстому**, в 1782 году, вместе с степной землей перешел бригадиру, впоследствии генерал-поручику Андрею Яковлевичу *Леванидову* и затем в 1797 – маршалу Моисею Михайловичу *Иваненко**.

Гавиний

Запорожці прозвали острів Гавиним, і ми зємо так. На ньому ліс, багато гавиних гнізд, а від того він і Гавиний. Так колись люди старі казали, так оце і я вам кажу. Весною, як налуплять гавинят, – тіко і чуєш шо гаа! гаа! гаа! Під негоду не вгамуються і вночі.

Густішого і кращого лісу нема, як на Гавиному. Колись на ньому було багато винограду, хмелю; може найшов би і тепер, та мало. А звіра було тут!.. Найбільше диких кіз. Були вони ще і за моєї пам'яті а за батьківської, дідової – так і казати нічого. Було покійні розказують, що влітку, як витане вода, то вони так і плавають то з Лантухівського острова на Гавиний, то з Гавиного туди. Пливуть, було, тіко ріжки маячать, а як багато їх, – показується мов наче вода несе гілчастого дуба. А шо¹ за дика звірюка! Було ніколи не зійдеш, хіба побачиш здалека.

Шо ж, – привол'є було велике!.. Запорожці хоч і жили тут, вони, кажуть, не дуже ганялись за звіром - риби доволі, качок теж. Ще я знаю, було як глянеш на просередь, – стіко того лебедя, журавля, гусей, качок – як та отара так і вкриють косу!.. Після запорожців багато звалувало звіра, багато перевелось його і за моєї пам'яті.

До великої води в сорок п'ятому годі були ще кози, а після того щось не в замітку. Покійний дід було як почне розказувати про козацькі вжитки, та про ліс, – стіко його було тут по балках, то зараз і пісню згада.

Ой не пугай, пугаченьку,
В зеленому байраченьку!
Гей, ой як мені не пугати
Нігде-ж мені прожити:
Ой де були темні балки,
Тепер стоять там рибалки...

Вона довга, тіко тепер не звезду – забув. В цій пісні говориться про² ліс, шо люди попереводили, ніде і птиці знести.

*Дед Марко Иванович Музыка-Артемченко, 63 лет,
с. Андреевка.*

Параллельно Гавиному, у правого берега Днепра такой же большой остров *Лантухивский*.

У запорожских казаков в исходе XVII века и позже остров назывался *Дубовым*; об этом находим в «Описании р. Днепра от м. Переволочного до Черного моря» составленном в 1697 году. «16-й остров Дубовый, над Вольным», т. е. над порогом Вольным³; подтверждает это и другой, более поздний документ – план надворного советника Каховского генерального межевания 1800 года, где читаем: «ост-

---

¹ Виправлено автором з «то».

² Виправлено автором з «и».

³ Описание реки Днепра от м.Перевалочного до Черного моря / Сообщил И.Беляев // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т.III. – С.580.

ров (*Дубовый*) *Лантухов*». Затем на плане Арапова 1780 г., в атласе вице-адмирала Пушина – 1784 - 86 г., у Лерберга, Бухтеева – *Лантухов*; в «Очерках Днепра» Афанасьева-Чужбинского – *Лантуховский*, в «Запорожье» Эварницкого – *Лантуховский*; на топографической карте генерального штаба – *Виноградный*; у местных жителей *Лантуховский*, *Лачиновский* и *Немецкий*. Правда, сколько мы не осведомлялись у лоцманов, старых рыбаков и левобережных жителей с. Андреевки все они считают за ним первое название (*Лантуховский*), последние же – *Лачиновский* и *Немецкий* услышите только в д.д. правого берега – Привольной¹ и Игнатьевке. При наличии данных, какими мы пользовались, можно допустить, что остров, в отдаленную старину существовавший под именем *Дубового*, принял название *Лантуховского* в прошлом столетии и жил у казаков под тем и другим именем. Не связано ли по какому либо случаю название этого острова с именем известного куренного атамана, войскового старшины и впоследствии кошевого, носившего у запорожцев прозвище *Лантуха* (Григорий *Федоров* – 1730 - 1760 годы)? Некоторый намек на это дает нам предание.

Величина острова:

У Бухтеева	длина 2 1/4 верш.,	ширина 1/3 в. (166 с.)
У Эварницкого	2 1/4	1/6 (83 с.)
У Егорова по плану Арапова	2 1/2	не обозначено
У Каховского по площади дачи	2 1/2	135 саж.
Лерберга	3	150
По карте генерал. штаба	3	более 200 саж.

В настоящее время, при полном испаде вод, последнюю меру можно принять за самую действительную. Кстати, поясним, что северная половина несколько шире южной.

Вышина острова при летнем горизонте вод от 20 до 40 футов. При наводнении в 1845 году, по рассказам старожил, большая часть его была затоплена; затем в 1877 году, когда вода на 1 арш. 6 вершков была ниже 1845 г., также немного оставалось сухих гряд.

Площадь острова по плану Каховского 1800 год – 57 десят.; по сведениям последнего владельца Генрихса (1890 г.) – столько же, но с присоединением песчаных кос в конце лета – до 62 десятин; 1/2 площади его с севера покрыта лесом, причем преобладает дуб, большею частью среднего возраста. Название *Виноградного* вполне оправдывается: в средней части

¹ Исправлено автором з «Привольный».

острова чуть не каждое дерево, каждый куст обвиты плетями¹ и затенены² зеленой листвой винограда. Хмель также в немалом количестве является здесь как бы спутником винограда. Из старых деревьев попадаются прекрасные стройные дубы и затем тополь, в особенности белый.

Как на особенность острова, укажем здесь частые случаи повреждения деревьев грозою, чего не наблюдали мы ни в ближайшей, справа, лесной балке Вильной (Ис. Генрихса), ни на соседнем острове Гавыном (Иваненко).

Не перечисляя в подробностях растительности, однако не можем не отметить, что на этом сравнительно низменном острове среди ландышей и будры встречается *Сон* (*Pulsatilla patens*) растение, которое мы привыкли встречать на неводеланной, открытой степи или на таких больших и возвышенных островах, как Таволжанный, Кухарский и Хортица.

Ближе к южному концу, на поперечной середине острова, как бы для разнообразия брошена живописная скала, верхушка которой и ущелья красиво усажены розовыми розетками живучки (*Sempervivum globuliferum* L.)

С восточной стороны острова большую часть длины его прорезывает ровчак от 8 до 12 сажен ширины, которым, при весеннем половодье направляется течение. Этот ровчак носит название *лотяга*. В апреле и мае жители дер. Привольной (Чернявщина) удачно здесь ловят корофов, лещей и др. рыбу ятерями (вентери) и небольшими пересыпными сетями.

Остров охраняется сторожем, хатенка которого ютится на возвышенной гряде северной части между нависшими деревьями.

В мае и июне речиче представляет главный ход для плотов и барок, которые, держась правого берега, обходят порог *Лишний*, летом же — ход через порог или его канал слева.

Вращаясь среди стариков, нам удалось записать не лишнее интересное предание об острове.

«Нижче³ порога Лишнього лежить великий і лісний острів Лантухівський. Тут, кажуть, був рибальський кіш запорожця Лантуха, а по ньому дано і прозвище острову.

Ще за генерала Каховського, при Катерині тут була слобідка Виноградівка. Не даром же їй і прозвище таке!.. Каховський замітив, що тут, по островах і по балках Гадючий і Вільній, багато дикого винограду і задумав розвести такий сад, як у хана. Тоді сам Потьомка воював з ха-

---

¹ Виправлено автором з «кистями».

² Виправлено автором з «затемнены».

³ Виправлено автором з «Ныз».

ном і набрали тих турків в полон стіко, шо не знали куди їх і дівати. Каховський і каже: «Ну, коли хліб їсти, то треба й діло робить». Привіз з Криму три мажари виноградної лози і звелів тим туркам садить. Через стіко там годів, уродив такий виноград, шо за двісті верст з'їжджались пани дивиться... Був і чорний, і білий, і жовтий як голубине яйце, а на смак – як мед... Було, кажуть, як глянеш на нього, то так тебе і тягне, так очі і отбира... Може б хто і наживився, так і сторожа велика була... За запорожців, кажуть, водились тут дикі кози і було їх тут до пропасти. За моєї пам'яті було уже їх мало, а в сорок п'ятому годі, як затопила вода острів, вони і звалували відсіль, кажуть, у Великий Луг. На воді коза прудка і пливтиме хоч десять верст...

Лантухівський острів звуть ще Лачинівським по панові, котрий жив тут після Сидельського і Шляхтина, а дехто називає «німецьким», бо землю купив німець Корнієнко*.

Тимош Драган, 92-х лет. Аврамовка, 11 апреля 1890 года.

Ниже по течению Лантуховского острова, один за другим с правого берега следуют небольшие, поросшие лозняком, острова: Малый, Средний и Похилый. Названия эти, как заметил лоцман Денис Павловский, острова несут со времен запорожцев. Адмирал Пущин, в приведенном нами порядке расположения, называет острова эти – *Смирный, Селезень и Плоский*; Бухтеев – *Смирный, Стрелец и Стрелецкий*; Д.И. Эварницкий, пользовавшийся богатыми источниками и планами – *Селевень, Стрелец и Похилый*. По приблизительному измерению владельца Генрихса, Малый остров занимает около 1 десятины, Средний – около 3-х и Похилый – около 4-х десятин, причем весною большая часть поверхности их покрывается водою.

Между этими островами и берегом «весенней воды», как говорят лоцманы, издавна существует «судовой ход» для плотов и барок. Вслед за Похилым начинается порог, известный под именем *Гадючего, Вильного* и *Вовчка*. Первое название, как передают старики, получил по балке справа, второе – по балке слева и третье – по скале. Как и на всех остальных порогах, обводной канал расположен здесь у левого берега. На небольшом расстоянии от острова Похилого у самого правого берега на 60 - 70 футов возвышается скала *Вовчок*, против головы ее на реку брошена скала *Крячок*, а между обеими этими скалами узкий и самый опасный проход – *Волчье горло*. Чтобы благополучно миновать эту извилистую пасть, требуется неимоверное усилие гребцов на голове и хвосте плота, необыкновенная ловкость лоцмана.

Провод плотов совершается всегда в тихую погоду, но «не дай Бог», - говорит лоцман Савур, - на Волчке «зарябит вода» (ветер), - тогда

если минешь *Волчье*, то попадешь¹ в *Собачье горло* – и доброе имя лоцмана пропало навеки.

У лоцманов кайдачан и каменцев, заметим, считается за большое бесславление потерпеть крушение, и осторожность у них на первом плане.

При разделе Запорожских Вольностей, 5000 дес. земли на правом берегу Днепра, между балками Гадючей и Тарановой с островом Лантуховским отданы в ранговую дачу бригадиру Павлу *Болтину*. Последним поселено было две слободы *Вольная* - на балке Тарановой, где ныне помещицья усадьба Тимченко, и *Вольно-Павловская* при балке Вольной - ныне дер. *Привольная*, помещика Чернявского. В первой слободе по сведениям 1784 г. числилось 18 двор., 15 душ крестьян муж. п., в последней, при стольких же дворах - 20 душ². Вскоре после этого от Болтина земля перешла к майору Каховскому, который на пепелище запорожской слободки Мичуриной основал дер. Виноградовку, между балками Гадючей и Вольной, против острова Похылого. В народе сохранилось предание, что «генерал» Каховский после войны, пользуясь трудами и знанием пленных турок, развел здесь богатейшие виноградники, почему новое «сельцо» его, у порога Вильного и названо Виноградовкой. В 1797 году, в последней считалось населены 144 м. и 118 ж. пола душ³. От Каховского после 1800 года земля перешла дворянину Малороссийской губернии Полтавского повита Петру Степановичу *Седельскому*, с островом Лантуховским - Дубовым тож⁴.

По межеванию 1806 года при сельце Виноградовке отмечено удобной 4000 дес., неудобной 1000 дес. Соседями дачи состояли меннониты к. Кронсвейда*, помещики Лукашевич, Вердин* и со стороны Александровского уезда граничил Днепр с островами дачи Иваненко. По смерти Седельского, земля унаследована его замужними дочерьми – Янковскою и Чернявскою, и с этих пор началось дробление ее на части. Виноградовка переименована в д. *Мариенталь*⁵ и при ней числилось уже 1869 дес. с островом Лантуховским (Дубовым). В 1822 году от жены штабс-капитана Александры Янковской имение перешло по купчей Екатеринославской купчихе Пчелкиной, в 1830 году – сыну последней, в 1832 г. – штаб.-капит. Вас. Мих. Шляхтину за 50000 р. ассигнациями⁶, в 1811 г. от Шляхтина – кол. регистр. Павлу Емелья-

¹ Викреслено автором слово «ниже».

² Русов А.А. Русские тракты... - С. 150.

³ Феодосий (Макаревский). Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии... - Вып. I. – С. 168.

⁴ Геометрический уменьшенный план дачи Седельского за 1806 г.

⁵ В народе «Ляхивка» и «Ляхи».

⁶ За 14285 р. 50 к. серебр. или по 7 р. 64 к. десятина.

новичу и жене его Юлии Ивановне Лачиновым за 20000 руб. «серебрянных»¹ с 37-ю душами мужского пола «с женами и детьми крестьян» и полным устройством, с хлебом, скотом и посевами. В 1856 году от Юлии Лачиновой деревня Мариенталь с 80-ю душами крестьян мужск. пола, не считая жен и детей, с землей – 1869 ½ дес., скотом и наличным хлебом, продана Екатеринославскому купцу Корнею Корнеевичу Генрихсу, как передает сын последнего за 40000 р. ассигнациями².

После этого деревня Мариенталь переименована в хутор *Генрих-сталь*. Последнее наименование, правда, существует только на бумаге, в окрестности же население и теперь называет хутор по имени последнего русского владельца – *Лачиновским*.

Настоящий владелец Андрей Корнеевич Генрихс, с прикупленную землею у соседних помещиков, обладает 2063-мя десятинами с островами и последним на Днестре грозным порогом Гадючим. Природа местности чрезвычайно разнообразная и живописная, но жаль, что этот богатый немец не дорожит лесом и рубит его целыми площадями. Кто видел остров Лантуховский три года тому назад, тот поразился бы обголенным, унылым видом южной части его. Не шутка сказать – вырубить 20 десятин! Ведь это более чем третья часть всей площади столетием выращенного дубового леса!

IX.

Остров Пурисов (Малый Дубовый). – Предания о происхождении названия. - О побоище. – Находки. - Остров Абазин (Большой Дубовый). – Первые после падения Сечи владельцы левого побережья. – Исчезнувшая деревня Николаевка (Лаховка). - Остров Вербовый прежде и теперь. - Воспоминания старожила. - Пристанище плотов. - Слово о Боплане и Боплановской «Кашеварнице»

Остров Пурисов ниже порога Гадючего на Днестре. Побережные жители чаще называют остров Немецким и Прусовым; владельцы острова меннониты колонии Кронсвейд, – прямо «островом» и Дубовым; казенские и кайдацкие лоцманы, – эти носители старинных названий урочищ, – Пурисовым и Дубовым. Последние называют 4 небольших островка, брошенных слева у северного конца этого острова также Пурисовыми. Далее на плане Днестра, составленном в 1780 г. Араповым, он назван Курисовым. Это явная описка. Вице-адмирал Пущин в атла-

---

¹ По 10 р. 70 к. десятина.

² За 11428 р. 40 к. серебром или по 6 р. 11 к. за десятину. Что касается крестьян, то все они, как передает Генрихс сын, уступлены были соседнему владельцу Тимченко, а через год (1861 г.) получили «волю».

се Днепра 1784 г. и Лерберг в своих «Исследованиях» (стр. 277) называет его Малым Дубовым, этим именем называет его и Бухтеев (Зап. Одес. общ. истор. и древности, т. III, 491). На топографической карте генерального штаба (в английском дюйме 3 версты), остров, в группе других, нанесен слишком ничтожным и не на своем месте, – именно против северного конца другого, несколько большего – Дубового или Абазина острова, владельца Левшина (бывш. Абазы), тогда как последний расположен сажень на 100 - 150 южнее Пурисового у левого берега Днепра¹. Длина острова на Араповском плане до 1 1/4 версты, ширина 1/4 версты; на карте генерального штаба 3/4, и по Бухтееву. В настоящее время (1903, при спаде вод, действительная длина острова 1 верста 93 саж., ширина – от 45 до 30 саж., высота – до 40 - 50 ф., величина площади – около 18 десятин.

Почва острова в северной части, ниже скал – сыпучий песок, в средней и южной, покрытой растительностью – супесчаная и илистая. Прекрасно растет здесь искусственно разведенный² меннонитами шелюг (красная лоза) и затем осокорняк, верба, дуб и, изредка, груша. Шелюг достигает свыше 10 футов вышины и вырубляется через каждые три года. Летом остров служит пастбищем для лошадей, которых перегоняют вплавь через довольно значительной ширины речье.

Еще одна особенность острова – здесь такое множество мышей, что весь он изрыт норами и ходами. В особенности это заметно в осенние месяцы, когда под вами проваливается почва и глубоко вязнут ноги.

Во владении меннонитов остров с 1789 года, т. е. с того времени, когда впервые на берегу Днепра возникла немецкая колония Кронсвейд. В 1832 - 33 годах, как передают старожилы, с разрешения Новороссийского генерал-губернатора кн. Воронцова из колонии этой большая часть хозяев выселилась за 3 версты далее от Днепра в глубокий степной овраг (балку) и таким образом на одной даче образовалось две колонии – «Старый» и «Новый» Кронсвейд.

Пурисовы остров и могила (Предания)

А.

Острів, що нижче порога Вовчка³ давно звали Явленням, а потім стали звати Пурисовим і Прусовим. Біля острівка, з правого боку єсть і

---

¹ Нередко, при полном спаде вод, в июне и июле, южная половина острова Пурисова справа и северная Дубового (Абазина) слева выдвигают свои песчаные откосы настолько, что концы их являются противоположными. *Я.Н.*

² Викреслено автором слово «здесь».

³ Так называют в народе последний Днепровский порог, известный под именем Гадючего и Вильного.

поріжок Явлений (забора). Ще за Катерини, на острові стояли кошем запорозькі рибалки Пурис и Прус; Пруса ще і я зазнаю - він довго рибальчив після смерті Пуриса. На цьому островку багато людських кісток. Сидні розказували, що там колись билось два царя і одного царя вилягло все військо. Це було дуже давно. На березі, супротив островка, покопані городки, а даліше в степ єсть Пурисова могила, де, кажуть, сховані гроші.

*Дед Михаил Антонович Книрик, 96 лет,
деревня Федоровка (Языкова), Екатер. уез., 26 января 1886 г.*

Б.

В степу, версти чотири від Дніпра, біля Гадючої балки, єсть могила Пурисова, а на Дніпрі, нижче Гадючого порога – Пурисів острів. Колись то, кажуть, жив тут запорожець Пурис і був він дуже багатий. Там, де тепер німецькі степи, – все були його роздоли. Тут ходили його табуні і скот, по балках – пасіки, а на острові – рибальський кіш Пуриса. Багато його, кажуть, і грошей десь в землі... Його могила пошти вся скопана, а чи найдено гроші – ніхто не докаже. Пурисів острів, кажуть, і в старі годи був такий як і тепер, тіко тоді на ньому був дубовий ліс і росли груші. Після Пуриса тут ще, кажуть, рибальчив дід Прус, від чого маркусовці¹ й острів прозвали Прусовым.

Від порога, де скеля, на ньому було два городки (редути); вони були високі, а в сорок п'ятім годі (1845), як була велика вода, – позмивала так, то не осталось і сліду їх. Того году багато полягло лісу, тоді ж на острові вирило водою глибоку яму повнісіньку людських кісток. Як глянеш, було, на ті голови, то аж мороз поза шкурою дере...

Як був я парубком, то було рибальчимо на порогах; з нами рибальчив і старий дід Орел з Іваненкової (Андреевка). Оце було як станемо варить вечеряти, то тільки і балачки, що про стародавні вжитки. На Пурисовому острові, розказував він, побито армію якогось чужоземця. Орел був запорозького коліна: у його і звичай був козацький і мова козацька - пустих слів не знав, а що не скаже, було то все до діла і до ладу. Молиться, було, не так як оце ми грішні харамаркаєм, а як стане на восток, то далеко чуть, що молиться... І не такі молитви як у нас, а старинні козацькі і все про Миколу та про Покрову...

*Дед Илько Савоська, 82 лет,
предместье г. Александровска - Слободка, 6 мая 1887 г.*

---

¹ Жители дер. Маркусовой, офиц. Павло-Кичкас*.

В дополнение к предыдущим преданиям могут служить интересные рассказы старожилов меннонитских колоний Старый и Новый Кронсвейде.

1) В 1845 году, по словам 70-летнего Франца Паульса, на острове Пурисовом вода отмыла яму, наполненную человеческими костями. Между костями находили заржавленные кремневые ружья, железные, поменьше куриного яйца, пули и сабли. Одна сабля найдена с рукояткою, обтянутою золотою проволокою. Ружья и сабли несколько больше тех, какие употребляются в настоящее время; в особенности длинные ружейные стволы. В речище, разделяющем остров от правого берега Днепра, после 1845 года найдено две бомбы около двух пудов каждая; затем каждая бомба с отверстием и ушком, а в ушко каждой продеты концы цепи. Бомбы найдены ниже заборы Явленной, между камнями. До 1845 года один крестьянин, по имени Прокоп (фамилии не помнит), нашел на острове Пурисовом, около скалы в северной части, несколько старинных серебряных ложек, ножей и вилок; все это он сбыл «жидам-шинкарям за плевые деньги».

По песчаным буграм правого берега Днепра, вблизи колонии Старый Кронсвейд, много находили стрел и пуль.

*Кол. Старый Кронсвейд,
Екатеринославского уезда, 10 апреля 1890 г.*

2) Остров Пурисов, по рассказам 80-летнего старца Исаия Гергардовича Крана, известен ему под именем Дубового; так, по его словам, он писался и на старых планах. Этот остров принадлежит колонии Новый Кронсвейд; под ним около 20 десятин, при длине 1 версты и ширине до 100 саж. Другой меннонит, Яков Петрович Унрау, подтверждает, что редуты на острове Пурисовом действительно существовали. Он сам рыбак с давних пор, знает остров и следы одного из редутов может указать и теперь. До 1845 года оба редута были довольно хорошо заметны, отстояли один от другого шагов на 30.

Новый Кронсвейд, 28-го января 1890 года.

Ниже Пурисова, слева, следует большой песчаный остров Абазин или Левшинский, как называют прибрежные жители по владельцам.

Боплан об этом острове не упоминает; на плане Арапова, на занимаемом в натуре месте он также не нанесен; на карте генерального штаба, у Бухтеева, Лерберга, адмирала Пуцина, Эварницкого значится *Большой Дубов*, на геометрическом специальном плане дачи генерал-майора Николая Яковлевича Ланова, – межевания 1780 года – просто *Дубов*. По измерению, сделанному нами 28-го февраля 1891 г. длина острова 1 верста 210 саж., ширина от 80 до 142, высота над зимним

уровнем реки – от 25 до 40 футов, площадь, включая песчаные отлогости и откосы 36 десятин. Растительность: осока, дуб, вяз, верба, возраст от 30 до 60 лет; по окраинам песчаных берегов лоза. По качеству – лес дровяной. Почва песчаная, причем поверхность неровная: встречаются рвы, ямы, бугры, гряды. При разливе Днепра весной довольно заметная часть острова покрывается водою.

Чуть не единственный из больших островов Днепра, о котором сохранилось в народе преданий, кроме, впрочем, воспоминания о том, что в 1845 году, при необыкновенном наводнении, все деревья его, вместе с корнями, снесены были течением.

Все лесное побережье и остров, говорят, с давних лет строго охраняется владельцем, никто к нему причалить не смеет, а в последние 20 с лишним лет несменно оберегает его прусак-атлет, встреча с которым представляется рискованною. Несмотря на все строгости, – иронизируют рыбаки, – на острове этом всегда находят пристанище утопленники.

Остров принадлежит наследникам Левшиным, имеющим здесь дачу в 6370 дес. Побережье дачи имеет свою историю.

При разделе Запорожских Вольностей, «земля, состоящая при реке Днепре в урочище Волнянского порога, по течению речки Волнянки с правой стороны, по указу ее Императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны Второй, Азовской губернской канцелярией отмежевано из порожних казенных земель во владение генерал-майора Николая Яковлевича *Ланова** – 9765 д. 174 саж.¹». В августе 1780 года, т. е. в год межевания дачи землемером прапорщиком Тимошенковым, при пороге Вольном уже существовала деревня Ланова Николаевка, в которой числилось 14 дворов, 36 душ мужск. и 23 женского пола малороссийских крестьян. В год межевания (1780), соседями дачи Ланова состояли: генерал-майор Федор Михайлович *Толстой* с деревней Федоровкой на правом берегу речки Вильной; полковник Андрей Яковлевич *Леванидов* с дер. Андреевкой; прапорщик Гаврило Николаевич *Гросс*, дер. Гроссовка; пустошь *Католичья*, жительствовавших в Екатеринославе католиков; прапорщик *Домашний* - дер. Трофимовка; подпоручик Николай Алексеевич *Рудь* - д. Семеновка; вахмистр Степан Романович *Кошевский* - дер. Протопоповка; гоф-хирург надворный советник Иван Давидович *Зоммер* - д. Павло-Кичкас.

Впоследствии на даче Ланова населены: дер. Михайловка и хутора Вильнянский, Михайлин и Николин.

---

¹ Межевая книга и геометрия, специальный план дачи Ланова за 1780 г.

После смерти генерал-майора и обер-коменданта Александровской крепости, Н.Л. Ланова, последовавшей в 1788 году, имением управляла вдова его Евдокия Михайловна Ланова. Управление, однако, длилось недолго. В первой половине 1795 года, как видим из исповедной росписи Андреевской церкви, в дер. Николаевке зарегистрировано: вдова Ланова, два сына ее, гвардии корнет Иван 24-х и гвардии сержант Александр 20 лет и 20 крестьянских дворов с населением 61 д. муж. и 68 жен. пола душ. Во второй половине того же года, как видим из уцелевших архивных документов, имение это по купчим перешло двум владельцам: кол. регистратору Григорию Семеновичу *Кривобокову*, в вершине речки Вильной, в количестве 2200 дес. и харьковскому помещику поручику Василию Николаевичу *Абазе*, при д. Николаевке (Лановке) 6865 дес. 174 саж.

На проданную Абазе дер. Николаевку «со всеми принадлежащими ей землями и людьми» мы имеем опись, составленную 10 сентября 1795 года. В опись вошли: «господской двор со всеми службами, в котором строения: дом о восьми покоях, с печами алебастровыми, убран в середине обоями, панелями и карнизами, с двойными вязанными дверьми столярной работы с медными замками, вполне меблированный¹; три флигеля для приказчиков, для мадамы и людской; кухня, баня, комора хлебная, ледник с рубленой коморою, каретный сарай, конюшня, скотский и овчарный дворы с избами, два сарая для птиц, мельница на Днепре об одном поставе на ходу, господский сад с разными деревьями, два фиговых дерева в кадке и 25 подданических изб». Далее перечислены: хлеб и сено в стогах и скирдах, скот, овцы, козы, птица разная и 48 колодок пчел. Опись скреплена: «к сей описи генерал-майорша Ланова руку приложила».

Итак, из приведенного документа узнаем, что на пустынном ныне берегу Днепра у порога Вильного, сто лет тому назад существовала деревня с барской усадьбой и полным обзаведением.

Из сохранившихся преданий узнаем, что у генерала Ланова жилось хорошо, всяк шел охотно селиться в деревню и что в числе «малороссийских подданных» находилось не мало запорожских казаков.

Но, как видим далее, после генерала не так сладко жилось у поручика. В начале 80-х годов узнаем из ревизских сказок - Абаза не досчитался и отметил «бежавшими» целых 13 фамилий. Все эти зарегистри-

---

¹ В числе предметов обстановки в описи между прочим перечислены: «4 больших одномерных зеркала, красного дерева с позолотою: столы, комоды, шкафы, также красного и черного дерева: железные двойные кровати с приборами, канапе, кресла, стулья, расписные шкафы и проч.

рованные в списки Чепыноги, Посмыки, Зарубы, Нудьги, Шило, Шехны, Орлы и др. с ними «закивали пятками» в Черноморию.

Остров Вербовый

От острова Б.-Дубовато (Абазина) до Вербового 1 верста; причем между этими островами, слева на реке чернеет небезопасная подводная скала Моргун.

Следуя по реке к острову Вербовому, справа вы видите 5 - 6 неуклюжих изб уцелевшей колонии Старый Кронсвейд, слева - лесной берег с балкой Осокоровой, затем выступающий в Днепр скалистый мыс и деревню Маркусову. Мыс у Маркусовой, на языке старожилов, носит нарицательное имя рога или кута. Скалистая середина мыса возвышается на 40 - 50 футов над уровнем реки, восточная часть понижена настолько, что при значительном уровне весенних вод в нее направляется течение реки и окруженный водою «рог» получает значение острова в несколько десятков десятин.

По источникам Пущина, Лерберга, Бухтеева, Эварницкого остров назван Вербов, на плане Арапова – Вербовой, у местных рыбаков Вербовый или Каменоватый.

При длине в 1 версту и ширине четверть версты по Бухтееву, остров должен равняться 26 десятинам. Ничего похожего не представляет настоящий Вербовый. Прежде всего заметим, что ежегодно в мае - июне на реке вы видите два один за другим лежащих скалистых островка: Вербовый - длиной 200 саж. и Голый в 30 саж., от первого длиной до 100 саж.; последний заканчивается обнаженной (голой) скалой. В этих двух островах, в конце лета соединяющихся между собою и с материком пространством сыпучих песков и кроется упоминаемый исследователями остров Вербовый. Вся площадь его, при 337 саж. длины и 30 саж. ширины не превышает 4 десятин; высота скалистой головы до 30 фут. и середины от 15 до 20 фут.

Куда же девалась значительная площадь его? Разгадку этого вопроса находим в атласе Арапова, в воспоминаниях старожилов.

Сравнивая настоящую величину и положение острова с положением его у Арапова, видим значительную разницу. В 1780 году у левого берега остров тянулся на версту с лишним, причем середина его находилась против устья балки Осокоровой. В настоящее же время положение его ниже Осокоровой, что совпадает с положением хвоста, бывшего некогда большого острова.

Небезынтересно об этом и воспоминание старожила д. Маркусовой, Дмитра Бута. Остров Вербовый, по его словам, в старину был намного длиннее, шире и выше; от границы Абазы (ныне Левшина) был большой

лес. Но во время опустошительного наводнения в 1845 году вся растительность была снесена, поверхность размыта и «для памяти потомству», пояснил старик, уцелела одна скала. На острове Вербовом в течение летних месяцев разгуливает скот, здесь для него «всегдашнее тырло», почему вся растительность его заключается в тощем осоко́рняке.

Ежегодно, или, как говорит рыбак Бут «спокон веку», песчаные отмели острова Вербового и противоположного правого берега Кичкаса служат пристанищем для плотов. Здесь целое лето развиваются флаги «хозяйщины»¹. Целое лето наблюдаете толкотню, крик, брань белорусов, слышите запах древесной коры, трубки и пота.

Для кайдацких и каменных лоцманов Вербовый и Кичкас являются конечными пунктами плавания через пороги: их место заступают судопроводчики-литвины. Последние делятся на две категории – дубовиков и плотовщиков. Первые принимают на себя ответственность сопровождать плот с места до порогов и до Херсона; вторых место труда – у бабайки. Затем первые получают значительно большее содержание, одеваются чище, отличаются видным ростом, силой и сметливостью; вторые бедно обеспечиваются, внешним видом и внутренним содержанием составляют полную противоположность первым.

В противоположность малороссам, отсутствие жизни и поэтического чутья является характерной чертой литвинов. Ночью здесь, среди красот природы, среди сотен пылающих костров и тысяч народа, вы не услышите ни звука песни. В это время, раздевшись до нага и столпившись вокруг огня, они, как говорят лоцманы, «шмалят нужу»*. Плотовщики крайне нечистоплотны: надев сорочку, штаны в Литве, в них же бессменно возвращаются и с Малороссии. Боплан, заключая свое знакомство с порогом «Вольным (Вильным), говорит: «На пушечный выстрел ниже сего порога лежит скалистый остров, называемый казаками Кашеварницею, как будто для выражения радости о благополучном проходе через пороги. Там казаки веселятся и угощают друг друга обыкновенным своим походным кушаньем – кашею»².

На этот раз мы затрудняемся понять, о каком «скалистом» острове «Кашеварниц» говорит Боплан!

Вслед за порогом Вильным, в 100 - 150 саж. расположены скалистые острова: Большой Пурисов (Малый Дубовый) и Малые Пурисовы (Малышевские); далее на 1 версту с небольшим от порога же следует совершенно песчаный остров Абазин (Большой Дубовый); еще далее от порога на 4 версты, у левого берега расположен описанный вы-

---

¹ Большие будки на плоту «горишних» евреев-лесопромышленников.

² Боплан. Описание Украины. – С. 23

ше скалистый остров Вербовый, который является последним до Кич-каса. Это расстояние острова от порога возможно принять за меру пушечного выстрела и согласиться с мнением Бруна¹, что под именем нынешнего Вербоваго кроется боплановский остров Кашеварница. Но опять вопрос: удобно ли было в то время казакам выражать радость о благополучном проходе через пороги на острове, лежащем «с татарской стороны» и, следовательно, для них небезопасной?

Сам Боплан говорит, что в его время «в окрестностях порогов путешествие с сотней, даже с тысячей человек было небезопасно; целое войско должно идти степями не иначе как в добром порядке: ибо татары, не имея постоянных жилищ на обширных Днепровских равнинах, беспрерывно разъезжают по оным отрядами в 5, 6 и даже в 10 тысяч всадников²».

Будучи краток в описании порогов, Боплан еще большую краткость проявил в описании островов. На всем пути от первого до последнего порогов он отметил «непотопляемых водою» всего два острова - Стрельчий и Таволжаний, между тем как Козлов, Дубовый, Перун, Кухарский и Малый Дубовый (Пурисов) остались у него незамеченными.

Инженер польской службы и большой приверженец «храброго» Конецпольского, Боплан не преминул случая сказать и о личной отваге. Начав с того, что Конецпольский приказал ему описать «все Днепровские пороги, даже до последнего» и возвратиться на казацких челнах, он повествует: «Пользуясь сим случаем я обозрел 13 водопадов (?) которые означены мною на карте..., переплыв все против течения (!!): это с первого взгляда покажется невозможным, ибо водопады имеют от 7 до 8 футов падения. Судите же, как необходимо искусство хорошо править рулем (!). У казаков есть обычай принимать в свои круги, только того, кто проплывет все пороги против течения. Следовательно, и я мог быть добрым казаком³».

Кто знаком с порогами или общался между лоцманами, легко поймет, сколько неточностей и хвастовства в этой цитате. Если теперь, после миллионных затрат, лоцманы с нелегким усилием проводят лодки каналами, то что же было в половине 1600 годов, когда пороги для плаванья представляли стихию еще более непреодолимую и грозную?

Проплывая пороги вверх, Боплан правил рулем! Рассказ этот, прочитанный кайдацким лоцманом, вызвал удивление и много замечаний

---

¹ Брун Ф. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852 - 1877): В 2 ч. - Одесса, 1880. — Часть II. — С. 377 - 378.

² Боплан. Описание Украины. - С. 21, 22.

³ Там же.

не в пользу Боплана; в особенности невероятным показалось употребление руля там, где ложе реки усыпано подводными камнями.

Припомнив переправу флотилии Екатерины II через пороги, мы знаем какой протест заявили лоцманы против руля! Руль заменила гребка и только тогда суда спущены были благополучно. Так и в настоящем случае: весло и гребка – вот главные орудия и в руках казаков, и в руках потомков их – лоцманов.

Затем еще замечание. Боплан говорит не шутя, что казаки принимали в свой круг только того, кто проплывал пороги против течения; к каким казакам причислил и себя.

У запорожцев мы знаем два способа испытания молодечества – на воде и на суше. Способ на воде привел Боплан, способ на суше приведем со слов 80-ти летнего старика с Аул Екатеринославского уезда Гаврила Карпенка. «У запорожцев – говорит старик, – принимали в Сечь¹ только того, кто усевшись на дикого лошака лицом к хвосту, без узды и седла мог проскакать поле и возвратиться невредимым».

Правила эти одинаково правдоподобны и пред отвагой Боплана, испытавшего первый способ, мы преклоняемся.

Х.

Деревня Маркусова в ее настоящем: местоположение, население, экономический быт и проч. - История. Воспоминание о Екатерине II и Потемкине. - Начало возникновения деревни. - Могилы, степи и легендарное их происхождение. - Исчезновение каменных изваяний. - Граница татарских владений. - Змиев вал. Легенда о змие. - Пределы запорожских владений. - Степи в старину. - Жизнь запорожцев. - «Богатырева» балка. - Полозы². - Находка клада. - Гайдамацкий клад. - Урочища и укрепления местности. - Балки «Осокорова» и «Кичкаска». - Предание о гайдамаках и запорожцах-характерниках. - Скалы «Хмарна», «Пугачи», «Школа». - Пещера «Школа». Предания и описание пещеры. - Скалы «Голубы», «Попова» и др. - Затонувший лес времен Екатерины II. - Следы побоища на острове Прусовом

Южнее по Днепру, верстах в 10 от с. Андреевки, стоит *Маркусова*. Деревня эта носит официальное название *Павло-Кичкас*, но под этим именем вам редко кто ее укажет. Расположена она у крутого склона горы и тянется параллельно Днепру с севера на юг на протяжении 1 версты, при ширине не более 1/4 версты. Улиц – две, и несколько тесных, искривленных переулков. Одна из улиц, главная, проходит чрез

---

¹ Выправлено автором з «сечь».

² Выправлено автором з «Полози».

всю длину деревни и служит продолжением дороги из г. Александровска в село Андреевку. Население – малороссы. По тем данным, какие имеем, можем проследить рост народонаселения со времени очень близкого к основанию деревни. Так в 1786 г. было 10 дворов, 25 д. м. п.¹, в 1810 году – 126 душ муж. пола²; в 1859 году – дворов 70, наличных душ мужск. пола 213, женск. – 233³; в 1885 году, по лично собранным сведениям, дворов - 116, налич. душ мужск. пола – 447, женск. – 432. По освобождении от крепостной зависимости в 1861 году, крестьяне получили по 1 десятина на душу дарственной, всего удобной 233 десятины. Такое количество далеко не обеспечивает земледельческое население крестьян, но близость крупных владельцев – Марк, Левшин, Иваненко – облегчает их положение, - дает возможность пахать, пасти скот на стороне. Система аренды денежная и ипольная. В первом случае крестьяне платят от 3 до 5 руб. за десят., смотря по качеству земли, в последнем – 3-я часть урожая владельцу. За попас гулевого скота – от 1 до 3 руб. с головы за лето⁴.

Близость города (10 - 12 верст) дает возможность крестьянам скоро и выгодно сбывать продукты труда: хлеб, картофель, арбузы, овощи, а подчас предоставляет и заработки извозом. Земледелие не исключает многих заниматься также и рыбной ловлей. Тут, что ни крестьянин, то и рыбак, и если не для других, то для семьи. Вообще деревня Маркусова и по своему местоположению и по благосостоянию находится в далеко лучших условиях чем Андреевка, Михайловка и др. Летом в дворах многих крестьян вам бросаются в глаза более видные, более частые стожки хлеба, ожереды соломы, клуны, коморки, чистенькие хатки; во многих встречаете также роскошные вишневые сады, фруктовые деревья – груши, яблоки, абрикосы, сливы. Впрочем, все это не выдерживает никакого сравнения с той незначительной набережной частью деревни, где хаты прячутся в поэтических вербах, где в огородах встречается и роскошная капуста, и дикий очерет, и грандиозные скалы, и бьющие ключи, и поросшие ряской запруды, и копанки, из которых рукой зачерпнете холодной «цилющей» воды. Не думайте, что здесь низменная часть деревни; нет, место это возвышается на 20 - 30 футов над уровнем Днепра, его замыкают скалы. Летом 1883 года, странствуя

¹ Русов А.А. Русские тракты... - С. 150; Слобода Кичкаса майора Фалеева.

² Книга владельцев Александровского уезда за 1810 год, ст. «Марк Тит. Сов. при дер. Павло-Кичкас, 12000 дес. 126 душ. (м. п.), подлежащих подушному обложению по 74 ½ коп. с души».

³ Екатеринославская губерния с Таганрогским градоначальством. Список населенных мест по сведениям 1859 года. - СПб., 1863. – С. 21.

⁴ Сведения собраны в 1885 году.

с Д.И. Эварницким по Днепровскому побережью, карабкаясь по скалам, не без труда проходили мы эти огороды, поражались обилием источников, разнообразием природы, тесно сжившейся с человеком.

В Маркусовой пришлось подметить несколько довольно зажиточных крестьян, и в особенности тех из них, которые в свое время ближе стояли к владельцу в качестве атаманов, приказчиков и проч. Пожилые крестьяне и крестьянки одеваются по малорусски, молодежь – наоборот – в смешанные костюмы. В одежде, языке, песнях молодежи сказались близость города, соседство немцев и даже, если хотите, солдатская цивилизация... По праздничным дням в среде разряженной деревенской молодежи вы встретите франта, щеголиху в мещанском наряде; тут же – парня, облеченного в малорусскую чумарку, вышитую сорочку со стежкой, а вместе с тем в узких немецких штанах, в немецких шлерах; встретите парня в малорусских чоботах, широких штанах, но в бумазейной немецкой рубаше с рукавами другого цвета или в короткой немецкой куртке. Такое разнообразие наблюдается и в женском наряде. Родная песня хотя не совсем забыта, но она стоит чуть не на последнем плане. Парни поют по преимуществу солдатские, под час несносные для слуха, неприличные песни; девушки – менее склонны менять «свои» на «новые», и потому городские романсы в редком ходу, их песенный репертуар далеко богаче. Надо отдать справедливость, старики, старухи более уцелели в этом случае: помимо костюма, они сохранили свой чистый природный язык, свято чтят обычаи.

В свое время в деревне было не мало прях, ткачей, шаповалов; теперь же, с вымиранием старых людей, занятия эти пали, в редкой хате найдете ткача, пряху, а еще реже встретите бабу в запаске и с кужелем за поясом.

Таково в немногих словах настоящее д. Маркусовой.

По сторонам деревни степь пересекают две глубокие скалистые балки. Северная, на расстоянии 1 версты от деревни, носит название *Осоковой*; южная выходит к Днепру у самого села и известна под именем *Кичкаской*^{*}. По балке Кичкаске и ее склонам брошено несколько кудрявых груш, кустарников барбариса, шиповника, боярышника; по балке Осоковой, помимо кустарников, в нижней ее части тянется тенистый дубовый лес¹, сочится ручей. Балки эти придают местности вид дикой, в тоже время чрезвычайно живописной пустыни. Видимо запорожцы обладали великим художественным вкусом, оставив здесь свои пепелища на память. Но прежде чем коснемся истории балок, составляющих естественную границу крестьянской дачи, пе-

---

¹ Это было до 1887 г., а после лес вырублен.

рейдем к самой деревне Маркусовой. На этот раз 75-ти-летний Дмитро Бут¹ открывает перед нами завесу далекого прошлого, знакомит с историей Поднепровья, с началом колонизации. «Давно, очень давно, - говорит он, - еще за деда, ни здесь, ни вблизи не было поселений. Степь была дикая, поросшая высокой тырсой; по балкам, берегам Днестра тянулись леса, были голодные волки. Дед его в то время был еще молодым, не женатым, казаковал в Запорожье. Весело и привольно жилось деду, но это было на закате дней казачества. По подлинному выражению Дмитра, «цярювала тоді Катерина в Петембурсі, а тут князював Потьомка». Из дальнейших бесед старика я мог заключить, что Екатерина пользовалась большою любовью тогдашнего населения, ее называли не иначе, как «Милостива Цариця», «Цариця мати», «великий світ матуся»; за то Потемкин, по народному – «Потьомка», далеко не располагал в свою пользу народные симпатии. Падение Сечи, закрепощение вольной запорожской «сиромы», заселение края чуждым по вере и крови элементом народ приписывает одному ему, помимо воли Царицы. По словам рассказчика, казаки, покидая «Степи добрі, край веселій» и «мандруя» из Сечи, вылили свой гнев в следующих словах, имевших, якобы для «Потьомки» печальное последствие: «Бодай тобі Потьомко такий вік, як у зайця хвіст!... Почув Бог правдиву козацьку молитву, – добавил дед, – і Потьомка того же году склав руки (умер)²».

Итак, разбрелось казачество, край осиротел, в степи жалобно закигикала чайка... Но не всем легко было променять Днепр на Дунай и Кубань, не всем легко было забыть Сечь-мать и Великий Луг-батька: поэтому одни из престарелых и бесприютных оставались здесь «в пущах Дніпра, біля пасік і худоби», другие, последовав за массовым течением, «роздумали» и возвратились снова. К последним принадлежал и дед Дмитра, на словах которого и основываются весьма интересные рассказы.

Начало основания деревни Маркусовой Дмитро относит к ближайшему времени падения запорожского коша. Рассказ его настолько живой и интересный, что считаю нужным привести его дословно:

---

¹ Старик носит три фамилии: по отцу – Калиниченко, по деду – Малый, по жене – Бут («Бутівну держе»). Называем его последней фамилией, под которой он более известен.

² В этом месте ошибается наш рассказчик. Сечь уничтожена в 1775 году, а Потемкин умер в 1791 году, следовательно через 16 лет после падения Сечи. Автор.

«Покійник дід розказував, що зараз після запорожців на цім місті сів якийсь пан *Куріка**. Багато степу було в нього... Звісно, землі багато, а людей мало, то й став він приймать до себе сіромах. Йдїть, - каже, - хлопці до мене жить. Хто хоче - бери плуг, воли – роби; хто не хоче – пий горїлку. Попервах добре у панів жилось: податї не платили, від некрутчини одозволяли пани... До Куріки багато пристало сіромашні, бо їм уже волі не було - як пїймають якого, так зараз в кайдани заб'ють і пішов козак залізом маслаки терти... Багато їх було по острогах, багато їх брязчало і по великих шляхах...

Обвішають ланцюгами, та й гонять як каторжних... Була ще мода така, що й головы брили... Обголять, було, половину головы, що й на чоловіка не похоже... Стала населяться слобода, стала сіромашня женитись і жить сімействами. Як обжились люди, тоді уже пан не те задумав: став він їх потроху до панщини прикручувать, а далі забїгла якась бумага (распоряжение), так він узяв, та й закріпостив.... Расчовпали козаки, та пізно: раді-б і назад, так нікуди головы приткнути.... Ще не за моєї памнїті от Куріки степ, люди і вся богатыня досталась Маркусові¹ і тоді уже і слободу назвали Маркусовою; попервах вона звалась прямо *Кічкасівка*”.

Надо сказать, что дед Бут много видел света, много слышал на своем веку. Не ограничиваясь сообщением о деревне, он ведет свои, полные интереса, рассказы далее. Сначала он касается знакомых ему окрестностей, урочищ, затем выходит далеко за пределы родного кутка. Вспоминая детские годы, Бут говорит, что тогда в степи было гораздо больше могил, на них стояли «мамаи»². Уменьшение числа могил он объясняет тем, что многие из небольших «розсунуті» плугом,

---

¹ В рассказе старика о Курике считаем нужным внести следующую поправку. По архивным данным Покровского собора в Александровске можем с точностью определить первых владельцев дер. Павло-Кичкас – Маркусовой. В 1781 году упоминается слобода Кичкас, иногда Кечкас у реки Днепра, при устье балки Кичкаски. Первым владельцем ее был генерал-поручик Павел Сергеевич Потемкин, получивший в ранговую дачу 12 т. десят. В 1782 г. слобода именуется Павло-Кичкасом. В 1784 году от Потемкина имение перешло майору Фалееву; в 1786 г. - надворному советнику Сытникову; в 1787 – надворному советнику Ивану Давидовичу Зоммеру; в 1796 – секунд-майору Ивану Семеновичу Шульцу, а в 1798 – Эмануилу Марку, отчего впоследствии и названа деревня Маркусовой. Упоминаемый рассказчиком Курика был никто иной, как управляющий имением Марк. Как видим из одного тяжёбного дела, он умер в 1808 г., завещав 200 руб. на Покровский собор в Александровске (Дело о растрате 200 руб. протоиереем Карболою).

² Каменные бабы.

а на месте их остались глиняные бугры. Затем на вопрос, что известно в народе о происхождении могил, он передает легенду, что «до Христова рождения» был потоп; что в тех местах где вода «застукала людей», они насыпали могилы, «ховались» на них. Сам дед говорит об этом неуверенно, дополняя: «Чи правда, чи ні, Бог його зна, чув так».

– Кто же «мамаїв» ставил на могилах? - спрашиваем деда.

– Татари... Вони всі стояли лицем на схід сонця¹... Це були їх боги, або сторожі.

– И на всех могилах были мамаи?

– Ні, тіко на великих. Воно може коли і на всіх стояли, та знято і позакопувано в землю. Я ще зазнаю, було там де нема мамая поверх могили, то викопують, або виорують його в землі. Їх не глибоко закопано.

– А куда же они девались с могил?

– Порозбирали пани і мужики². У нас в слободі й досі стоять два мамая: у Макара Бабака і Микити Логвиненка. Тут по слободах їх мало, а туди, до моря, єсть до пропасті.

– Почему же к морю их больше?

– Там жила татарви сила... Їх степи були от Синього моря, та аж туди за запорозьку гряницю – пошти без малу не до Лубнів. Там й досі єсть межа і буде вона поки світ-сонця.

– Вы, диду, сами видели эту межу?

---

¹ На восток.

² После 1847 года, по рассказам старожилов, в особенности много снято баб по поручению бывшего екатеринославского губернатора Фабра. Покойный Андрей Яковлевич Фабр, как известно, состоял членом-учредителем «Одесского Общества Истории и Древностей», и потому лучшие экземпляры каменных изваяний отправлены им в музей Общества, худшие – пошли на Фундаменты строений. В то же время, по поручению Фабра, каменные бабы сняты и с могил нынешнего Мариупольского уезда покойным фон-Графом, заведывавшим Велико-Анадольским лесничеством*. Не далее как в 1877 г. нам пришлось видеть массу этих баб в целом виде и обломках в названном лесничестве. Немногие из них расставлены по углам аллей, остальные в беспорядке свалены в лесу. У нас на юге почти каждая могила имеет свою историю, свои интересные легенды; поэтому очень жаль, что снимая баб, ни Фабр, ни фон-Граф не оставили своих записок для будущего историка. Правда Фабр напечатал статью «О памятниках некоторых народов варварских древлобитавших в нынешнем Новороссийском Крае» (Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1850. - Т. II. - Отд. I, - С. 42 - 45), но эта статья не дает нам ответа на затронутый вопрос и вообще не имеет за собою строгого научного интереса. *Автор.*

— Бачив своїми очима. Їздили колись в Полтавську губернію. Поминувши слободи *Пероги*, *Жуки* и пана *Замулу*, дивимось, коли поперек дороги насип¹ з хату заввишки, а за для проїзду прокопано ворота. Насип цей видно скрізь, стіко очима зведеш, аж до Азовського моря... Оце вам і межа татарська... З того насипу, видно, татари колись і кріпості робили: скрізь покопано... Бог його зна, як воно по книгах, а у нас розказують, що рівчак і насип виорано змієм; там як роздивиться, то чисто тобі рілля, тіко велика; видно де чересло різало і як поличка одвертала скибу.

— Чего-же, диду, об этом рассказывают?

— Давно, кажуть, ще зараз після Христового рожденія, жили там люди, такі, може, як оце і ми хрещені, а між ними Кузьма і Дем'ян. Поселився в тій землі змії і став він людей пожирати. Жрав, жрав, собача личина, а далі уже дійшла черга і до Кузька та Дем'янка. А вони були козаки сильні, та ще й ковалі. Заперлися вони дванадцятьо дверима в кузню і давай кувати плуга на нього. Виковали плуг такий, що його зворуше з міста пар сорок волів. Приліз змії, давай добираться до їх, давай лизати ті двері. Як пролизав послідні двері, так і сунувсь до їх... Дужі були Кузько та Дем'яно, взялися за того змія: один держе за язик, а другий гате *вершлягом*² по голові. От як упоштували³ гаразд, давай змії проситися: пустіть, - каже, - братці, половину царства дам. Добре, кажуть, тіко давай попереду перемежуємо царство. Взяли тоді, накинули йому на шию залізний ретяз, запрягли в плуг і давай орати. Один іде за плугатаря, а другий з боку потяга вершлягом⁴... Оре змії, аж очі рогом лізуть, аж огнем з його пале. Дійшли до моря. Змії тоді у воду, і давай пить згарячу. Пив, пив, та й лопнув. Тоді як полізли з його гадюки, ящірки, черепахи, жаби... Ту ріллю і тепер не перейдеш: улучай у ворота. Таке то було колись!..

— Так отсюда, диду, взялись гадюки, ящирки, жабы?

— А вы-ж думали?

— А что же случилось с Козьмой и Демьяном?

— Присвятились. Їх і тепер почитують в церквах.

— А границы запорожских земель не можете, диду, определить?

— Можу. З півночі (севера) вона була по Оріль річку: там і тепер стоять кріпості; с полудні (юг) — по Кіниську, на восход сонця — до

---

¹ Земляной вал.

² Молот.

³ Поподчивали.

⁴ Ціпом його, клятого, не дошкулиш. *Примеч. рассказчика.*

донців (земля войска Донского), на захід сонця – до Синявки та Бога-річки.

– Кто же определил эту границу?

– Так уже одвойовано запорожцями от турків та ляхів.

– А тудя к морю, за Конкою, какой народ жил?

– Татарва, нагайва, кимлашня¹. Там їх аули були, мечеті. Степ у їх добрий був; скоту, коней, овець було пропасті. Вони, було, ніколи не косять сіна, а так цілу зиму і пасуть.

– А когда глубокий снег выпадет?

– Все одно: тоді трави та бур'яни росли вище чоловіка, так шо скоту можно було щипати й поверх снігу.

– А запорожцы косили сено?

– Хто косив, хто і так обходився: запорозький степ був однаковий, як і татарський.

– Расскажите, диду, что вы знаете про запорожцев: что это за народ был, как он жил тут?

– Е, то народ був старинний, великий зростом, дужий², не нам рівня. Вони були все захожі³ по волі; йдуть, було, зо всього царства; у іншого жінка клята, то він її і кине, іншого неволя, та панщина заїдала, то і той сюди тіка; іншого охота тягла. Мій покійний дід зайшов сюди ще хлопцем. Поїхав, каже, з людьми чумакувать. Стала валка спочівать, а йому й кажуть: паси, сину, волів, щоб звір не одігнав, або щоб не позаходили в бур'янах. Чумаки полягали, а він і собі заснув. Повставали – нема волів. Давай вони його репіжить батогамми... Ну, каже, вражі сини, коли так, найду я вам волів. Сів на коня⁴ і подався до запорожців. Більше вже чумаки його і не бачили. Запорожці жили не так як ми грішні: у їх жінок не було тут і заводу; так собі і бурлакували до смерті. Сорочки, штани самі прали, самі латали, самі вони і кухарювали. Іншого мужа було заїда, то він штани й сорочку з себе, виквацює дьогтем, надіне, та й пішов... Інший зостариться – йде у монастир на покаяння, а інший вибере собі гарне урочище біля річки в гаю⁵, вириє, як звір, скоту⁶, та й спокутує гріхи... Заведе бджіл⁷, прийме для охитності бурлаку якого... Були з їх такі, шо і гроші мали, а не

---

¹ Калмыки.

² Сильные.

³ Пришлые.

⁴ Чумаки, про запас, водили і коней за валкою. *Примеч. рассказчика.*

⁵ В лесу, байраке.

⁶ Нору.

⁷ Пчел.

робили оцих хат. Було викопано одну землянку коневі, а другу собі, та й зимує, а на літо землянку кине – курінь напне, та й живе.

– А хлеб сеяли казаки?

– Які сіяли, які й ні, більше що ні.

– Что же они ели?

– Козаку шо б не случилось, те й умеле... Козак як мала дитина: хочь багато поїсть, хочь мало наїється. Їли вони шо Бог дасть: і хліб святий, і рибу, і м'ясо... Варили галушки, юшку, куліш як і ми. Скоту у кожного було чимало, то оце пожене в Половицю¹, або Кайдак, продасть, та й єсть у нього і тютюн, і харчі... Їдять, було, з коритчат, таких як і тепер поводяця у рибалок, а варили в казанках з червоної міді. Поставе казанок на кабицю, або на триногах почепе, та й варе.

– А горілка у них поводилась, диду?

– А як же! Тоді горілка була і дешева, і добра. Тепер жиди розводять водою, кладуть табак, а тоді була первий сорт горілка. Пили тоді і мед, і не чарками, як ми, а з дерева зроби кірець з кріючечком (ручкой), наповне, та й хиле за одним духом... Два-три кірця дмухнув, та й готов хоть куди...

– А одевались, диду, как?

– По достаткам... Інші в дорогих каптанах ходили, а інші, як в пісні кажуть:

Жив собі козак Голота,

Та не боявся він ні води, ні огня, ні того чорта болотяного.

Була на ньому шапка-бирка,

Зверху дірка,

Соломою шита,

Вітром крита,

Куда віє туди і провіває,

Молодого козаченька та й прохолоджає.

Ще я зазнаю дідів каптан з синього сукна; рукава на ньому широкі, та аж чотири: два, було, надіне, а два з заду метляються; підкладка червона. Шапки носили гострі смушеві, а у інших червоне дно, та гостре, так на бік і хилиться. Військо, кажуть, добре одягалось. Були у їх просторні землянки, у деяких хати, а ця, сіромашня, шо по пущах плялась, – жила як Бог дав. Тут у нас, вище Багатиревої балки, жили ще і *Мазури*: здоровий, та рослий народ був.

– Что же это за народ, диду?

---

¹ Нынешний Екатеринослав.

– Такі люди, примірно як у нас кажуть хохли, кацапи, бургари або що, а вони були, значить, – мазури¹. Може ще з потопу, або з Христового рожденія так звались. З тих мазурів у нас і тепер єсть чоловік.

– Кудаже вони девались?

– Зійшли, як і запорожці.

– А что вы, диду, расскажете про балку Богатыреву, почему она так названа?

– Цього гаразд не докажу: або богатыр жив, або того, що там було багато ревів. Там вовки водились, бабаки. Було вовки як завиють, так аж сумно... Колись наш поділок² був біля Богатиревої балки; то оце, було, як ночеєш на степу, то кладеш біля себе вила, сокиру і косу, щоб було чим одбитися. Того і гляди, що ухопе або тебе, або хлопця біля тебе. Тоді по степу терни були великі, водились жовтобрюхи і всякий гад. Страшні були жовтобрюхи! Мені і тепер у пам'ятку, як старому Коваленкові жовтобрюх одірвав, – звиняйте, – матню... Насилу вирвався живим покійний.

Про балку Богатыреву нами записано предание гораздо раньше, от глубокого старика той же деревни Маркусовой. Предание это настолько интересно, что мы находим его необходимым отметить после рассказов Бута.

– Тут жив богатыр, тіко не докажу чи наш він був, чи турський... Після того, як богатыря не стало, жили запорожці, а після їх уже – *полоз*.

– Что же это такое, диду, за полоз был?

– А ви й не знаєте? Такий зачортований гад.

– Как это – «зачортованный»?

– А такий великий! На гадину гріх казати здорова, от у нас і кажуть «зачортована».

– А вы видели хоть раз полоза?

– Бачив, цур йому³... Як згадаю, так і тепер страшно.

– А расскажите, диду.

– Був я хлопцем. Ну, звісно, яка забавка малому? Дереш було гав, сорок, шулік⁴. От зібралась раз дітей ціла юрба, побрали кийки і гайда до Богатиревої. Прийшли, пороздягались, порозбувались, та й давай

---

¹ Мазуры – нынешнее население Плоцкой губернии; иначе еще зовут их мазовшане.

² Земельный надел.

³ Ругательное слово, в смысле чорт с ним.

⁴ Коршун.

лазить по дубах. От понадирали повні пазухи яєць, та й згукуємось. Зійшлись до купи, похвалились хто стіко надрав і нум до дому. Стали добігати до одежі, коли це воно як підніме голову, як поверне хвостом!.. Гульк, аж полоз... Ми в крик, та стіко мочі до дому... Біжимо, падаємо... Яйця побили, сорочки, штани хлющать, по ногам юшка, шкаралущі... Насилу добігли до села. Досталось нам от батьків... Одежу нам принесли уже третього дні, чи що.

– А как велик был этот полоз?

– Довжиною далеко більше оглоблі, а товщиною як добра кроква. Голова велика, страшна; ротом так і воде на людей.

– А проворно двигался полоз?

– Він лізе, кажуть швидко, як жовтобрюх. Воно не в тім сила, що швидко лазе, а в тім, що котиться колесом. Тоді не доводь Господи нікому хрещеному – і конем не втечеш. Від нього треба тікати проти сонця, він тоді не баче.

– А бывали случаи, чтобы полоз излавливал когонибудь?

– А чом же! Пійма, задаве, та й амінь... Того ж його і боялись люди.

– А чем питался он?

– А так, що натрапе¹, те й лопа: пійма ящирку, тхора, зайця – не випусте; пійма ягня – і його з'їсть.

– Скажите, диду, есть и теперь где полозы?

– У нас, Бог милує, перевелись, а он на тім боці, у канцерських німців, там, чутка ходє і тепер є².

– Скажите, диду, не находили-ли здесь когданибудь кладов?

– Та так і находили і ні. Раз чоловік орав і виорав зо пригорщ срібних грошей; вони були плесковаті, довгенькі. Одніс барині, а вона, либонь, в казну послала... Не було ніякої за те награди... Тут єсть недалеко клад великий, та лежатиме він поки світ сонця.

– Где же это, диду?

– Ви Школу³ знаєте добре?

– Знаю.

– Там де сама вища скеля єсть припічок, і в тому припічку сховано тринадцять тисяч срібних карбованців. Треба або зверху на канаті спускаться, або з Дніпра, як замерзне, по драбині... Ніхто їх не візьме... Їх сховали гайдамаки і про це розказував чоловік, котрий йшов з

---

¹ Виправлено автором з «нотрапе».

² В 1882 г. в окрестностях колонии «Канцерки» (кол. Розенталь, смежная с Высшею Хортицею, Екатеринославского уезда) и Хортицы действительно носился слух о появлении большой змеи в скалистой приднепровской степи.

³ Название «Школы» носит пещера в скале с левой стороны Днепра, вблизи Кичкаской переправы; скала носит то же название.

гайдамаків на покаєння. Може ще де є по запорозьких кріпостях – не знаю.

– А где же здесь запорожские крепости?

– На нашім степу біля балки Кічкаски єсть кріпость¹; на тім боці против *Прусова* острова друга²; біля Старого Кронцвея – третя³; на Кічкаському шпилі⁴, де був колись старий Кічкас⁵ – четверта – Радуткою зветься⁶, а ще дальше трохи, на горі – п'ята⁷. В цих кріпостях може і є клади, бо в їх жили запорожці.

– А урочища по Дніпру знаєте?

– А чом же! Рыбалка, та щоб не знав. Уночі кожний камінець налапаю, а про урочища і казати нічого.

– Только, диду, мне нужно знать урочища, балки, скалы, пещеры, острова, носящие старинное название.

– Добре. На тім боці (на правом) тіко і єсть «Теляче тирло» та камінь «Козловський» – це німота назвала, – а то все запорозькі прозвища. З нашого боку єсть балка *Осокорова*, а от степу з неї виходе *Богатирева*; про цю я уже вам казав. Далі балка *Кічкаска*, за нею скеля *Хмарна*, балка *Широка*, скеля *Пугачі*, балка *Побережня*, за нею скеля *Школа*, біля неї камінь *Дзвіниця*, потім уп'ять скелі *Голуби*, *Попова* и балка *Кінська*. От вам і урочища від Маркусової до самісінького Кічкаського перевозу.

– А урочища по ту (правую) сторону Днепра?

---

¹ Небольшой редут, расстоянием от Днепра около 2-х верст.

² Тоже редут, но уже на правой стороне Днепра, над крутизной, ниже последнего порога Гадючого или Вильного.

³ Редут, вблизи немецкой колонии Старого Кронцвейда. Порядок редутов дед ведет вниз по течению Днепра. Расстояние от редута на пороге Вильном до редута у колонии Старого Кронцвейда – 3 версты.

⁴ Мыс на правой стороне Днепра, против устья балки Кичкаски, впавшей с левого берега.

⁵ Дед Дмитро, а с ним и другие старожилы утверждают, что здесь была в старину Кичкаская переправа (перевоз), почему местность и названа Старый Кичкас. В этом месте и теперь существует зимняя дорога через Днепр; настоящая же переправа паромом отстоит в двух верстах ниже по течению реки.

⁶ Тоже редут в 3-х верстах от предыдущего, он расположен на сравнительно низменной части берега, у подошвы скалистого склона. В свое время, говорят, редут был прикрыт от Днепра осокоровым лесом. Урочище, где расположен редут, сохранило свое название под именем «Радутки».

⁷ Тоже редут в 600 шагах от предыдущего. Редут этот возведен на самой вершине горы в 100 - 150 футах от уровня Днепра. Редут прикрыт от реки скалами.

– З того боку, проти нашої слободи в воді дві скели – *Розбійник*; потім, на березі – *Радутка*, за нею урочище *Кринички*; далі уп'ять у воді – *Чорна забора*, камінь *Ступка*, островки – *Крячок*, *Вербки*, каміння: *Гудзик*, *Чуприна*. Серед Дніпра тут ще є дві скелі – *Середня забора*, або *Казаны*...

– Теперь розкажіте про вашу *Осокову* балку, отчего она так названа?

– А того, що тут колись росли осоки, вони і тепер ростуть, та мало.

- А далеко она выходит в степь?

– Та далеко: верстов на вісім, або і всіх десять. Вона колись була вся pokryта лісом - все дуби товстелезні були; було, три чоловіка не обхвате... Гущина була! Тут колись і глибока річка була, риба, раки так і кишіли.

– Кудаже девались этот густой лес, глубокая речка?

– Ліс сплюндрували¹ пани, а річка висохла. Воно і тепер трохи єсть дубів, єсть і вода, та вже не те, що було колись.

– А в старое время никто не жил в этой балке?

– Жили запорожці. Там де вони стояли куренями й досі єсть ямки. Жили тут і турки, поки запорожці не помірялись силою.

– А про жизнь турков, что знаете?

– Про турків – грець їх зна, а запорожці, знаю, що козакували.

– А про Кичкаску балку, диду?

– Це гайдамацька балка колись була: в ній, було, гайдамаки і запорожці зганяють коней татарських.

– Как же это было?

– А так. Спершу запорожці жили по той (правий) бік Дніпра, а відділя, де ми живемо, та аж до моря була татарська земля, а вже запорожці як завоювали татар, то ці степи стали їхні. Тут вони і жили по балках та байраках. Звісно, тоді були великі набіги на нашу землю, то запорожці, було, і не милують татар. Оце збереться стіко там чоловік верхами, та й махнуть степом. У татар було багато скоту, а табунів ще більше. Так вони, було, займуть табун коней, та й зганяють в цю балку; тут їх пасуть, доглядають. А якщо треба переганяти коней на той бік, то один сяде на коня, займе поперед себе табун, та й пішов у плав через Дніпро... Тут ще і байрак був густий, в ньому колись товклась гайдамашня.

– Диду, а татары не бросались в погоню, чтобы отбить лошадей?

– Чому? Погоня була, та тіко рідко приходилось одбить.

---

¹ Вырубали, уничтожили.

– Почему же, разве запорожцы были сильнее татар?
– А як же! Одно те, шо вони були сильні, а друге – шо між ними були знахарі и характерники великі. Оце, було, на коні, та й гайнуть татарським степом. Повстають серед степу, поставлять відро води та відро горілки, і кружають собі горілочку... Понапиваються, співи піднімуть, аж степ разлягається... Гульк, аж ось і *орда*. Вони тоді один за одним чабульк! чабульк у воду – та й були такі... Виринуть, було, аж у Херсоні*, або й далі... А то ще було і так. Забіжать в татарську землю, поприпинають коней на прикорні, повтикають ратища на могилі, та й сплять. Діжде ночі орда і ну підкрадуваться до їх. Підійде до могили, а перед нею де й возметься великий, великий та густий ліс. Вона до лісу, а потім і к бісу... Отак запорожці одводили очі!..

– Тепер про скалу *Хмарну*, отчего она так названа?

– Тут жив запорожець *Хмара* і він був рибалка завзятий; того і скеля зветься *Хмариною*.

– А скала *Пугачи*, диду?

– Тут день і ніч пугають пугачі. Колись щогоду багато їх плодилось, а тепер виводяться, та мало. У їх вуха, мов у того зайця.

– А *Дзвиниця*? *Школа*?

– Дзвіницею названо камінь, шо він верх вивів гостро, мов справді дзвіниця; Школа – то скота¹, така печеря. Уже не скажу за що так прозвана, а тіко знаю, шо запорожці і гайдамаки ховали там свою добич, ховались козаки самі відовсякої напасті... Виховувались і парубки от некрутчини. Там, кажуть, колись давно висіла жертка, а на неї понавішувані були хомути, уздечки, сідла і всяка зброя.

Предание деда о пещере несколько дополняется другим рассказчиком. Так, содержатель Кичкаской переправы Чудновский говорит, что в этой пещере несколько десятков лет тому назад нашли сакву², наполненную «спысами»³, «брозумевты» с какого-то форменного, заметно, кафтана, большую берцовую кость человека, в которой оказалась стрела и, наконец, в одном ущелье скалы, у выхода пещеры к Днепру – несколько металлических стрел (наконечники). Разумеется, все эти находки исчезли бесследно. Последнему сообщению мы придаем большое значение, так как Чудновский еще в детстве часто сталкивался с запорожцем Матвием *Шутом*, который сообщал ему много интересного о старине. Шут умер в 1851 или 1852 году, 120 лет от роду, как свидетельствует один из его племянников. К

---

¹ Нора звериная, пещера.

² Кожанная сумка.

³ Копья.

интересной личности этого Шута мы возвратимся в следующих статьях.

Пещера «Школа» нами подробно исследована еще в 1879 году 17 сентября. Пользуемся случаем сказать об ней несколько слов.

Спускаясь скалистой балкой к Днепру, справа вы видите роскошные кусты боярышника, в перемежку – барбариса, черноклена, впереди – вид на Днепр заслоняет лозняк, скалы; слева – те же грандиозные скалы, поросшие мхом. Вас останавливает, как-то невольно приковывает эта затененная со всех сторон, поросшая зеленью площадка. Деревья, скалы, небо – больше ничего вы не видите. Где же пещера?

Осмотревшись внимательно, внизу скалы, слева, вы замечаете углубившееся в скалу отверстие, с ясно видимыми стенками. Смотря на это отверстие, вы вовсе не подумаете о пещере, предположите, что туда могут спрятаться от дождя три-четыре человека и только, но попытавшись проникнуть под этот навес скалы, неожиданно для вас над головою открывается узкая щель в рост человека с двумя темными ходами. Один из ходов ведет вправо, другой – влево. Ход влево тянется аршин 6, постепенно суживается и заканчивается небольшою, просвечивающею щелью; сюда до половины может пролезть человек с большим трудом. Ход вправо тесноватый, пробираться им нужно согнувшись. Тянется он всего 2 аршина и, направляясь несколько влево, вводит вас в главную камеру пещеры. Эта камера имеет 7 арш. длины, от $\frac{1}{2}$ до 1 арш. ширины и 5 арш. высоты. При освещении пещеры она представляется вам в виде огромной расщелины. Вверху ее видите 3 плоских, как бы нарочно один возле другого положенных камня. Между ними щели (вроде карнизов, «припичков»); такие же щели замечаете и по углам. Пол состоял из довольно толстого слоя земли. Интересовавшая нас раскопка ничего не дала: найдено только несколько птичьих костей. Пришлось утешиться рассказами старожилов, что пещера далеко раньше исследована кладоискателями, наткнувшимися при раскопке на «маслаки» (кости), «черепки» и «кремня». Присутствие копоты, надписей и др. знаков также не найдено. В пещере чувствуется сквозняк, свечка тает. Далее из пещеры тянется ход к Днепру. Ход этот загроможден камнями, узок и через него можно пролезть с трудом. Длина хода – 6 аршин. По выходе из пещеры вам предстоит также не без труда выкарабкаться на верх скалы, или спуститься вниз по отвесу.

Скала «Дзвиница» отстоит от пещеры шагов в 10 - 15; скала эта врезывается в Днепр. Таково вкратке описание пещеры «Школа».

Возвратимся снова к беседе с дедом.

– А скеля *Голуби*, диду, чого так названа?

– Голубиною вона прозвана того, що там колись плодились дикі голуби; голубів тих була така сила, що й сказати не можна. Плодились вони і в тій *Школі*, скрізь, а найбільше на скелі. Там їх зроду було ніхто не достане; а то вже як понасажували німоту, як розвелись охотники, то й птиця перевелась; під'їде з Дніпра, бебехне з рушниці, та й пада вона в воду.

– А скеля *Попова*, диду?

– Тоже одно почти, що й Голуби, тіко крайня. Піп, кажуть, упав з неї, чи що.

Вознесенскими старожилами происхождение названия скалы описывается с такими подробностями. Вскоре после проезда Екатерины II по Днепру, проехал откуда-то священник с целью осмотреть местность, посещенную царицею. Ночью, не зная дороги, он своротил с *Донского шляху*, подъехал к скале и с страшной крутизны ринулся в бездну реки. «Не стало попа, осталася *Попова* скеля».

– А балка за Поповою скалою, отчего названа *Конскою*.

– А бачите чого: Голубина скеля по голубах, а балка – по конях. Ця балка як і Кічкас спрежду називалась Кінською. Колись було давно - давно татари, або запорожці як перегонять коней на той бік продавати, то заженуть їх в цю балочку, а потім і пускають уплав. Пливають, було, прудко, вражі коні, тіко прискають. Нагайці ганяли коней у Бердичів або Яласоветград* на ярмарок. Колись плодили коней в диких степах, біля моря.

– А не тонули, диду, кони, переплывая Днепр?

– Ні, – кінь утоне тіко тоді, як набере води у вуха. З ними, було, пливають каюками і як замітять, що тоне кінь або лоша, зараз накинуть мотузкою за шию, та й переводять.

– Тепер, диду, расскажите про урочище того (правого) берега Днепра: почему камень назван *Разбойник*?

– Звісно чого: як нанесе бистря на нього пліт, або барку – тут їм і край... Тут були скелі у воді: одна вища, друга нижча, та зорвано порохом; тепер зосталось два каменя широкі, мов острівки.

– А *Радутка*, диду, *Крынычки*, *Черна забора*?

– Там де Радутка, жили не за нашего уряду запорожці. За Радуткою, – зараз же Кринички – там було багато копанок або криниць; і це ще за запорожців; Чорна забора – то чорний камінь, висунувся в Дніпро.

– А *Ступка*, *Вербки*, *Крячок*, *Гудзык*, *Чупрына*, *Казаны*?

- Ступка – то камінь у воді і в ньому ямка, мов ступка¹... Може коли який сіромаха і пшоно товк... Вербки и Крячок – то островки під берегом, біля перевозу. Вербками один прозвано, що на ньому ростуть верби невеличкі, а на другому – сидять крячки – птиці, що рибу їдять; оттого острівки і названо Крячком. Гудзик – то невеличкий камінь у воді, прозваний так, що як спаде вода, то він мов той гудзик вигляда з води. Чуприна – камінь, похоче на голову з чуприною, як колись було носять запорожці, а Казани – то забора серед Дніпра. Як прибуде вода, то каміння не видно, а крутить бистря, мов у казанах кипить.

Далее дед коснулся Днепра и его островов. Против деревни Маркусовой и ниже к Кичкасской переправе, к острову Хортице, - говорит он, - во многих местах дно загромождено дубовыми колодами и брусьями, доходящими до громадных размеров. По словам его и других рыбаков - колоды и брусья эти почернели от времени и достают их ежегодно в продолжение чуть не ста лет². Как попали колоды и брусья на дно реки не трудно догадаться, имея впереди порог *Гадючий* (Вольный), где так часты аварии. Но что это за отборный дубовый лес? Интересуясь этим вопросом более 10 лет, я расспрашивал многих рыбаков и если не получил прямого ответа, то во всяком случае догадки их сводятся к тому, что затопленный лесной материал пригодный для судостроения мог принадлежать *Днепровской верфи*, существовавшей в 1796 - 1797 годах, в урочище *Кичкас*³.

Разговорились мы с дедом об островах.

– А скажите, диду, на котором острове вода отмыла целую гору человеческих костей? Я об этом слышу уже более 5 лет.

– А це на *Прусовому*. Вісім або дев'ять год назад була велика вода, так вона в однім місті прорила острів до самого каміння; так от на тім місті кісток було стіко, що страшно вам і сказати: самі голови та ребра.

– А теперь есть эти кости?

– Есть та небагато: що весни вода ріже цим рівчаком і бистрею виносе їх в Дніпро.

---

¹ Толчая.

² В 1875 году в моем присутствии рыбаки вытащили на берег острова Расстебина (против Вознесенки) почерневший дубовый брус до 5 аршин длиною и до ½ аршин в поперечнике; в 1878 году пришлось видеть на Александровской лесной пристани Д.В. Пчелкина черную дубовую, колоссальной толщины колоду, добытую рыбаками также в Днепре.

³ Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края. — Одесса: Типография Нитче. - Ч. 1: География, этнография и народонаселение Новороссийского края. - 1850. — С. 115; Архив Покровского собора в Александровске.

– Что же это за кости, диду, и как они попали на остров?

– Бог його зна, не можна вам цього сказати.

Через два дня после беседы с дедом, мы отправились к Гадючему порогу. Минув остров *Дубовый*, протянувшийся справа на версту, увидели слева порог Прусов, к которому через четверть часа езды против течения причалили нашу лодку. Взойдя на ближайшую к порогу часть острова, мы сразу наткнулись на размытый весенним разливом овраг, на саженой глубине которого, между камнями разбросаны человеческие кости и изредка черепья глиняной посуды. Овраг этот тянется приблизительно на 40 - 50 сажений. Далее, осматривая песчаные обрывы оврага, мы увидели массу костей. Здесь из-под песка обнажались ребра, позвонки, черепа и проч. Затем в одном месте, над обрывом, натолкнулись на куст шелюги¹, между корнями которой скрывался целый ворох костей. Мы произвели раскопку в нескольких местах, при чем в одном месте находили обезглавленные остовы, в другом – одни черепа с нижней челюстью, без шейных позвонков, в третьем – отдельные части скелетов. Все это наводит на предположение о бывшем здесь страшном побоище. Остров Прусов интересен для научных изысканий историка, археолога, антрополога, так как в народе ходит слишком темное предание об этой страшной человеческой могиле.

В дополнение к народным рассказам напрашивается много других исторических догадок. Так, перечислив войны с татарами, половцами, печенегами, можно, под конец, остановиться еще на знаменитом походе Святослава Игоревича, сложившего свою голову на порогах (972 год).

ХІ.

Кичкаская паромная переправа чрез Днепр и меннонитская колония Кичкас. История поселения. – Урочище Сагайдачное. – Предание о запорожском ватажке. – Воспоминание о старине и Екатеринославе-Половице. – Запорожец Скут и серомаха Степан Великий. Смерть Скута и услуги Степана. – Запорожцы Хоз и Шутя. Знакомство с ватажками. Воспоминания. – Переправа через Днепр загадочного «волка». – Клады. – Скалы Дурная и Средняя. – Уничтожение памятников старины

У деревни *Маркусовой* Днепр круто поворачивает вправо на запад. Здесь, на протяжении двух с лишним верст река теснится между высокими отвесными стенами скал; течение ее быстро, вид дикий, очаровательный. Пробираясь этим узким, пустынным корридором, вы

---

¹ Красная ива.

переноситесь в какую-то неведомую поэтическую природу. В зеркале реки видите отражение нависших грандиозных скал, кудрявых деревьев и разноколерных в ущельях цветов, резко выделяющихся из зелени. Появление вашей лодки поднимает с ущельев целые стаи скворцов, галок, слышите крик, гам, беспокойство целого мира пернатых. И этот птичий крик и стук весел, и ваш говор – все это превращается в общий дикий стон, который подхватывает эхо, звучно вторит вам, вторит всему всполошенному миру... Минув живописные скалы «Пугачи», «Дзвиницу», «Голубиную» пред вами открываются отлогие берега Днепра, открывается *Кичкаская переправа*¹. Здесь уже иная картина, картина полная кипучей жизни, пестроты и разнообразия. Безпрестанно снуют паромы, безпрестанно раздаются дружные удары весел, звучные мелодичные песни, крики, шум, говор... Фургоны, брички, возы, волы, кони, люди – все здесь перемешано, все суетится, движется то взад, то вперед. На берегах, на паромах, у шинков кишмя кишит народ, вы видите представителей чуть не всех этнографических оттенков, слышите десятки языков. И это теперь, в особенности весною; но что же было 15 лет назад, когда не было «чугунки», когда главное движение народных масс, главные транспорты народного богатства были направлены через Кичкас? Кто давно не видел чумака, его круторогих волов, его *мажи*², отправляйтесь в мае - июне на Кичкас; кого интересует живой тип запорожца – взгляните тут же на каменского, кайдацкого лоцманов: какие умные, выразительные лица, какие плечища, усища, штанища, рукавища! Сколько отваги, удали прочтете в орлином погляде лоцмана, во всем его широком, безмерно просторном наряде...

Пересекая большой тракт, иначе *«Великий чумацкий шлях»*, *«Кримський шлях»*, *«Стовповий шлях»*, с ветвью *«Донского»*, эта древнейшая историческая переправа³ и по ныне не утратила своего

---

¹ Здесь 4 парома, каждый из которых вмещает до 9 возов, бричек с лошадьми, волами. Паром гонят веслами («на гребках»), но прежде, лет 60 - 70 назад, по указанию Вознесенского старожила Бутка (он же Гаврильченко) перетягивание паромом совершалось на канатах. Подтверждение этому, помнится, мы встречали у Стороженка при описании путешествия его по Днепру в 1827 году.

² Чумацкий воз.

³ Греческий Император Константин Багрянородный, путешествуя в X веке по Р. Х., и говоря о плавании по Днепру руссов, под именем «Крарийского перевоза», отмечает здесь переправу печенегов, херсонцев (Лерберг А. Исследование, служащее к объяснению древней русской истории. – СПб, 1819. - С. 285, 316, 317). Посол Римского Императора Рудольфа II – Эрих Ляссота в

значения: начиная с апреля, с поры движения в Крым, Донщину, Таврию - Кичкас всегда многолюден, всегда здесь толкучий «ярмарок»¹.

Справа скалистое урочище *Кичкас* превратилось в живописную цветущую колонию меннонитов. Расположившись в ложбине, колония тянется на протяжении 3-х верст. Как нельзя лучше сроднилась здесь культура с природой! Помимо хорошеньких, чистеньких домиков, дворов, вы видите роскошные цветники, богатые сады, а с этим вместе и дикий дубовый лес, кустарные заросли, причудливые скалы. При исключительно счастливых условиях, при полном благосостоянии, здесь все дышит довольством. Колония Кичкас или *Эйнлаге* основана в 1789 году; в это же время основаны и другие 15 колоний Хортицкого округа*. Первая мысль вызвать меннонитов в Россию явилась у графа Румянцева-Задунайского. По словам *Скальковского* «Граф Румянцев-Задунайский обратил внимание Императрицы Екатерины II на меннонитов, обитавших в Пруссии, особенно около Данцига и Ельбинга, которых успехам в разведении скотоводства он удивлялся во время пребывания своего в Пруссии в 7-ми летнюю войну». В том же году читаем далее: «Коллежский советник *Траппе* отправлен был в Пруссию и по его стараниям первые меннонитские поселенцы, в числе 510 душ мужского и 400 женского пола, заключили с казною условия и водворились на дарованных от правительства землях. Их желали первоначально поселить на берегах р. Конской, но после дали им землю в урочище *Хортицы* на правом берегу Днепра с островом сего имени, где они постепенно основали *восемь* в самой столице Запорожья, известного теперь под именем Хортицкого меннонитского округа»².

Академик *Зуев*, путешествуя в 1781 году, нашел урочище Кичкас пустынным. «В Кичкасе, – говорит – находится одна только избушка, в коей живет запорожец, а за полверсты от одного застраивается от г. Фалеева пристань для отправления судов вверх и вниз по Днепру, для чего и построена им на том месте контора»³. По народной памяти, в

1594 г. (Лассота Э. Путевые записки Эриха Лассоты... - С. 29 - 30), и польский инженер француз Боплан около 1650 г. (Боплан Г. Описание Украины. - С. 24), говоря о главной переправе в этом месте татар, называют ее уже настоящим именем - Кичкаской.

¹ Составление очерка относится к 1886 году. В настоящее время (1904 г.) многое изменилось. Паромная переправа совершается при помощи парового катера, а с проведением 2-й Екатерин. жел. дор. через Кичкас значительно сократилось движение подвод и грузов.

² Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730 - 1823. - Одесса, 1836. - Ч. 1. – С. 183 - 184.

³ Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева... - С. 260.

имении одиноко обитавшего в Кичкасе запорожца, мы узнаем *Матвея Шутя*, умершего 120 лет и лично известного многим старожилам. Но об нем речь впереди; теперь дополним сведения о Кичкасе из интересных сообщений *Скальковского*. «В 1781 г. Фалеев устроил здесь бухту и гавань для нагрузки и стоянки судов, отправляемых им с товарами или лесом по Днепру; тут же была и его главная контора. В 1796 году адмирал де-Рибас признал важность этого урочища и с позволения Екатерины II (по докладу Зубова 22 июля 1796 г.), вместе с графом Войновичем, основал здесь «Екатеринославскую Днепровскую» верфь. Она назначена была для постройки каботажных судов, особенно тех транспортов, которыми возили крымскую соль в магазины, учрежденные было в 1795 г. в Одессе и Овидиополе, а теперь уже давно упраздненные. Но верфь существовала всего один год, так как Император Павел, признав ее «по расположению своему не весьма удобною и в рассуждение того края (Новороссии) излишнею», указом 20 Июля 1797 года повелел ее уничтожить»¹.

Кичкасский берег, несколько ниже переправы, почти все лето запружен плотами, берлинами, барками. При близости лесных пристаней, при соседстве железной дороги, здесь главный сбыт лесных товаров. Евреи-лесопромышленники выручают до 200 - 300 тысяч, иногда до полумиллиона рублей, набивают карманы. Все это прекрасно, но здесь же в июне, июле, августе вы наталкиваетесь на картину иного свойства, картину безотрадную, повторяющуюся ежегодно. Здесь производится расплата лесопромышленников с судопроводчиками. В ожидании расчета, изо дня в день вы видите серую массу исхудалых, оборванных, голодных плотовщиков, слышите ропот, вопли, проклятия и стоны. Редкий из хозяев расплачивается по человечески, редкий обходится с рабочими без вмешательства правосудия. Не удивительно после этого видеть и по дороге в Александровск, и в самом городе, у камеры мирового судьи целые толпы народа, ищущего удовлетворения. Мало того, как вещественные доказательства чем продовольствуется судорабочий, вы видите в его руках дурно выпеченный, зеленый, насквозь процветший хлеб, сало с червями, прелое пшено. Все это напоказ приносится мировому судье, все это сваливается ворохом во дворе камеры. Картина невыразимо тяжелая².

---

¹ Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края... - Ч. 1. – С. 245-246, 267; Скальковский А. А. Опыт статистического описания Новороссийского края... – С. 114, 115.

² Описание касается 1880-х годов.

Но довольно об этом.

Оставив позади себя переправу и спускаясь вниз по Днепру, вы видите *Карлову*, *Бруневу* заборы, остров *Федорошин*¹, за ним справа возвышаются гиганты *Столбы*², еще правее, дальше между скалами, тянется и исчезает в загибе «Старый» седой Днепр³. Слева, среди реки, виднеются два камня *Стоги*, затем два выступа скалы *Дубового* острова, еще левее – берег урочища *Сагайдачного* с лесом, живописными скалами. За всеми этими «Столбами», «Стогами» и др. скалами возвышается величественный остров *Хортица*. Об этом достойном внимания острове я буду иметь случай говорить в следующей главе, а до того остановлюсь на урочище Сагайдачном.

Природа этой местности представляет луг, живописно обогнутый горами, обставленный скалами, поросший лесом, усталый зеленью. Летняя природа влечет, тянет в свои объятия и рыбака, ищущего прохлады, и горожанина⁴, бегущего от суеты, и под час туриста.

Название урочища, как полагают старожилы, получило от имени запорожского ватажка *Сагайдака*. Интересный рассказ о личности Сагайдака варьирует в с. Вознесенке, ближайшем к урочищу, и он основан на устном повествовании 120 летнего старца, лично знавшего Сагайдака, вместе жившего с ним. Передадим с малорусского вариант, записанный нами от вознесенского крестьянина Романа Булата⁵.

– Лет двадцать, – говорит Булат, – прошло с тех пор, как мы ездили в Крым чумаковать. Возвращаясь домой, мы остановились пасть волов вблизи д. *Конской*⁶.

---

¹ Остров принадлежит Анне Федоровне Марк. Дача последней приютилась в небольшом, но живописном лесу левого берега.

² Этим именем названы три громадные скалы, лежащие по пути правого речья Днепра, огибающего остров Хортицу.

³ Старый Днепр или речье – это древнейшее направление реки Речище, – это в нижней части своей (против степи колонии Бурвалъд) до того засыпано песком, что в августе его свободно переходят люди, кони в брод; зато в весеннее половодье оно служит лучшим и безопасным местом для прохода плотов и в особенности барок.

⁴ Александровск в 7 верстах.

⁵ Рассказ этот записан нами в мае 1875 г. и напечатан в сборнике «Малорусские народные предания и рассказы / Юго-Западный отдел Императорского русского географического общества. – К., 1876. – С. 415 – 422».

⁶ С. Григорьевка на р. Конке, верстах в 20-ти от с. Вознесенки, места жительства рассказчика.

Развели огонь и стали варить «кулиш»; как в это время едва передвигая ноги приходит к нам краснощекий, белый как месяц дед.

– Здорово, чумаки!

– Здорово, диду!

– Откуда Бог несет?

– Из Крыму.

– А живете где?

– В с. Вознесенке, подле Кичкаса.

– Знаю... Охота же вам чумаковать?... Таким молодым да здоровым людям можно бы и без этого богатеть!...

– Как так?

– Да так... Вы ведь живете вблизи урочища Сагайдачного?! Там столько денег, что не только для вас, – хватило бы для двух губерний.

– Какие же это деньги?

– Сагайдака!... Вы слышали об нем?

– Слышали про Сагайдака, об нем много говорят, но о деньгах не знаем.

– Да, у вас говорят, но никто так не знает Сагайдака, как я. Не один год жил я с ним в том самом лесу, который по имени его и назван Сагайдачным... Вот *сто двадцатый год* наступает – вымерли все сечевики, да и мне уж близок конец... Вы молоды, об уничтожении запорожской Сечи ничего не знаете, а ведь это было на моих глазах... Отобрала у нас Екатерина земли, имущество, деньги, войсковые клейноды... Кое-что пришлось нам припрятать в землю, да мало... Разбрелись казаки, кто куда попал... Но скучно, нигде не было уже той воли; вот поэтому-то, бывало, не один казак и дает тягу снова в Запорожье... Оставив Сечь, мы с Сагайдаком поселились на Украине... Но не на долго. Раз как то встречаюсь я с Сагайдаком, вспомнил бывшее, а он и говорит: «не привычно как-то казаку жить вместе с бабами, давай махнем к Днепру». – Добре, махнем, - отвечаю. Сказал об этом другим, а тем и на руку ковинька... Ночью собралось нас душ сорок на коней и подались степью. Хорошо тогда было - едешь, едешь и редко наткнешься на какой поселок, а еще реже на слободу; одна степь и только степь, поросшая высокою травою... Приехали к Днепру, пустили лошадей вплавь и очутились в лесу, в скалах против о. Хортицы. Наскоро поделали курени, выкопали землянки и стали жить... Жили что-то долженько. Старый Сагайдак был наш *ватаг*¹, бывало порядок дает, заботится о продовольствии на зиму, бережет,

---

¹ Предводитель партии, начальник.

кохает¹ скот, а мы в помочи ему: кто рыбу ловит, кто в разъездах... Раз направились мы в Польшу. Только что поминули Киевскую губернию, а тут откуда ни возьмись войско царицы и изловило нас восемь человек... Заставляют присоединиться к войску. Что делать?.. Не хочется... Четыре сильно заупрямились: «мы, - говорят, - вольные казаки». Далее дело дошло до «шабель», так их взяли и повешали... Нас же, четырех, «заплишили»² в казаки. Прошел год. Русское войско, в числе 2000 человек отправлялось в Крым и поэтому нас взяли для указания дороги... Подошли к Днепру, как раз в том месте, где теперь *Кичкаский перевоз*, и войско начало наводить *понтонный мост*³... Жаль мне стало Сагайдака, я знал, что его коша⁴ не минут. Отъехал я несколько в сторону от войска и пустил коня через Днепр... В то время, когда я был уже на середине реки, казаки царские пустили по мне несколько выстрелов... Далеко слишком было, не попали... Переплывши реку, я выскочил на берег и подался «чагарныком»⁵ к землянке Сагайдака. Подъезжаю, когда дед дома, а с ним и запорожцев человек десять возятся около сетей, рушниц⁶... Я им скорее: «Эй, батьку, и вы, братцы, скорее уходите - на той стороне войско мосты наводит, зайдет и к вам»... Посхвачивались все с места, а Сагайдак и говорит: «Бегите, хлопцы, приготовьте скорее *дуба* (лодку), а я тем временем управлюсь здесь»... Скрылись казаки. Старый Сагайдак вскочил в землянку, вынул из скрини⁷ серебряные и золотые таляры, высыпал на две кожи и понес на *Среднюю* скалу. Стряхнул кожи и пошли деньги по между камнями... Он тогда вынес еще боченок, да ведро с деньгами и закопал вблизи скалы. Собрался дед уходить, бросился к казакам, а тех уже и след простыл - поплыли вниз по течению.

– Эй, підождіть, братці й мене!

– Ні вже, батьку, прощай!...

Гребут, трещат весла... Прибежал Сагайдак к землянке и говорит: «Ну, хоть пропаду, а живым в руки не отдамся». Стены его землянки были выложены с жженного кирпича, крыша земляная. Он вскочил и заперся железной дверью... Я сел тогда на коня и подался берегом до того места, где войско переправившись, должно выйти на берег. Сел

---

¹ Холит.

² Силою приневолили.

³ Наплавной мост в походах.

⁴ Стоянки.

⁵ Мелкий кустарник, молодая заросль.

⁶ Ружья.

⁷ Сундук.

около криницы¹, вмокая сухари и ем... Стало войско, выходит, а майор как подбежит ко мне на лошади, как крикнет: «Ах ты, сякой-такой изменник! Ты уже отведал и Сагайдака»... Да так шашку над головою и занес. Я оправдываюсь: «Когда не верите мне, поверьте этому святому хлебу, что я не изменник. Конем пустился через Днепр по привычке, это мне не в первый раз»... Тогда майор скомандовал ехать «копиевать»² Сагайдака... Приехали... Войско обступило все курени и землянку Сагайдака. Эта землянка была обнесена железною решеткою. Кинулись к дверям, – не отворят, кричат, чтобы вышел – не выходит... Стали брать силой, стали бить окна... Разсердили этим старика и начал он с окон стрелять... За землянкою стоял стожок гречаной соломы. Солдаты свалили солому на землянку, потом штыками пропхали в окна и подожгли... Задушился Сагайдак, но выйти не вышел. Войско устроило здесь стоянку, вырубил часть дубового леса, вырезало много скота, забрало табун лошадей, кое-какие припасы и двинулось в Крым.

Долго я еще служил в казаках, а потом подался в *заброды*³... Долго рыбальчил и там. Потом пришла старость; прослышал я, что в Конской доживают веку товарищи, да и себе махнул туда. Теперь из товарищей уже никого нет на свете, да и я последние дни доживаю.

Стали чумаки отъезжать, а дед на прощанье и спрашивает:

- А шо, хлопці, чи виріс ліс в Сагайдашнім після москалів, чи ні?

– Виріс, - кажемо.

- Е, тепер вже, як вирубаєте, не виросте ніколи!...

Поехали мы, а дед подыбал⁴ в слободу и больше мы его не видели.

На этом Булат исчерпывает свой интересный, а вместе один из полных рассказов о Сагайдаке...

XII.

По позднейшим повествованиям стариков сел. Вознесенки – *Власенка*, *Бутка* (Гаврилко), *Панасенка*, *Немныхы*, *Лутая*⁵ и др., Сагайдак жил во время царствования Екатерины II в горячую эпоху колонизации запорожской степи и Приднепровья. Оставив имя урочищу, он не

---

¹ Источник.

² Колоть.

³ Рыбные ловли на море.

⁴ Пошел тихо.

⁵ Интересный рассказчик Кузьма Лутай всегда основывает свои сообщения на словах Бабуры, жившего в Маркусовой до 1875 и умершего 105 лет. Бабура, говорят, был челядником (наймытом) у какого-то ватажка, бывал часто в Сагайдачном.

был последним обитателем этой интересной пустыни. Вскоре в Сагайдачном оселились запорожцы *Скут*, *Хоз* и затем Матвий *Шут*. Поселились они почти одновременно, как говорит народная память: «До войны *Потемки* с турком» (1787 - 1791). «Скут, Хоз пересунулись з Великого Лугу, а Шут «причвалав» з Крапивної (Золотоношського повіту Полтавської губ.)» - родини своєї, куда було загнала его судьба после падения Сечи. Впоследствии Шут взял к себе родного брата Левка («мезинця»), который жил и вырос у Скута. Похоронивши последнего, он женился «в *Нескребівці*» (теперь с. Вознесенка), имел несколько сыновей, из которых и теперь живы Яков Шут – 60, Осип – 64 и Грицько – 74-х лет. Все три старика прекрасно знают дядька Матвия, помнят Хоза, много интересного передают о Скуте. По рассказам отца, Скут, по их словам, жил почти в 2-х верстах от «сидалища» Сагайдака, где и до сих пор остались следы его «кышла». По его имени балка урочища названа *Скутивщиною*, а ближайшая Днепровская скала – *Скутивцевою*. Занимался дед рыбной ловлей, имел большую пасеку, много рогатого скота, лошадей, отличался зажиточностью и хлебосольством. «Ні до кого не завертало стільки бурлак, скільки йшло їх до Скута», - говорит Грицько Шут. «Він був чоловік старого покрою: ніколи було не випусте з хати голодного, голого»... «У нас, - каже, - колись в Січі був звичай: не питай бурлака чого прийшов і хто, а посади, та нагодуй». Зимую, було, у нього ніколи не переводилась бурлашня: живе, стільки в землянці поміститься, чоловік 5 - 6... Перезимуються – і йдуть собі, хто куди втрапив...

«Попервах, - говорит Яков Шут, - батько мій жив у брата, а мого дядька Матвія. Жив поки став змысленим¹, а потім баче, що брат його не шанує і хотів змандрувать². Признався Скуту, а той і россівитував.

– Иди, - каже, - лучше до мене, я чоловік старий, роду не маю, доглядиш до смерті, – все твоє буде. Батько послухав. Дав дід грошей, батько поїхав в *Половицю*, накупив пряжі, нав'язав сіток и став рибальчить... Тоді, було, пряжу, нитки все купують в *Половиці*, де тепер Катеринослав: городу не було. А то вже як проїхала Катерина – став город... Велика сила цариця: приїхала, поклала камінець³ і сказала Потьомці: «Гляди ж, щоб кругом цього камінця був город». Через год, через

---

¹ Умным.

² Уйти.

³ Намек на заложение собора Екатериною II 9 мая 1787 г. См.: Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1730 - 1823. - Одесса, 1836. - Ч. 1. – С. 189, 261.

два, розказує було покійний батько, де взялися і дома, і лавки, і церкви і народу чужестранного до лихої години...

Год більш десятка жив батько у Скута... Дід, було, у пасіці сидить, а батько на річці... Риба ловилась не так, як тепер: було два рази закине сітку, та й повен каюк¹... Гроші ніколи не виводились; на пічі у діда було їх повен вулик²... Старі люди більше кохались у скотові, чим у хлібові – приволля було... У Скута, було, як іде череда до водопою, то аж земля гуде... Всю блукву³, було займе.

Далее Яков Шут рассказывает, что у Скута не мало жило пастухов из «сиромашни». Летом они жили под открытым небом или в куренях, а зимою в землянках. В числе других бездомных бурлак, деда нередко навещал *Степан Великий*.

Вот интересный рассказ об нем. «Степан Великий – це таке прозвище було - увійде в землянку, то й не випрямиться – такий високий. Як його прозивали по батькові, – ніхто не знав... Чудний був козак! Було куда-б не послав дід – рідко скоро вернеться. Раз, перед Великоднем, Скут послав його в Нескребівку позичать дрожжей на паску та на паляниці. Взяв він горщя та й махнув. Скоро махнув, скоро і вернувся – аж через сім год... Сьомого году, уп'ять таки під Великодні святки, стоїмо ми з дідом біля столу і місимо кісто на паски... Коли це гульк у вікно, аж ось і Степан йде. «От, каже дід, і Степан вернувся с дрожжами». Степан на поріг, та зразу дудук об стелю головою... Горщя брязнуло з рук і пішли дрожжі по хаті. «От тобі і на! Гирия його батькові, – каже, - тим то шо, швидкої роботи не хвалять». Посміялись з нього... «Сім год и горщя носив? - пита дід, – ні, - каже, - воно було заховано в скелі»... Став уп'ять жить у діда... Де було не бува, куди не хде – ніколи нікому не хвалиться.

Скуту было более 100 лет, начал он хиреть, перестали носить ноги и вскоре умер.

Интересный рассказ Левка о его смерти.

Умер дід. Я накрив його сіряком і кажу Степану: «Або ти йди кличь попа, або я».

– Ні вже, - каже, - іди ти, бо я зібрався в дорогу.

- Не йди сьогодні, - кажу, - хоть вдвох поховаємо діда.

- Ну, добре, - каже.

Запріг я коней в повозку, поїхав. По дорозі заїхав в Нескребівку, попросив на похорони діда Шевця, а потім в кріпость. Тоді ще города

---

¹ Лодка.

² Улей.

³ Низменности б.ч. вблизи реки, где пасут скот.

Александрівська не було і помину: церква, лавки, хати – все було в кріпості... Купив що треба, взяв попа. Приїздимо до землянки, аж Степан сидить на порозі і кияру підняв...

– Шо це ти з києм?

– А то, що як підніметься мертвий, то тут і присяде...

– Хіба він галдовник, хай Бог милує?

– А чого ж він вусом воде!

Поховали діда. Степан кийок на плечі і подався. Більше про нього не було і слуху. Мало у Скута зосталось грошей, мало і скоту. Гроші десь закопав дід, а скот весь видох.

К слову о гибели скота. Яков Шут говорит, что в старину часто выпадали годы народных бедствий. За год перед смертью Скута, как передавал ему отец, была страшная засуха. Хлеба, трав не было. Целыми тучами носилась саранча и, не находя пищи, дохла, распространяя страшный заразительный смрад... Скот гибнул, люди пухли с голоду, питались желудями, к муке подмешивали кураи... В довершение бедствий подскочила страшно-суровая зима. Хаты, лес, все было занесено снегом. Весна ознаменовала себя большими наводнениями. По Днепру плыл лес, плыли мельницы, хлевы, рубленные коморы и даже крыши хат... Лето было одно из урожайных, но потерь не могло вознаградить. Но и после этого, говорит старик, было много несчастных годов, про которые долго пришлось бы рассказывать¹...

---

¹ Пользуясь печатными и архивными источниками о Новороссийском крае, считаем не лишним привести здесь более близкие к описываемой эпохе годы народных бедствий.

1770 г. Повсеместный неурожай, голод.

1771 г. В Запорожье моровая язва. Многие села, шанцы обезлюдели.

1772 г. Чума в Крыму, на Украинской линии, в Донщине. Разорительное наводнение.

1780 - 81 г. Неурожай, засуха, саранча.

1783 - 84. Чума на юге и карантинные меры в Екатеринославской губернии.

1785 - 86. Чума.

1788. Жестокая зима.

1789. Страшное наводнение.

1794. Неурожай, засуха, саранча. Прекращение вывоза хлеба за границу из Новороссийских портов.

1798- 99. Засуха, саранча. Раздача хлеба из провиантских магазинов. Запрещение вывоза хлеба за границу. Смертность, падежи скота. Зима жестокая.

1805. Неурожай, саранча.

1807. Наводнение в Приднепровьи.

Левко, как мы сказали раньше, женился в Нескребивци, на дочери запорожца Шевця. Похоронив тестя, он жил на его месте, на этой самой «батькившине» живет и сын его Яков. По словам сыновей, Левко Шут умер в 1854 - 55 году, имея более 100 лет от роду.

Запорожец Хоз жил на пепелище Сагайдака, в 2-х верстах от Кичкаской переправы. Защищенная скалами местность эта в то время прикрывалась дубовым лесом. Днепр здесь в 70 - 100 шагах. Под старость он женился. Бабка, говорят, пекла бублики и носила продавать в Кичкас. Детей не было. По словам 80-ти летнего Игната Бутка и др., жил он в небольшой хатенке.

Вся внутренняя обстановка изобличала в нем завязанного козака-рубаку. Стены завешаны «ликами», «рушницами», «пистоллями», «шаблями», «лядунками». Зброя дорогая, хорошая. И чего только не было у него из старины Запорожья!.. «З молоду він був великий воїн!» заключает Бутко. «Його часто навіщали запорожці з Великого Лугу. Все народ багато одягнутий та бравий». В престарелые годы он оставил рыбную ловлю, охоту и засел на пасеке. Бабу пережил и опять остался бурлакой. Умер в двадцатых годах текущего столетия, имел более 100 лет от роду.

Коротка и отрывочна история запорожца Хоза.

Последним обитателем Сагайдачного является запорожец Матвей Шут, известный также под прозвищем *Дворянина*¹. Он раньше жил на противоположной правой стороне Днепра в урочище *Кичкас*².

По приезде немцев (1789), он счел соседство их не по душе и потому перебрался на пепелище Сагайдака к Хозу. Подобно Скуту и Хозу, он вел знакомство со многими запорожцами из *Великого Луга* и в особенности дружил с *ватажком*, жившим верстах в 8 - 10 на *Донском шляху*. Вот что об этом рассказывают Кузьма Лутай и Василий Панасенко, словами запорожца Бабуры.

1812. Чума на юге. В Екатеринославской губ. усиление карантин. Голод. Суровая зима.

1813. Жестокая зима и гибель скота. Несмотря на малонаселенность в то время Екатеринославской губ., погибло 13 544 лошади, 40 330 шт. крупного рогат. скота, 70 323 шт. овец, на сумму 1 668 094 руб.

1818. Наводнение в Приднепровьи, страшные потери.

1821. Неурожай, саранча. Выдача продовольствия из провиантских магазинов.

¹ «Він був дворянського роду» – объясняет племянник его Грицько Шут.

² Его «хатина», по словам Грицька, стояла вблизи скал, в том месте, где теперь лесная пристань, что против Федоришиного острова. Тогда на всем набережьи был дубовый лес.

«В балочці над Донським шляхом, жив *ватажок*, або *королек* с цілою *ватагою*¹ запорожців. На могилі, було, поперемінно стоїть козак. Ото як заміте *валку*² чумаків, то зараз на дорогу і стромля в землю *ратище*³; біля ратища, на повстині кладе кусочок хліба, риби, дрібок солі, пшона, цибулі і іншого, чого їм треба. Покладе и гайда в терен до ватаги... Сидять та й дивляться. Під'їжджає чумаки до ратища, та й тпrrrr-у!.. Хто кладе на повсті хліб, хто сипле пшона, хто риби, хто цибулі, борошна, солі, сала... Накладуть харчів сіромом, та й з Богом далі... Та й чом не дать?! Тоді чумацька валка була *паровиць*⁴ сто, двісті, триста... По жмені борошна з воза, по шматку хліба, сала, та й от стіко стане!.. Запорожці, було, ніколи не зачіпають чумака, а скоріш стають в пригоді від всякої напасти в степу... Тоді слобід тут не було, степ дикий, звіру, татарви шлялось до чорта... Тіко й людей було, що запорожці... Так от цей самий ватажок союзно жив з Матвієм Шутом. Тут, кажуть, в Сагайдашнім, була у їх і *скарбниця*⁵...

Далее дед Панасенко, припоминая рассказы Бабуры, описывает наряды, вооружение, удаль казацкую.

«Любо було глянуть, як наїдуть запорожці в Сагайдашне! Народ все широкоплечий, усатий, бравий... Голови голили... Тоді ще мода була носить чуприну; то оце у кого довга – візьме і обмота кругом вуха. Жупани, пояси, шапки, сап'яни на їх були дорогі... По бокам і позад сидла у кожного пістолі, шабля... А на конях їздять!... Оце, було, зіскоче, пригнеться і летить як муха... Коней у них дуже гладких, важких не було, а так саме в тілі... А шо було за швидкі, шо за меткі, – так кати його батька зна... Було звіра там якого накіне оком – ото вже й його: чи кабана дикого, чи сайгака, – везе в тороках⁶... Дорогою їдуть – як мак цвіте: і синіє, зеленіє, червоніє... Попереду корольок, а за ним джура⁷, козаки. Коні добре знали козацький норов. Було ідуть тихо, потом виграють підтюпцем, а далі як залопотять... Пішла курява степом...

Часто запорожці бились з татарвою. Хитре бісове кодро... Посідають, було, на низеньких коників і біжать комишами. Тоді комиші були вище чоловіка з конем... Ну і запорожця було чорт не

---

¹ Отряд, ватажок – предводитель.

² Чумацкий обоз.

³ Держак, древко копья, пики.

⁴ Пара волов и чумацька мажа (воз).

⁵ Казнохранилище. От скарб – казна, клад.

⁶ Привязка сзади седла

⁷ Слуга.

проведе: носом чує татарюгу, зна по птицях, по звіру... Тоді, було, з якого краю сполохана¹ птиця, або звір - з того і жди біди...

Малороссы до сих пор помнят о татарских набегах, о тяжелой татарской неволе. В этом случае из всех записанных нами преданий более всего представляет интерес рассказ Якова Шутя.

«Був я ще – звиняйте – безштаньком, літ 12 - 15, тоді ще було запроста; то оце покойні батько і питають діда Шевця (тестя):

- Тату! Шо, добре вам жилось за старого уряду?²

– Ні, - каже, - сину, не тоді добре жилось, а тепер... Тоді забіждала орда, було велике разбойство... Як жене орда челядь, то здалека чуть як стугонить земля... Далі підніметься в степу клекіт... То оце запорожці засядуть великою силою и одіб'ють... Люди кланяються нам, плачуть, цілують одержу, руки, ноги. Кошовий, було, велить ловить і розбивать орду. Було ще і так, що де пройде орда, так комиш, бур'ян і виляже, так слідом і валяються люди. Вони, було, зараз убивають, котрий пристане, або занедужа. Гнали людей в Крим, бо Крим ще був не наш – турецький. Об цім і тепер єсть пісня:

По тім боці огні горять, –
Нікому тушити.
По сім боці Орда суне,
Нікому спинити.
Зажурилась Україна,
Шо нігде прожити,
Витоптала Орда кіньми
Маленькі діти.
Малих дітей витоптала,
Старих вирубали,
Молодую челядоньку
У полон забрала...

Швец говорит - наименьший 60-ти летний внук его Яков, как передают многие старшие его, принадлежал к числу «стародавних людей». Он провел молодость и состарился в Запорожье. По собственным его рассказам не раз видел смерть и на суше и на море... Пережил двух цариц и двух царей и умер в глубокой старости. «Його годам и счету не було».

Возвратимся снова к личности Матвея Шутя. По рассказам племянника его Грицька, дедов Кузьмы Лутая, Илька Савоськи³, Гната

---

¹ Напуганная.

² При старых порядках.

³ Деду Савоське тепер за 80 лет. Года три назад он оглох, но еще бодр, не

Вутка и др., он в свои лучшие годы был также ватажком - его все слушали, к нему со всех сторон «набигалы *вистцы*»¹, наезжали казаки, бурлашня, заходили сиромы... Это, говорят, было за Екатерины, - это было в то время, когда в Новороссии витал дух Запорожья, когда *Дикое поле и Великий Луг* открывали притон бурлачеству в самом широком смысле.

У него бывали, говорят, и характерники. Вот что рассказывает об них Кузьма Лутай.

Понаїжжають, було, до Матвія характерники і давай вихваляться пістолями. Той каже - мій дальше б'є, а той - мій. Позаряжають і давай стрілять. Оце один стріля, а другий руку підставля... Куля в руку, а він тоді і кида межиочі: «На тобі!.. Яка гаряча, цур їй»...

По словам Грицька Шутя и Илька Савоськи, Матвий вел «велику кумпанію» с ватажками-характерниками *Громухою* и *Харсоном*, жившими в *Крутом Яру*, вблизи нынешнего села Бельногого, Екатеринославского уезда. Передадим рассказ Савоськи.

«...Було наїдуть до Матвія Харсон, Громуха і нум кружать горілку... П'ють, було, тиждень. Потім убираються їхать. – А ну сідай коней! - кричать на прислужника... Той бере сідла і журиться: «Де ж їх в світі Божому шукать, коли вони їх самі батогами позаганяли в степ!»... А тут ще й коні, як зміяки... Вийде прислужник на гору, подивиться – один комиш, бур'яни. Насилу сам втрапе до куреня... Сяде та й плаче... «Чого рюмаєш, - давай коні!» – кричать. «Нема, - каже, - зайшли в степ». То оце один із їх закладе пальця в рот, як свистоне, як свистоне!... Піди, - каже, - дурню, он вони під дубом... Гляне – аж справді стоять, як укопані»...

О них же Грицько Шут передает:

«...Громуха і Харсон були гайдамаки... Раз приходе хлопець-сирота і просе: прийміть, дядьки, до себе... Приставай, - кажуть. Розгляділись- аж у нього вошви і не оббереш... Ватаг і каже, - з цього хлопця будуть люди!... І велів зарізати валаха. Козаки зарізали, оббілювали, ватаг роздяг хлопця і обернув його теплою шкурою. Воші так і поналипали. Зарізали другого валаха і уп'ять його обгорнули. Налипло і на ту шкуру до-біса... Буде, каже ватаг, а то як вся вошва зразу вилізе – пропаде хлопець... Стали його зодягати, годувати і став він у їх кухарем... Оце, було, ідуть у Польщу гайдамачить і приказують: «Дивися, висить на дубі дзвоник - як задзвоне вперве–учиняй діжу; як

расстается с рыбацъей сетью, живет на слободке - предместье г. Александровска

¹ Гонцы с вестями.

задзвоне вдруге – печи і вари... Вони ще далеко, а кухар пече, варе... Стане все готове, – ось вони вже й тут.

Запорожец *Шут*, как мы сказали раньше, по началу жил по правой стороне Днепра в урочище *Кичкас*. Он был свидетелем и устройства Фалеевской *пристани* (1781 - 83 г.), и переселения меннонитов (1789) и устройства *Екатеринославской Днепровской верфи* (1796 - 97 г.). Это подкрепляется интересными рассказами, в которых фигурирует имя Матвия. Столетний меннонит Гепнер¹, деда Власенко, Немныха и др. вот что передают о первом знакомстве с ним немцев.

...По приезде немцев к Днепру обоз их переправился на остров Хортицу и остановился на берегу *Музычиной* балки. Это было в летний день, на закате солнца. При безлюдьи в то время, первым обывателем скалистой пустыни Днепра явился к ним Матвий Шут. На первых же порах он поразил немцев и своею наружностью и своею отчаянною душегубкою, на которой причалил к берегу. Был он среднего роста, средних лет, широкоплечий, сутуловатый. Это был запорожец-силач, - говорят Гепнер и Власенко, - который поборол бы медведя. Вышел он из лодки босый, простоволосый, «розхрістаній», с длинными усами, с трижды закрученою за ухо чуприною... Наряд его представлял девиз полной свободы! На нем была белая с широчайшими вымереженными рукавами сорочка, синие широкие на очкуре штаны – вот и все. Но зато казак носил *черес* набитый червонцами! За этим чересом с одной стороны висели длинный, в кожанном чехле нож, ложка, с другой – люлька-жинка, а из «кишені» высматривал кисет, с тютюном и крицей.

Подойдя поближе к повозкам, Матвий поздоровался, завел речь «по своему», но видя, что немцы «ни бельмес», ругнул, плюнул и в лодку.... Поплыл козак, затянувши песню на весь Днепр.

Не скоро суровый казак изменил свои отношения к немцам. Последние сами стали навещать его, покупать рыбу.

По словам рассказчиков-малороссов, Матвий никак не мог помириться с чрезмерною скупостью немцев, с полным отсутствием у них гостеприимства. «Хотя Матвий бывал у них и с своей ложкой, говорит Панасенко, но возвращался до куреня голодным».... «У них, - говорит, - у гости идут и хлеб с собой берут!.. Чорт знает, какой звычай»...

«Дядько Матвий, – рассказывает дальше Грицко Шут, – поставлял рыбу для артели строившей суда на Кичкасе». Приведем рассказ дословно.

---

¹ Недавно умер. Отец Гепнера принадлежал к числу первых основателей колоний на острове Хортице.

«Старий Скут і дядько Матвій рибальчили вкупі. Тоді заводилось по той бік Дніпра (справа) миралтейство¹. Людей до пропасті та все руські². Здорово купували рибу, особливо марину³, та тіко не тямили її варить: було не доварять гаразд, поналопуються ікри і бігають з животами...

Поболіли всі, перестали брать рибу. А тут, як на те, ловиться, та все марина. От Скут и радиться з дядьком - шо його робить, каже, - риби до пропасті, а купувать нікому? А що, - каже Матвій, - давай вуса поодрізуємо і піде марина за в'язів та головнів. – Так пізнають? Чорта з два, у їх нема тями розібрать де короп, а де сом... Добре, чи так - то й так. Поодрізували вуса, одвезли. – Это опять марина? – питають. Яка же це марина? Та з вусами, а це ні. – Что же это за рыба! – Всяка, кажуть: окуні, головні, в'язи, чахоня. - А где же марина? – Повипускали у воду. – Ну, когда нет марины, – бяри... Забрали рибу, як єсть повен каюк. Поклав Матвій гроші в кишеню і каже, - глядіть же, добре варить, та не жалійте солі.... Стали вони лучше варить, – стали здорові».

Рассказы Грицка представляют интересную характеристику запорожских нравов. Забавен рассказ его о том, как Матвий перевозил волка.

«Раз дядько у ночі рибальчив. Підїхав до берега і перебира сітку. Коли це шелесть, шелесть, та з берега пліг у каюк. Плигнув і сидить у носку. Дивиться він – вовк, та ще й здоровий... Шо йому казати? – Шо стане каюк повертать до берега, він до нього-г-р-р-р! А потім і заведе стиха аввв-ууу! Стане отпихать на річку – вовк сидить тихо. Взяв тоді дядько і повіз його з Сагайдашного на той бік... Підїхав до берега, вовк вискочив, стряхнувся і побіг. Вибіг на гору, сів, та як завис, як завис... аж луна⁴ ляга Дніпром. Дядько перехрестився і повернув каюк на Дніпр.

Пройшло троє років. От раз їхали козаки через Кічкас і завернули до дядька в Сагайдашне. – Здоров був, Матвію!

– Здорове.

– Чи пізнаеш? - пита один.

Дядько приглядується.

– А? Це ти, Павло! Здоров, братику, здоров... Та й давно ж ми бачились.

---

¹ Адмиралтейство. Грицьку врезалось слово, слышанное от дядька.

² Великоруссы.

³ Усачь (Barbus vulgaris).

⁴ Эхо.

– Та де ж, пак, чи не давно?...

А як же, - год десять або й більше буде... Знаєш, як їхали з Польщі...

– Знаю, тіко то давня річ. А пам'ятаєш ти, як ми з тобою бачились три годи назад?

– Три годи? Що це ти кажеш?

– А хіба забув, як перевозив вовка?

– Вовка?

– Вовка ж! Ото був я... Прийшлось тікати з бувальців, так щоб кому не в замітку, я шкуру на себе і пробіг вовком. Тепер заїхав подякувати тобі, Матвію, за перевоз...

Погостювали сіроми і подалися степами.

На тему о запорожских нравах небезынтересный рассказ сообщил нам дед Каптюх.

«В Вознесенку, з Великого Лугу, перебрався запорожець Василь Зозуля. Годами він був далеко старіший Матвія, а меткий як дзига. Оце на коня, та й в Сагайдачне. Злізе на дуба, та й ну: *ку-ку! ку-ку! ку-ку!*.. Матвій сховається в траву, та й собі: *під-підем! під-підем! під-підем!*, а далі: *ховав! ховав! ховав!* Тоді Василь злазе і до Матвія.

– Доров!

– Доров!

– А що, горілка є?

– Є, та погана.

– Аби до чорта!

Посідають біля барильця і ну кружать. Розвеселяться, – піднімуть співи. Було п'ють, п'ють, а потім давай борються і через ногу, і під силу, і по циганському і по турецькому... Потім поморяться і давай спать. Сплять було двоє суток підряд. Та ще й сплять по козацькому - як не ціпом, то й не збудеш».

По рассказам племянников, Матвий остался один по смерти Скута и Хоза. Для себя «нап'яв хату, для коня – землянку». Пока был моложе, пока было вольнее, имел много скота, овец, держал челядников, но впоследствии, когда населилась Вознесенка – Матвий сбыл все и на деньги поставил два ветряка. Средства для жизни у Матвия были прекрасные - денег, говорят, тьму имел и при себе, и где-то в скале, но не под силу жилось без помощи и с деньгами. Чтобы выручить из беды, - говорит Каптюх, - вознесенцы пристали к нему: «Женись та й женись, бурлаче».

– На біса? - каже.

– Як на біса? Помічь буде.

– Та я не знаю, як з бабами і балакають - цур їм.

– Навчися, - кажуть.

«Довго не хотів, а потім подумав, що на рабiтників плоха надія і каже: «Чи женитись, то й женитись, - шукайте бабу». Найшли, оженили... Чи пожив год, чи ні – умерла. Захотів уп'ять женитись вдруге. Умерла і та. Він давай втретє – ніхто не йде. Кажуть, - за ним жінки мруть, – страшно. Шо його робить? Давай шукать, давай могоричить сватів. – Шо, - кажуть, – то не хотів, а тепер просиш? – Та коли, каже, до гріха довели, то шукайте третю, та тіко не стару, хай їй хрін... Найшли йому і молоду. Довго жив з нею».

Плем'яник Матвія, Есип, розказує:

«Жив я у Матвія, хлопцем. Було виїжджа на рибальство проти ночі, а вертається перед світом. Іде далеко в скелях і бубонить, – ото Богу молиться. Як шо говоре, то все наче кричить. Я було часто питаю, - чого ви дядьку кричите, тут же ліс і нас тіко двоє? – То-то шо ліс, каже, тут тіко и покричать.

Снідає сіда, то все мочє сухарі. Ласощів не знав. «То, - каже, - витребеньки». А як ночує дома, то прокинеться на зорі и маца, - де корячок. Як найшов, – зараз з під ліжка тикву витяг, налив, випив і сніда. У піст, було, приказує:

– Вари, Йосипе, нещадима!

- Якого?

– Хіба не знаєш? Ну *холостого борщу* по вашому.

– Якого холостого?

– Тю, дурний народ став! Холостий – значить такий, щоб видивиться можно - сирівець та вода.

Цілий піст, було, пропада над тим нещадимом, а ще й здоровий був.

Далі, - говорить Йосип, - став дядько старіється, став слабіть.

На виду червоний, як налитий, а ноги не носять, очі не бачать. Перед смертю зовсім осліп».

По словам близко знавших Матвія, он умер в начале 50-х годов, имея от роду по одним 103 года, по другим 107 и даже 113 лет.

В сороковых годах Матвія нередко посещал Етеринославский губернатор *Фабр*, много беседовал, много исходил с ним скал, урочищ. Жаль, что *Фабр*, путешествовавший нередко с научной целью, не оставил своих записок.

Вращаясь между рыбаками, Матвій много передал запорожских песен. В дряхлые годы, говорят, он пел с большими перерывами, пел и плакал... В это время перед ним воскресала жизнь, оставившая глубокие следы в памяти, воскресала широкая, безвозвратная вольница, безвозвратная молодость... Мы имеем прекрасные, заимствованные от него варианты песен «Про руйнування Січі», про последнего кошового Калныша, сотника Харька, ватажка Савву,

Морозенка, Перебийноса, Лебеденка, про Днипр и др. Из записанных, в течение 16-ти лет песен о Днепре самый интересный, самый полный вариант сообщил нам Василь Гончаренко (Панасенко). Вот его содержание:

Ой не сам я йду слободою,
Та ведуть мене громадою,
Називають бурлакою,
А мого брата розбишакою,
А мого ж коня пробіякою.
Горе же мені на чужині.
Шо не вмісті брати мої:
Шо один в Січі отаманом,
А другий десь ватагом.
Я сам молод по над Дніпром хожу,
Дев'ятеро коней вожу,
А на десятому, вороному, роз'їжджаю,
Дніпра братом називаю.
Скажи, Дніпре, скажи, брате,
Скажи мені усю правду:
Скажи броди бурлацькій
Перевози козацькій?
З устя моря до вершини
Сімсот річок ще й чотири,
Та всі ж вони в Дніпр упали,
Дніпра правди не питали.
Одна річка Синявочка,
Та й та ж тіко в Дніпр не впала,
Дніпра правди все питала,
Рідним батьком називала.
Ой-ти, Дніпре, чим ти ясен,
Чим ти ясен, чим ти красен,
Чи своєю довжиною,
Глибиною, шириною,
Чи крутими берегами,
А чи жовтими пісками,
А чи темними лугами?
Ой ясен, я, козаками,
Козаками, – бурлаками,
Бурлаками й рибалками;
Вони ж мене звеселяють,
Вони з мене добич мають.

Жалується Лиман морю,
Що Дніпр узяв свою волю,
Свої гирла прочищає,
Лиман – море засипає.

В Сагайдачному, говорят, есть клады - гайдамацкий, Сагайдака – на Середней скале и где-то у подошвы ее; Скута и Шутя вблизи их кишла. Был когда-то клад и на ближайшем острове (Федоришином), но взят. Вот что рассказывают об этом. В 1845 году во время сильного наводнения остров размыло, снесло бугры. После, когда вода значительно понизилась, рыбак Власенко осел кошем на острове и вот случайно, между камнями нашел казанок с червонцами. Казанок, говорят, красной меди, «настоящий запорожский». Власенко подобрал казанок и поспешил в Вознесенку к жинке. Найденные гроши представляют и страх и радость. Но что с ними делать?... Баба выражает мужа на рыбную ловлю, а сама закапывает гроши до удобного случая размены. Однако этого случая не представилось. Клад лежал два года и место его было известно только бабе¹. В 1847 г. была холера. Возвращается как-то Степан с речки и застаёт бабу сложившую руки на лавке... Долго искал он клада, перекидал хату, перекопал огород, рыл под грушею – нет и нет по сей день. Но клад, говорят, все таки не переходил из огорода Степана и по этому ежегодно в ночь под Великдень, зоркий глаз соседа следил, не блеснет-ли огонь?

Лучшую местность урочища Сагайдачного представляют скалы – «Дурна» и «Середня», отстоящие одна от другой в 150 шагах. Первая из них живописным мысом врезывается в Днепр, вторая - обрамленная лесом, брошена на суше. Возвышаясь на 70 - 100 футов, эта скала формой представляет громадный степной курган, в окружности имеет 630 шагов, поросла деревьями, кустарниками. Но все и дикий, величественный вид скал, и зеленеющие деревья и разноколерные цветы и благоухающие в ущельях ландыши, все это бледнеет, помрачается пред ее историческим прошлым!.. Скала эта утратила свое страшное имя «Казной», оно унесено в могилу, но в народной памяти пока живет предание, правда темное, но тем не менее дающее ясный намек на событие из народной истории, на событие, давшее скале имя «Проклятой» и «Казной». Здесь, как передал нам столетний Немныха, здесь, по рассказам слышанным им в молодости, казнили запорожцев. Еще «за царя Петра и проклятого Мазепы» здесь было место для

---

¹ Степан Власенко подчас не прочь был запить и потому баба мало ему доверяла.

«палей» и «шибинець»... Если верить преданию, не здесь-ли лилась кровь, угасала жизнь козаков за измену Мазепы? При такой догадке невольно восстают из мертвых имена Галагана, Яковлева, Кандыбы и других героев необузданной мести, бросивших мрачные следы в истории¹ XVIII века.

По рассказам дедов, в старину пространство между скалами Дурной и Середней было затенено густою стеною леса - зеленели вековые дубы, белели тополи, – теперь же, на месте чащи, образовался глубокий залив. Залив этот на языке рыбаков «прориз», заканчивается каменистым оврагом, который при разливе вод совершенно отрезывает Дурную скалу от материка, и в это время она представляет возвышенный остров.

Как-то мы, спрашивая деда Лутая о Сагайдачном, завели речь о проризе.

– А давно, диду, образовался прориз?

– Це ще за великої води.

– Когда же была эта великая вода?

– В сорок п'ятім годі. Тоді с Кічкаса плило чотирнадцять хат², а вознесенці у пічах ловили сомів. Після сорок п'ятого году в цій прорізі навалено було стіко дуб'я, коріння, шо страшно і глянуть.

Взобравшись на ту или другую скалу вы видите чудный в тиши хрустальный Днепр, слышите и шумные, и звонкие, нежно ласкающие слух переливы вод, наблюдаете живописно раскинутые окрестности. Пред вами угрюмые «Столбы», «Стоги», далее видите укрепленную часть острова Хортицы, с его кудрявыми грушами, нависшими скалами, песчанными берегами и откосами, и еще далее горизонт, упирающийся в него могилы и кряжи степи.

Были..., - тяжело произносится слово, - были здесь когда-то и памятники старины. В тридцатых годах, по словам старцев, на Средней скале можно было видеть оригинальный камень *Люльку*, формой своей представлявший громадных размеров трубку «с чабуком и протычкой», а в 1875 году и позже не раз представлялся случай нам видеть на той же скале «лижко», «стуло», «сидало», на языке горожан – кресло Сагайдака. Кресло это, расположенное на вершине скалы, ни что иное как грубо обработанный камень, на поверхности которого

¹ Костомаров. «Мазепа», стр. 528-532. Бантыш-Каменский «История Малороссии», т. III, стр. 112, примеч. 148.

² Это подтверждается кичкасскими старожилками. Помимо этого на одной из улиц колоний и теперь встретите скалу, на которой отмечено место уровня воды цифрой «1845 г.» На той же скале фута на 4 ниже «1877» – также год обильного наводнения.

выдолблены углубления соответствующие лежащему положению тела. Памятник этот заслуживал глубокого интереса, привлекал любопытных, приковывал внимание туриста. Но не одинакова судьба наших памятников! Одни из них сделались достоянием науки, другие просят пощады у времени, или исчезают бесследно. Такой печальной участи подверглись и «люлька» и «кресло» Сагайдака. Последнее взорвано порохом, погибло от рук невежества. Разрушение его приписывается пьяной компании из Александровска.

Не изгладились, однако, казацкие пепелища. На месте куреней Сагайдака, Хоза, Шутя остались ямы, поросшие дикой коноплей и чабром, а несколько ниже к Днепру, песчаный бугор, усеянный черепками посуды, костями, углями. Среди этих остатков попадает железо, свинец, ружейные кремни, монеты.

Время многое изменило, остались воспоминания... Там, где шумно, бурливо кипела жизнь, где ржали кони, лилась казацкая песня – тихо, бесследно... В ночную пору сумно, одиноко кричит пугач, сумно вторит эхо...

ХІІІ.

Колонии Хортица и Розенталь. – История местности. – Следы потемкинского дворца и сада. – Урочища по Днепру и речке Хортице. – След острова Малой Хортицы и воспоминания старожилов. – Запорожская креница. – Замечательный вековой дуб. – Окрестные могилы. – Урочище «Царская Пристань»

На речке Верхней Хортице, в 3-х верстах от впадения ее в Днепр, поселены две богатые меннонитские колонии – Розенталь и Хортица. Насколько помнят старожилы, р. Хортица значительно укоротила свое протяжение, сузила берега и обмелела. В 1789 году, по приезде первой партии меннонитов из Данцига и Эльбинга, на том месте, где ныне смежные колонии Розенталь и Хортица, была русская деревня, название которой не помнят, знают только по рассказам, что она принадлежала князю Потемкину. На возвышенном отроге балки Канцерской, по которой в то время протекал глубокий ручей, стоял лицом к долине р. Хортицы деревянный дворец князя, а в самой балке фруктовый сад, пруд и водяная мельница¹. Так как русские крестьяне

---

¹ По архивным данным Покровского Собора в Александровске и печатным «Материалам» Феодосия (I, 116 - 121) видим, что на р. Верхн. Хортице в 1781 г. возникла дер. Ново-Григорьевка на даче светлейшего кн. Григория Александровича Потемкина. В 1784 году в ней считалось жителей 58 м. и 56 д. ж. пола и в это же время здесь учрежден приход. В 1787 году дворов

готовились к выселению, а одновременно сносились владельческий дворец, кирпичный завод и другие постройки, – меннониты утвердились в наскоро устроенных землянках, – одни в урочище *Хортицкий Степок*, близ Днепра, другие «у старого дуба» под горой, выше по течению р. Хортицы. Это было, говорят старожилы, после лютой очаковской зимы (1788), памятной разорительным наводнением, почему «Степок» был окружен водою и им пришлось переезжать в брод через мелководное речиче, сливавшееся с устьем р. В.Хортицею.

В следующем 1790 году, сплавом по Днепру правительством доставлен был лес для заведения первых 8-ми колоний Хортицкого округа¹. По уходе крестьян, на пепелище русской деревни меннониты распланировали колонию с усадьбами для каждого хозяйства, а сад кн. Потемкина обратили в «общественный». Сад под этим названием существует и теперь, причем живыми свидетелями давнего его происхождения служат вековые дубы и стройные, гигантских размеров, белые тополи. Не долго, говорят, оставались следы Потемкинского дворца. Камни фундамента пошли меннонитам для такого же назначения, а жженый кирпич с подвалов и погребов разобран на устройство печей.

По возникновении колоний, на р.Хортице устроена была общественная водяная мельница, но просуществовала не долго. В 1800 году, весной при сильном разливе речки, плотина была размыта, а с нею снесена в Днепр и мельница. Ныне, на месте старой плотины, шагов на 200 через речку переброшена новая, в виде довольно возвышенного вала, которая служит безпрепятственным сообщением жителей одной стороны речки с другой.

Говоря о прошлом этой местности, старожилы меннониты Абрам Завадский (71 г.), Корнелий Тиссен (83 л.), Ремпель (90 л.) и Яков Гепнер (91 г.), между прочим сообщают следующие интересные предания.

считалось 49, жителей – 81 м. и 79 ж. п. В этом году упоминается в Ново-Григорьевке «путевой дворец», где Екатерина II, путешествуя в «полуденные страны России», имела ночлег (Журнал высочайшего путешествия в 1787 г., стр. 63). В 1790 году на месте Ново-Григорьевки «при урочище Высшая Хортица» поселены немцы, а крестьяне, по источникам Феодосия, выселены в казенную слободу Томаковку, по архивным данным Покровского собора – в дер. Любимовку, на р. Нижней Хортице графини Скавронской. *Я.Н.*

¹ Колонии эти – Розенталь, Хортица, Шенгорст, Нейендорф, Нейенбург, Кро-нсвейде, Эйнлаге (Кичкас) и Остров-Хортицкий. *Я.Н.*

Лет за 15 перед Очаковской зимой, в Приднепровье было опустошительное наводнение, какого до той поры не знали в Запорожье. Тогда, говорят, сильно пострадали «горошние», выше порогов лежавшие села, и в то же время произошло большое изменение в топографии Поднепровья; в других – снесены давние острова и образовались наносные новые, в третьих – образовались новые уступы, гирла и лиманы. А сколько вылегло леса на островах и в Великом Лугу, дополняют рассказчики, - «так страшно и подумать». Ниже Никополя, говорят, Днепр был совершенно запружен «корчагами». В описываемой местности при устье Верхней Хортицы, был, говорят, в то время, кроме большого Хортицкого острова другой, поменьше, названный с начала урочищем «Хортицкий Степок», а впоследствии Schweinskopf, как мы упомянули раньше. На нем, по рассказам казаков, было до 400 - 500 дес. Возвышенная и скалистая часть его, начиная от «вышей головы» у скалы «Рогозиной» и кончая «низшей головой» у скалы *Канцеровой* до устья р. Хортицы была покрыта дубовым лесом, низменная – тополями и ивами. Здесь же, с северо-западной стороны скалы Канцеровой, в долине р. Хортицы, на протяжении $\frac{1}{2}$ версты в длину и полуверсты в ширину возвышались песчаные кучугуры. Место кучугур, по рассказам, как и в Великом Лугу, покрыто было непролазными кустарниками и здесь-то водились сайгаки. Но при необыкновенном подъеме вод, кучугуры были снесены и это вырванное стихийной силой пространство запорожцы назвали *Вырвою*. С той поры, говорят, скала Канцеровая ежегодно в апреле и мае омываемая речью Вывой, и принимает вид острова¹. Помимо рассказов немцев розентальцев и хортичан, в 1870-х годах нам пришлось записать от 92-х летнего старца колонии острова Хортицкий Якова Гепнера такое повествование. Хортицкий Степок с кучугурами когда-то омывался речью и назывался островом Мало-Хортицким. По преданиям, заимствованным от запорожских казаков и по личным воспоминаниям Гепнера, Степок окружен был водою в годы наводнений – 1788, 1800, 1824 и 1845. В последнем году, омывавшим справа «Мало-Хортицу» речью (у Царской пристани) пронесло с порогов две водяных мельницы и с ближайшей колонии Кичкас 5 деревянных изб. После 1845 года немцы устроили через речью высокую гать, а затем, обезлесив местность с востока, открыли полный

---

¹ Заметим, что остров этот, низменная сторона которого к югу покрыта лесом, занимает площадь до 12 дес.

простор сыпучим пескам, совершенно сгладившим низменность (бывшее¹ речное) с лица земли.

При таком подъеме поверхности трудно допустить, чтобы здесь, даже при необыкновенно высоком уровне вод образовалось когда либо речное, и если человек не прибегнет к искусству, можем смело утверждать, что 1845 г. был для него последним.

Под урочищем *Хортицкий Степок* и *Малая Хортица* несомненно кроется остров Малая Хортица, к берегу которого приставал 4 июля 1594 года посол Римского Императора Рудольфа Эрх Ляссота на обратном пути из Запорожской Сечи².

На бывшем некогда острове Малая Хортица, начиная от скалы *Рогозиной* и кончая скалой *Канцерской*, сохранилась целая сеть укреплений в виде редутов, соединенных траншеями. По преданиям, лет 100 тому назад валы редутов были значительно выше, а рвы далеко глубже. Здесь, по рассказам старожилов, при раскопке укреплений часто находили и находят медные монеты Петра I и Анны Иоанновны³. Князь Мышецкий, говоря о 3-х речках Хортицах, довольно определенно указывает здесь место русских, несомненно миниховских укреплений, сооруженных в 1738 - 39 годах «для закрытия Российской флотилии».

Затем, ниже скалы *Рогозиной*, сохранилась запорожская криница, расположенная на 20 - 25 футов выше уровня Днепра в небольшой, прикрытой дубовыми деревьями котловине и окаймленная очеретом. Криница эта замечательна тем, что в ней никогда не иссякает, не замерзает вода. Зимой теплая, а летом холодная вода этого бьющего ключа, непрерывно журчит и струится по склону днепровского берега⁴. В народе держится предание о зарытом здесь кладе.

В 1789⁵ году в урочище Хортицкий Степок немцы застали 3-х старых бессемейных рыбаков-запорожцев, из которых один жил в

---

¹ Исправлено автором з «большое».

² Путевые записки, перевод Бруна, стр. 53. *Я.Н.*

³ С укрепления, расположенного на Канцерской скале, мы имеем в своем распоряжении две медные монеты Анны Иоанновны за 1734 и 1736 годы. К слову заметим, что Канцерская скала при летнем уровне Днепра возвышается на 54 фута и укрепление на ней, в виде неправильного четырехугольника (форма поверхности скалы), занимает площадь в 1521 квадрат. саж.

⁴ В трескучий мороз 1 февраля 1885 года нам пришлось видеть эту криницу незамерзшею. Температура воды была настолько высока, что в ней свободно выигрывали мелкие насекомые, зеленели водоросли и листья совершенно свежих болотных трав. *Я.Н.*

⁵ Исправлено автором з «1709».

балочке ниже скалы Рогозиной у описанной криницы, другой – в следующей балочке, ближайшей к нынешней паромной переправе на остров Хортицу - Наумовой¹, третий – около скалы Канцерской. Жили они, говорят, в небольших низеньких, с крохотными окошечками², хатенках, ютившихся под прикрытием ветвистых дубов. Козаки жили в довольстве, причем один из них, Канцира-Гурченко, имел лошадей, скот и пасеку. Последний, по рассказам, несмотря на свои старые годы отличался большой отвагой и силой. Для него, говорят, за шутку было согнуть железный скворень, переплыть Днепр на коне или подстрелить с ружья любого зверя, любую на лету птицу. Ко всякой удали он приучал и своих хлопцев-наймитов. Около 1795 года Канцире-Гурченко с товарищами предложено было избрать место оседлости, почему все они перекочевали на левую сторону Днепра в сел. Вознесенку, вблизи Александровской крепости.

У самой колонии Хортицы устьями сходятся три глубокие балки – справа *Канцерская*, о которой мы говорили впереди, названная по имени запорожца Канциры, средняя – *Кайдацкая*, по которой когда-то шла дорога из Сечи в Кайдацкую паланку и третья слева – *Берестовая*, поросшая берестняком. Эти балки в екатерининское время, говорят, были покрыты лесом и обиловали родниками (ключами). Широкая долина р. Верхней Хортицы, в особенности правая сторона, по воспоминаниям старожилов также представляла сплошной лес до устья. Здесь и в настоящее время во дворе меннонита Арона Гардера красуется вековой дуб, имеющий в окружности 6 арш. и 5 вершков, причем дуб этот под сенью своею прикрывает и домик меннонита, и часть двора, и огород, занимая площадь 120 кв. саж. Это тот самый «старый» дуб у которого впервые поселились в 1789 г., и по замечанию старцев, он мог бы поведать нам свою историю не менее, как за двести лет. Зная как беспощадно у нас истребляют памятники старины, недурно было бы, если бы охрану этого редкого по чудовищным размерам и красоте дуба, взяло на себя местное общество или лесоохранительный комитет.

С юго-западной и западной стороны колоний Розенталь и Хортица, на высоком степном кряже расположено несколько огромных могил, одна от другой на расстоянии 3 - 5 верст. На некоторых из этих могил, говорят, в начале 800-х годов стояли каменные бабы, впоследствии расхищенные томаковскими крестьянами. Академик Зуев, говоря о множестве каменных баб, виденных им в 1781 году на курганах

---

¹ Слово вставлено автором.

² Выправлено автором з «окончиками».

Азовской и Новороссийской губернии, между прочим прилагает к «Запискам» интересный рисунок каменной бабы, найденной им на ближайшем к р. Хортице кургане, по дороге в Томаковку¹. Снимок с этого и др. рисунков каменных изваяний мы позволили себе сфотографировать из этой редкой книги.

Заканчивая описание местности, прилежащей к Днепру и Хортице, считаем небезынтересным сказать несколько слов об урочище *Царская Пристань**. Урочище это находится на правой стороне Днепра в том месте, где отделялось от Днепра речичье, омывавшее некогда остров Малую Хортицу. Здесь, по преданию, в 1787 году «приставала» флотилия Екатерины II-й, после спуска через пороги и здесь же гребки суден заменены были рулями. Затем в 1790 году, на этом самом берегу Днепра был склад или пристань «царского леса», сплавленного по Днепру для постройки 8-ми колоний Хортицкого меннонитского округа. Отсюда и *Царская Пристань*.

---

¹ Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева... - С. 261.